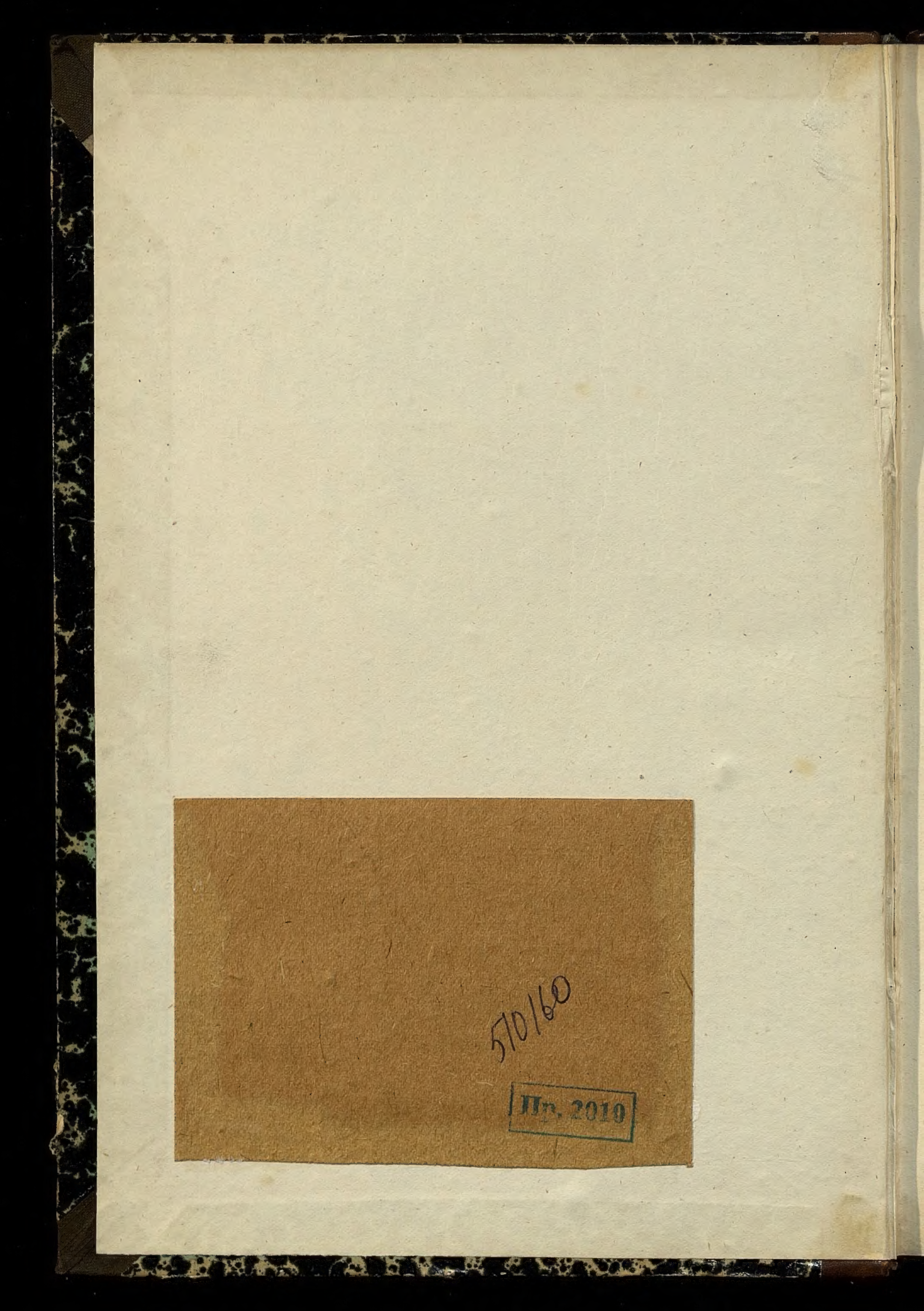
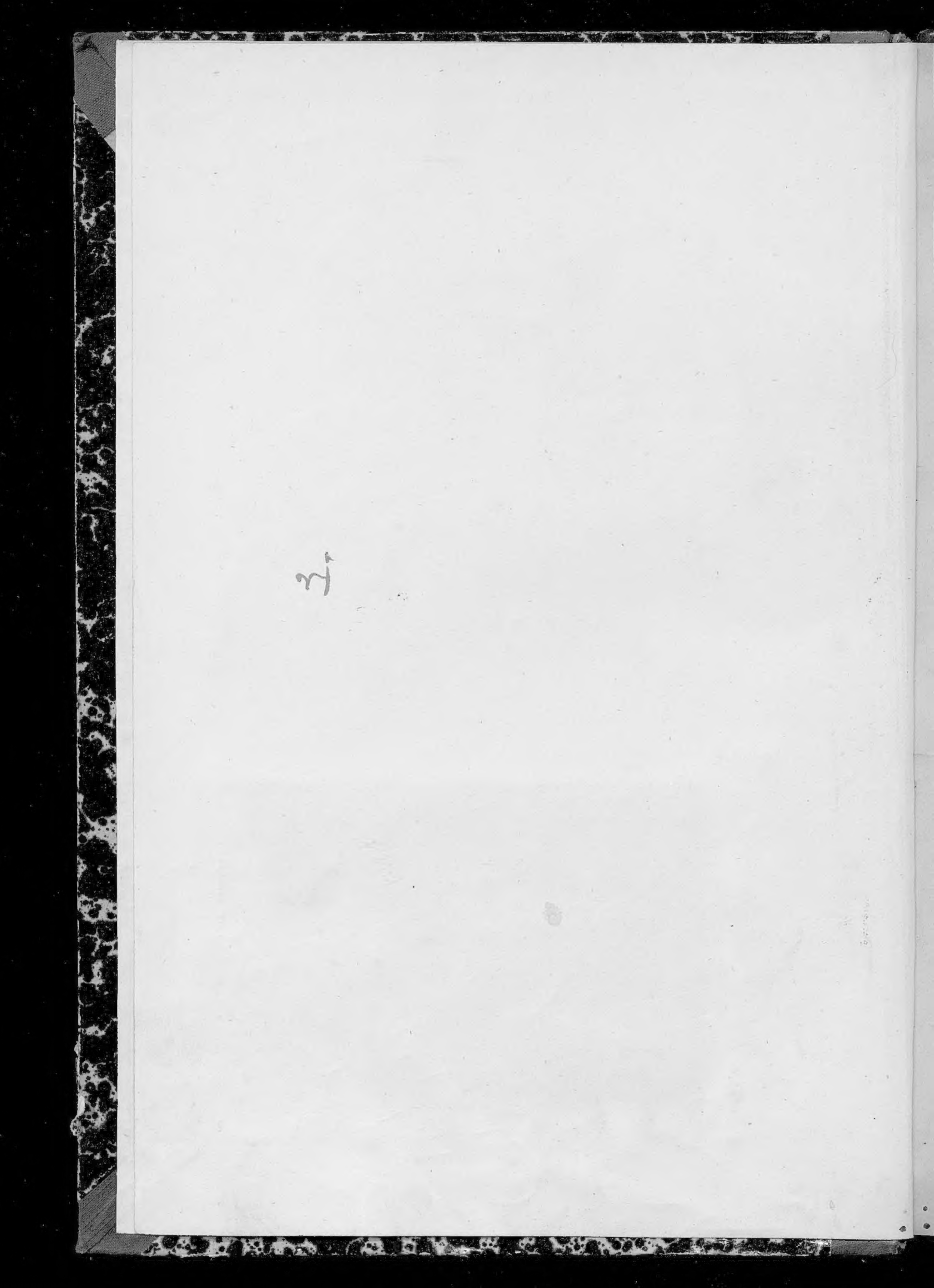

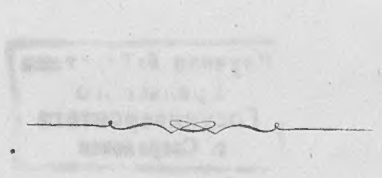

БУМАГИ

А. С. ПУШКИНА.

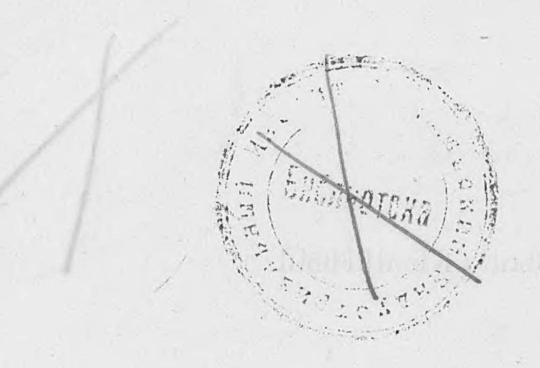

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей книжкѣ собраны бумаги Пушкина, хранившіяся у его сына Александра Александровича и нынѣ переданныя имъ въ Московскій Румянцовскій Музей. Сюда присоединены письма Пушкина къ Гончаровымъ и замѣтки на новое изданіе его сочиненій, принадлежащія Г. С. Чирикову. Почти все это предварительно появилось въ Русскомъ Архивѣ 1880 и 1881 годовъ.

Образъ Пушкина выступаетъ здѣсь въ подлинныхъ чертахъ своихъ.

Тутъ настоящая его автобіографія: его дружескія и общественныя сношенія, первые начатки его творческихъ замысловъ, его исповѣдь, какъ человѣка и писателя, то что̀ выливалось изъ подъ пера его еще безъ мысли о напечатаніи; наконецъ и то, чего при жизни своей напечатать онъ не хотѣлъ, или не могъ.

За это собраніе поблагодаритъ насъ будущій его жизнеописатель.

П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

НОВАЯ ГЛАВА ИЗЪ „КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ“

Печатается съ подлинной собственноручной тетради, на которой А. С. Пушкинымъ означено: „XII. Пропущенная глава“. Пушкинъ, кажется, имѣлъ намѣреніе помѣстить ее въ отдѣльномъ изданіи своей повѣсти, но не успѣлъ исполнить этого намѣренія. „Капитанская Дочка“ принадлежитъ къ послѣднимъ произведеніямъ его; она появилась въ последней книжкѣ его „Современника“, и въ концѣ ея помѣта: „19 Октября 1836“.

Вся повѣсть первоначально состояла не изъ четырнадцати, а изъ пятнадцати главъ, и въ ходѣ разсказа печатаемая глава должна была начинаться въ томъ мѣстѣ нынѣшней XIII главы (стр. 114 Анненковскаго изданія), гдѣ говорится, что полковникъ, у котораго служитъ герой повѣсти, получилъ повелѣніе переправиться черезъ Волгу для преслѣдованія Пугачевскихъ шаекъ.

При сличеніи остальныхъ главъ „Капитанской Дочки“ съ подлинною рукописью, мы нашли только одинъ пропускъ въ VIII-й главѣ, сдѣланный самимъ Пушкинымъ. Пугачевъ говоритъ Гриневу: „Ступай ко мнѣ въ службу, и я пожалую тебя въ князья Потемкины.“

Подлинная рукопись „Капитанской Дочки“ (кромѣ главъ I-й и VII-й) хранится нынѣ въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ.

Въ слѣдующихъ выпускахъ Русскаго Архива появятся новыя выдержки изъ рукописей великаго поэта, сыну котораго, Александру Александровичу, мы обязаны дозволеніемъ за то. П. Б.

*

....Зуринъ [1]) получилъ повелѣніе переправиться черезъ Волгу и спѣшить къ Симбирску, гдѣ уже разгоралось пламя пожара. Мысль, что можетъ быть удастся мнѣ заѣхать къ вамъ въ деревню, обнять родителей и увидѣться съ Марьей Ивановной одушевила меня радостью. Я прыгалъ какъ ребенокъ и повторялъ, обнимая Зурина: «Въ Симбирскъ! Въ Симбирскъ!» Зуринъ вздыхалъ и говорилъ, пожимая плечами: «Нѣтъ, тебѣ не сдобровать. Женишься, ни за что пропадешь!».....

Мы приближались къ берегамъ Волги. Полкъ нашъ вступилъ въ деревню ** и остановился въ ней ночевать. На другой день утромъ мы должны были переправиться. Староста объявилъ мнѣ, что на той сторонѣ всѣ деревни взбунтовались; шайки Пугачевскія бродятъ вездѣ.

Это извѣстіе меня сильно встревожило.

Нетерпѣніе овладѣло мною и не давало мнѣ покою. Деревня отца моего находилась въ 30 верстахъ по ту сторону рѣки. Я спросилъ, не сыщется ли перевощика. Всѣ крестьяне были рыболовы, лодокъ много. Я пришелъ къ Гриневу и объявилъ ему о своемъ намѣреніи. — «Берегись», сказалъ онъ мнѣ. «Одному ѣхать опасно. Дождись утра. Мы переправимся первые и пріѣдемъ въ гости къ твоимъ родителямъ съ 50 гусарами на всякій случай».

Я настоялъ на своемъ. Лодка была готова. Я сѣлъ въ нее съ двумя гребцами. Они отчалили и ударили въ весла.

Небо было ясно. Луна сіяла. Погода была тихая. Волга неслась ровно и спокойно. Лодка, плавно качаясь, скользила по поверхности темныхъ волнъ. Мы достигли средины рѣки... Вдругъ гребцы начали шептаться между собою. «Что такое?» спросилъ я очнувшись. — «Не знаемъ, Богъ вѣсть», отвѣчали гребцы, смотря въ одну сторону. Глаза мои приняли тоже направленіе, и я увидѣлъ въ сумракѣ что-то плывшее внизъ по Волгѣ. Незнакомый предметъ приближался. Я велѣлъ гребцамъ остановиться и дождаться. «Что бы это было?», говорили гребцы. «Парусъ не парусъ, мачта не мачта». Луна зашла за облако. Плывущій призракъ сдѣлался еще темнѣе. Онъ былъ отъ меня уже близко, и я все еще не могъ его различить. Вдругъ луна вышла изъ-за облака

[1]) Это имя полковника, у котораго въ полку служитъ герой повѣсти и котораго Пушкинъ въ дальнѣйшемъ изложеніи этой главы называетъ „Гриневымъ“; а самъ герой первоначально былъ названъ не Гриневымъ, какъ теперь во всѣхъ изданіяхъ „Капитанской Дочки“, а Буланинымъ.

и озарила зрѣлище ужасное. Къ намъ на встрѣчу плыла висѣлица, утвержденная на плоту. Три тѣла висѣли на перекладинѣ. Болѣзненное любопытство овладѣло мною. Я захотѣлъ взглянуть на лица висѣльниковъ. По моему приказанію гребцы зацѣпили плотъ багромъ, и лодка моя толкнулась о плывущую висѣлицу. Я выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами. Полная луна озаряла обезображенныя лица несчастныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ старый Чувашъ [2]), другой—Русскій крестьянинъ, сильный и здоровый малый лѣтъ 20-ти. Взглянувъ на третьяго, я сильно былъ пораженъ и не могъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву. Надъ ними прибита была черная доска, на которой бѣлыми крупными буквами было написано: *Воры и бунтовщики.* Гребцы равнодушно ожидали меня, удерживая плотъ багромъ. Я сѣлъ опять въ лодку. Плотъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. Висѣлица долго чернѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, и лодка моя пристала къ высокому и крутому берегу.

Я щедро расплатился съ гребцами. Одинъ изъ нихъ повелъ меня къ выборному деревни, находившейся у перевоза. Я вошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ избу. Выборный, услышавъ, что я требую лошадей, принялъ было меня довольно грубо; но мой вожатый сказалъ ему тихо нѣсколько словъ, и его суровость тотчасъ обратилась въ торопливую услужливость. Въ одну минуту тройка была готова. Я сѣлъ въ телѣжку и велѣлъ себя везти въ нашу деревню.

Я скакалъ по большой дорогѣ мимо спящихъ деревень. Я боялся одного: быть остановлену на дорогѣ. Если ночная встрѣча моя на Волгѣ доказывала присутствіе бунтовщиковъ, то она вмѣстѣ была доказательствомъ и сильнаго противодѣйствія правительства. На всякій случай я имѣлъ въ карманѣ пропускъ, выданный мнѣ Пугачевымъ и приказъ полковника Гринева. Но никто мнѣ не встрѣчался, и къ утру я завидѣлъ рѣку и еловую рощу, за которой находилась наша деревня. Ямщикъ ударилъ по лошадямъ, и черезъ четверть часа я въѣхалъ въ **. Барскій домъ находился на другомъ концѣ села. Лошади мчались во весь духъ. Вдругъ посреди улицы ямщикъ началъ ихъ удерживать. «Что̀ такое?» спросилъ я съ нетерпѣніемъ. «Застава, баринъ», отвѣчалъ ямщикъ, съ трудомъ остановя разъяренныхъ коней. Въ самомъ дѣлѣ я увидалъ рогатку и караульнаго съ дубиною. Мужикъ подошелъ ко мнѣ и снялъ шляпу, спрашивая пашпорту. «Что̀ это зна-

---

[2]) Зачеркнуты слова: „Въ одномъ изъ нихъ узналъ я Башкирца, видѣннаго мною въ станѣ Пугачевскомъ".

чить?» спросилъ я его. «Зачѣмъ здѣсь рогатка? Кого ты караулишь?» —«Да мы, батюшка, бунтуемъ», отвѣчалъ онъ почесываясь. — «А гдѣ ваши господа?» спросилъ я съ сердечнымъ замираніемъ.—«Господа-то наши гдѣ?» повторилъ мужикъ. «Господа наши въ хлѣбномъ анбарѣ». —«Какъ въ анбарѣ»?—«Да Андрюха земскій посадилъ, вишь, ихъ въ колодки и хочетъ везти къ батюшкѣ-Государю!»—«Боже мой! Отворачивай, дуракъ, рогатку. Что̀ же ты зѣваешь?»

Караульный медлилъ. Я выскочилъ изъ телѣги, треснулъ его (виноватъ) въ ухо и самъ отодвинулъ рогатку. Мужикъ мой глядѣлъ на меня съ глупымъ недоумѣніемъ. Я сѣлъ опять въ телѣгу и велѣлъ скакать къ барскому дому. Хлѣбный анбаръ находился на дворѣ. У запертыхъ дверей стояли два мужика съ дубинами. Телѣга остановилась прямо передъ ними. Я выскочилъ и бросился прямо на нихъ. «Отворяй двери!» сказалъ я имъ. Вѣроятно видъ мой былъ страшенъ; по крайней мѣрѣ оба убѣжали, бросивъ дубины. Я попытался сбить замо̀къ съ двери, выломать; но двери были дубовыя, а огромный замо̀къ несокрушимъ. Въ эту минуту молодой мужикъ вышелъ изъ людской избы и съ видомъ надменнымъ спросилъ меня, какъ я смѣю буянить. «Гдѣ Андрюшка земскій?» закричалъ я ему. «Кликнуть его ко мнѣ!»

—«Я самъ Андрей Аѳанасьевичъ, а не Андрюшка», отвѣчалъ онъ мнѣ гордо подбочась... Чего надобно?»

Вмѣсто отвѣта я схватилъ его за шиворотъ и, притащивъ къ дверямъ анбара, велѣлъ ихъ отпирать. Земскій было заупрямился; но *отеческое* наказаніе подѣйствовало и на него. Онъ вынулъ ключъ и отперъ анбаръ. Я кинулся черезъ порогъ и въ темномъ углу, слабо освѣщенномъ узкимъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ потолкѣ, увидѣлъ мать и отца. Руки ихъ были связаны, на ноги набиты были колодки. Я бросился ихъ обнимать и не могъ выговорить ни слова. Оба смотрѣли на меня съ изумленіемъ: три года военной жизни такъ измѣнили меня, что они не могли меня узнать.

Вдругъ услышалъ я милый знакомый голосъ. «Петръ Андреичъ! Это вы?» Я оглянулся и вижу въ другомъ углу Марью Ивановну, также связанную. Я остолбенѣлъ. Отецъ глядѣлъ на меня молча, не смѣя вѣрить самому себѣ. Радость блистала на лицѣ его. «Здравствуй, здравствуй, Петруша!» говорилъ онъ, прижимая меня къ сердцу. «Слава Богу, дождались тебя!» Матушка ахнула и залилась слезами. «Петруша, другъ мой! Какъ тебя Господь привелъ? Здоровъ ли ты?»

Я спѣшилъ саблею разрѣзать узлы ихъ веревокъ и вывести ихъ изъ заключенія; но, подошедъ къ двери, я нашелъ ее снова запертою. «Андрюшка!» закричалъ я, «отопри!» — «Какъ не такъ!» отвѣчалъ изъ

за двери земскій. «Сиди-ка самъ здѣсь! Вотъ ужо научимъ тебя буянить да за воротъ таскать государевыхъ чиновниковъ!»

Я сталъ осматривать анбаръ, ища, не было ли какого нибудь способа выбраться: «не трудись», сказалъ мнѣ батюшка. «Не таковской я хозяинъ, чтобъ можно было въ анбары мои входить и выходить воровскими лазейками». Матушка, на минуту обрадованная моимъ появленіемъ, впала въ отчаяніе, видя, что пришлось и мнѣ раздѣлить погибель всей семьи. Но я былъ спокойнѣе, съ тѣхъ поръ какъ находился съ ними и съ Марьей Ивановной. Со мной была сабля и два пистолета: я могъ еще выдержать осаду. Гриневъ долженъ былъ подоспѣть къ вечеру и насъ освободить. Я сообщилъ все это моимъ родителямъ и успѣлъ успокоить матушку и Марью Ивановну. Онѣ предались вполнѣ радости свиданія, и нѣсколько часовъ прошли для насъ незамѣтно во взаимныхъ ласкахъ и непрерывныхъ разговорахъ [3]).

«Ну, Петръ», сказалъ мнѣ отецъ, «довольно ты проказилъ, и я на тебя порядкомъ былъ сердитъ. Но нечего поминать про старое. Надѣюсь, что теперь ты исправился и перебѣсился. Знаю, что ты служилъ, какъ надлежитъ честному офицеру. Спасибо, утѣшилъ меня старика. Коли тебѣ обязанъ я буду избавленіемъ, то жизнь мнѣ вдвое будетъ пріятнѣе». Я со слезами цѣловалъ его руку и глядѣлъ на Марью Ивановну, которая была такъ обрадована моимъ присутствіемъ, что казалась совершенно счастлива и спокойна.

Около полудни услышали мы необычайный шумъ и крики. «Что это значитъ?» сказалъ отецъ. «Ужъ не твой ли полковникъ подоспѣлъ?» — «Невозможно, отвѣчалъ я: «онъ не будетъ прежде вечера». Шумъ умножался. Били въ набатъ. По двору скакали конные люди. Въ эту минуту, въ узкое отверстіе, прорубленное въ стѣнѣ, просунулась сѣдая голова Савельича, и мой бѣдный дядька произнесъ жалостнымъ голосомъ: «Андрей Петровичъ! Батюшка ты мой, Петръ Андреичъ. Марья Ивановна! Бѣда! Злодѣи вошли въ село. И знаешь ли, Петръ Андреичъ, кто ихъ привелъ? Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ, нелегкое его побери!»

Услыша ненавистное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и осталась неподвижною. «Послушай!» сказалъ я Савельичу, «пошли кого нибудь верхомъ къ перевозу, на встрѣчу гусарскому полку и вели дать знать полковнику объ нашей опасности».

«Да кого же послать, сударь? Всѣ мальчишки бунтуютъ, а лошади всѣ захвачены. Ахти! Вотъ ужъ на дворѣ! До анбара добираются!»

Въ это время за дверью раздалось нѣсколько голосовъ. Я далъ

---

[3]) Послѣднее предложеніе (со словъ: и нѣсколько часовъ), Пушкинымъ зачеркнуто.

знакъ матушкѣ и Марьѣ Ивановнѣ удалиться въ уголъ, обнажилъ саблю и прислонился къ стѣнѣ у самой двери. Батюшка взялъ пистолеты, на обоихъ взвелъ курокъ и сталъ подлѣ меня. Загремѣлъ замо́къ, дверь отворилась, и голова земскаго показалась. Я ударилъ по ней саблею, и онъ упалъ, загородивъ входъ. Въ туже минуту батюшка выстрѣлилъ въ двери изъ пистолета. Толпа, осаждавшая насъ, отбѣжала съ проклятіями. Я перетащилъ черезъ порогъ раненаго и заперъ дверь.

Дворъ былъ полонъ вооруженныхъ людей. Между ними узналъ я Швабрина. «Не бойтесь», сказалъ я женщинамъ, «есть надежда. А вы, батюшка, уже болѣе не стрѣляйте. Побережемъ послѣдній зарядъ».

Матушка молча молилась Богу. Марья Ивановна стояла подлѣ нея, съ ангельскимъ спокойствіемъ ожидая рѣшенія судьбы своей. За дверьми раздавались угрозы, брань и проклятіе. Я стоялъ на своемъ мѣстѣ готовый изрубить перваго смѣльчака. Вдругъ злодѣи замолчали. Я услышалъ голосъ Швабрина, зовущаго меня по имени.

— «Я здѣсь. Чего ты хочешь»?

— «Сдайся, Буланинъ [4]): противиться невозможно. Пожалѣй своихъ стариковъ. Упрямствомъ себя не спасешь. Я до васъ доберусь»!

— «Попробуй, измѣнникъ»!

— «Не стану ни самъ соваться попустому, ни своихъ людей тратить, а велю поджечь анбаръ, и тогда посмотримъ, что̀ ты станешь дѣлать, Донъ-Кишотъ Бѣлогорскій [5]). Теперь пора обѣдать. Покамѣстъ сиди да думай на досугѣ. До свиданья! Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами: вамъ вѣроятно нескучно въ потемкахъ съ вашимъ рыцаремъ».

Швабринъ удалился, оставя караулъ у анбара. Мы молчали. Каждый изъ насъ думалъ про себя, не смѣя сообщить другому своихъ мыслей. Я воображалъ себѣ все что̀ въ состояніи былъ учинить озлобленный Швабринъ. О себѣ я почти не заботился. Признаться ли? И участь родителей моихъ не столько ужасала меня, какъ судьба Марьи Ивановны. Я зналъ, что матушка была обожаема крестьянами и дворовыми людьми. Батюшка, не смотря на свою строгость, былъ также любимъ, ибо былъ справедливъ и зналъ истинныя нужды подвластныхъ ему людей. Бунтъ ихъ былъ заблужденіе, мгновенное пьянство, а не изъявленіе ихъ негодованія. Тутъ пощада была вѣроятна. Но Марья Ивановна? Какую участь готовилъ ей безсовѣстный и развратный че-

---

[4]) Вотъ имя героя повѣсти, первоначально данное ему Пушкинымъ. Очень можетъ быть, что весь разсказъ въ основѣ своей не вымышленъ и что Пушкинъ въ „Капитанской Дочкѣ“ передалъ дѣйствительную судьбу Буланина. П. Б.

[5]) Эти три слова Пушкинымъ зачеркнуты.

ловѣкъ! Я не смѣлъ останавливаться на этой ужасной мысли и готовился (прости, Господи!) умертвить ее скорѣе, нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго недруга.

Прошло еще около часа. Въ деревнѣ раздавались пѣсни пьяныхъ. Караульные наши имъ завидовали и, досадуя на насъ, ругались и стращали насъ истязаніями и смертью. Мы ожидали послѣдствія угрозамъ Швабрина. Наконецъ сдѣлалось большое движеніе на дворѣ, и мы опять услышали голосъ Швабрина.

— «Что̀, надумались ли вы? Сдаетесь ли добровольно въ мои руки»?

Никто не отвѣчалъ.

Подождавъ немного, Швабринъ велѣлъ принести соломы. Черезъ нѣсколько минутъ вспыхнулъ огонь и освѣтилъ темный анбаръ. Дымъ началъ пробиваться изъ-подъ щелей порога.

Тогда Марья Ивановна подошла ко мнѣ и тихо, взявъ меня за руку, сказала: «Полно, Петръ Андреичь! Не губите за меня и себя, и родителей. Швабринъ меня послушаетъ. Выпустите меня!»

— «Ни за что», закричалъ я съ сердцемъ. «Знаете ли вы что̀ васъ ожидаетъ?»

— «Безчестія не переживу», отвѣчала она спокойно. «Но, можетъ быть, я спасу моего избавителя и семью, которая такъ великодушно призрѣла мое бѣдное сиротство. Прощайте, Андрей Петровичь! Прощайте.... [6]) Вы были для меня болѣе чѣмъ благодѣтели. Благословите меня. Простите же и вы, Петръ Андреичь. Будьте увѣрены, что... что»... Тутъ она заплакала и закрыла лице руками.... Я былъ какъ сумасшедшій. Матушка плакала.

— «Полно врать, Марья Ивановна», сказалъ мой отецъ. «Кто тебя пуститъ одну къ разбойникамъ! Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужъ вмѣстѣ. Слушай! Что̀ тамъ еще говорятъ?»

«Сдаетесь ли?» кричалъ Швабринъ. «Видите? Черезъ пять минутъ васъ изжарятъ».

— «Не сдадимся, злодѣй!» отвѣчалъ ему батюшка твердымъ голосомъ. Бодрое лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительно. Глаза сверкали изъ подъ сѣдыхъ бровей. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «Теперь пора!»

Онъ отперъ двери. Огонь ворвался и взвился по бревнамъ, законопаченнымъ сухимъ мо̀хомъ. Батюшка выстрѣлилъ, шагнулъ за пылающій порогъ и закричалъ: «За мной!» Я взялъ за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывелъ ихъ на воздухъ. У порога лежалъ

---

[6]) Тутъ Пушкинъ оставилъ мѣсто для имени матери своего героя.

Швабринъ, простреленный дряхлою рукою отца моего. Толпа разбойниковъ, бѣжавшая отъ неожиданной нашей вылазки, тотчасъ ободрилась и начала насъ окружать. Я успѣлъ нанести еще нѣсколько ударовъ; но кирпичь, удачно брошенный, угодилъ мнѣ прямо въ грудь. Я упалъ и на минуту лишился чувствъ; меня обступили и обезоружили. Пришедъ въ себя, увидѣлъ я Швабрина, сидѣвшаго на окровавленой травѣ, и передъ нимъ наше семейство.

Меня поддерживали подъ руки. Толпа крестьянъ, казаковъ и Башкирцевъ окружала насъ. Швабринъ былъ ужасно блѣденъ. Одной рукой прижималъ онъ раненый бокъ. Лице его изображало мученіе и злобу. Онъ медленно поднялъ голову, взглянулъ на меня и произнесъ слабымъ и невнятнымъ голосомъ: «Вѣшать его... и всѣхъ... кромѣ ея»...

Толпа тотчасъ окружила насъ и потащила къ воротамъ. Но вдругъ они насъ оставили и разбѣжались: въ ворота въѣхалъ Гриневъ и за нимъ цѣлый эскадронъ съ саблями на̀-голо.

Бунтовщики утекали во всѣ стороны. Гусары ихъ преслѣдовали, рубили и хватали въ плѣнъ. Гриневъ соскочилъ съ лошади, поклонился батюшкѣ и матушкѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку. «Кстати же я подоспѣлъ!» сказалъ онъ намъ. «А, вотъ и твоя невѣста!» Марья Ивановна покраснѣла по уши. Батюшка къ нему подошелъ и благодарилъ его съ видомъ спокойнымъ, хотя и тронутымъ. Матушка обнимала его, называя ангеломъ-избавителемъ. «Милости просимъ къ намъ», сказалъ ему батюшка и повелъ его къ намъ въ домъ.

Проходя мимо Швабрина, Гриневъ остановился. «Это кто?» спросилъ онъ, глядя на раненаго. «Это самъ предводитель шайки», отвѣчалъ мой отецъ съ нѣкоторою гордостью, обличающей стараго воина. «Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей наказать молодаго злодѣя и отмстить ему за кровь моего сына».—«Это Швабринъ», сказалъ я Гриневу.—«Швабринъ! Очень радъ. Гусары, возьмите его! Да сказать лѣкарю, чтобъ онъ перевязалъ ему рану и берегъ его какъ зѣницу ока. Швабрина надобно непремѣнно представить въ Секретную Казанскую Комиссію. Онъ одинъ изъ главныхъ преступниковъ, и показанія его должны быть важны!»

Швабринъ открылъ томный взглядъ. На лицѣ его ничего не изображалось кромѣ физической муки. Гусары отнесли его на плащѣ.

Мы вошли въ комнаты. Съ трепетомъ смотрѣлъ я вокругъ себя, припоминая свои младенческіе годы. Ничто въ домѣ не измѣнилось, все было на прежнемъ мѣстѣ: Швабринъ не дозволилъ его разграбить, сохраняя въ самомъ своемъ униженіи невольное отвращеніе отъ безчестнаго корыстолюбія.

Слуги явились въ переднюю. Они не участвовали въ бунтѣ и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію. Савельичь торжество-

валъ. Надобно знать, что во время тревоги, произведенной нападеніемъ разбойниковъ, онъ побѣжалъ въ конюшню, гдѣ стояла Швабрина лошадь, осѣдлалъ ее, вывелъ тихонько и, благодаря суматохѣ, незамѣтнымъ образомъ поскакалъ къ перевозу. Онъ встрѣтилъ полкъ, отдыхавшій уже по сю сторону Волги. Гриневъ, узнавъ отъ него объ нашей опасности, велѣлъ садиться, скомандовалъ маршъ, маршъ, въ галопъ! и, слава Богу, прискакалъ во время.

Гриневъ настоялъ на томъ, чтобы голова земскаго была на нѣсколько часовъ выставлена на шестѣ у кабака.

Гусары возвратились съ погони, захватя въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ. Ихъ заперли въ тотъ самый анбаръ, въ которомъ выдержали мы достопамятную осаду. Мы разошлись каждый по своимъ комнатамъ. Старикамъ нуженъ былъ отдыхъ. Не спавши цѣлую ночь, я бросился на постель и крѣпко заснулъ. Гриневъ пошелъ дѣлать свои распоряженія.

Вечеромъ мы соединились въ гостиной около самовара, весело разговаривая о минувшей опасности. Марья Ивановна разливала чай. Я сѣлъ подлѣ нея и занялся ею исключительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрѣли на нѣжность нашихъ отношеній. Доселѣ этотъ вечеръ живетъ въ моемъ воспоминаніи. Я былъ счастливъ, счастливъ совершенно; а много ли таковыхъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой?

На другой день доложили батюшкѣ, что крестьяне явились на барской дворъ съ повинною. Батюшка вышелъ къ нимъ на крыльцо. При его появленіи мужики стали на колѣни. «Ну что, дураки!» сказалъ онъ имъ. «Зачѣмъ вы вздумали бунтовать?»—«Виноваты, государь ты нашъ», отвѣчали они въ голосъ. «То-то виноваты! Напроказять, да сами не рады! Прощаю васъ для радости, что Богъ привелъ меня свидѣться съ сыномъ Петромъ Андреевичемъ. Ну добро: повинную голову мечъ не сѣчетъ.»

— «Виноваты, конечно виноваты!»

— «Богъ далъ ведро. Пора бы сѣно убирать; а вы, дурачье, цѣлые три дня что̀ дѣлали? Староста! Нарядить поголовно на сѣнокосъ; да смотри, рыжая бестія, чтобъ у меня послѣ къ Иванову дню все сѣно было въ копнахъ! Убирайтесь!»

Мужики поклонились и пошли на барщину, какъ ни въ чемъ не бывало.

Рана Швабрина оказалась не смертельна. Его съ конвоемъ отправили въ Казань. Я видѣлъ изъ окна, какъ его уложили въ телѣгу. Взоры наши встрѣтились. Онъ потупилъ голову, а я отошелъ поспѣшно отъ окна: я боялся показать видъ, что торжествую надъ уничиженіемъ и несчастіемъ недруга.

Гриневъ долженъ былъ отправиться далѣе. Я рѣшился за нимъ

послѣдовать, не смотря на мое желаніе пробыть еще нѣсколько дней посреди моего семейства. Накануне похода я пришелъ къ моимъ родителямъ и по тогдашнему обыкновенію поклонился имъ въ ноги, прося ихъ благословенія на бракъ съ Марьею Ивановной. Старики меня подняли и въ радостныхъ слезахъ изъявили свое согласіе. Я привелъ къ нимъ Марью Ивановну блѣдную и трепещущую. Насъ благословили. Что чувствовалъ я, того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи, тотъ и безъ того меня пойметъ. Кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и совѣтовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить отъ родителей благословеніе.

На другой день полкъ собрался. Гриневъ простился съ нашимъ семействомъ. Всѣ мы были увѣрены, что военныя дѣйствія скоро будутъ прекращены. Черезъ мѣсяцъ я надѣялся быть супругомъ. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцѣловала меня при всѣхъ. Я сѣлъ въ кибитку. Савельичь опять за мною послѣдовалъ, и полкъ ушелъ. Долго смотрѣлъ я издали на сельскій домъ, опять мною покидаемый. Мрачное предчувствіе тревожило меня. Кто-то мнѣ шепталъ, что не всѣ несчастія для меня миновались. Сердце чуяло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода и окончанія Пугачевской войны. Мы проходили чрезъ селенія разореныя Пугачевымъ и по неволѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то что оставлено было имъ разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правленіе было всюду прекращено. Помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояніе всего края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть Русской бунтъ безсмысленный и безпощадный. Тѣ которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердные, коимъ и своя шейка копѣйка, и чужая головушка полушка.

II.

ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ Д. В. ДАВЫДОВУ.

(1836).

Ты думалъ, что твоя статья о партизанской войнѣ *) пройдетъ сквозь цензуру цѣла и невредима? Ты ошибся: она не избѣжала красныхъ чернилъ. Право, кажется, военные цензоры вымарываютъ для того, чтобъ доказать, что они читаютъ. Цензура дѣло земское; изъ нея отдѣлили опричину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ.

Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились Русскіе писатели, которые не только смирны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства; но знаю, что никогда не бывали они притѣснены какъ нынче. Даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирюкову...... Одно спасеніе намъ, если Государь успѣетъ самъ прочитать и разрѣшить.

---

*) Статья Д. В. Давыдова, присланная Пушкину въ Современникъ. Ее отдали на цензурный просмотръ извѣстному А. И. Михайловскому-Данилевскому. Пушкинъ отозвался: „Это все равно, какъ если бы князя Потемкина послать къ евнухамъ учиться у нихъ обхожденію съ женщинами“ (Слышано отъ Н. В. Шимановскаго). П. Б

ЛИТЕРАТУРНЫЯ СНОШЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

ПИСЬМА КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

А. А. Шишкова.

Надѣясь на твое снисхожденіе къ трудамъ моимъ, милый мой Александръ Сергѣевичъ, посылаю тебѣ 1-й томъ моихъ переводовъ; второй же доставлю съ первой почтой. Прими его: порой онъ напомнитъ тебѣ товарища дѣтскихъ лѣтъ твоихъ и отчасти бурной молодости. Посылая 2-й томъ, буду писать къ тебѣ подробно о многомъ, теперь же спѣшу, чтобъ не опоздать на почту. Не забывай меня, милый другъ, и сохрани ко мнѣ хоть сотую долю той дружбы, которой я гордился нѣкогда. И такъ до первой почты. Обнимаю тебя и почитаю излишнимъ увѣрять тебя въ чувствахъ глубокаго уваженія и преданности, которыя всегда питалъ къ тебѣ и питать не перестану.

Душевно преданный тебѣ

Ал. Шишковъ.

С. Останкино, 6 Октября 1831 года.

Супруги А. А. Шишкова

(безъ числа)

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Послѣ того, какъ я васъ видѣла, я все время была больна и потому не могла васъ видѣть и что нибудь доброе услышать. Вчера я только отъ Александра Семеновича узнала, что по вашему предложенію многіе члены согласны на то, чтобы все, чтò я хотѣла издать послѣ моего мужа, было напечатано въ Академіи. Я вчера была у васъ, чтобы лично благодарить васъ, васъ, какъ виновника этого благодѣянія и въ лицѣ вашемъ всѣхъ господъ членовъ Россійской Академіи, которые были такъ милостивы, что не отвергли помочь, сколько отъ нихъ зависило. Сколь ни горька моя участь, но эта черта меня поддерживаетъ. Не помощь, конечно, сдѣланная мнѣ; нѣтъ; она меня не

можетъ сдѣлать счастливой; могу быть покойнѣй отъ нея; но меня утѣшаетъ то, что есть люди, принимающіе во мнѣ участіе, объ которыхъ въ самыхъ моихъ бѣдствіяхъ я могу сказать, что я не совсѣмъ одна. Благодарность моя столь велика, сколь много можетъ чувствовать смертный.

Я бы желала очень васъ видѣть, чтобы посовѣтываться на счетъ подписки; но не знаю, въ которое время можно васъ застать дома. Я надѣюсь, что если вамъ время позволитъ, то вы не откажете посѣтить меня, чѣмъ много, премного обяжете.

Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь, готовая къ услугамъ вашимъ

К. Шишкова.

Сочиненія и переводы капитана А. А. Шишкова были изданы Россійскою Академіею въ 1834—1835 г. 4 части. П. Б.

Н. А. Полеваго.

1.

Ничего, совершенно ничего, милостивый государь Александръ Сергѣевичъ, мы всѣ, старые члены, ничего не дѣлаемъ, по крайней мѣрѣ я; изъ этого и выводится законъ, такъ какъ по *старымъ рѣшеніямъ* иностранные юристы составляютъ законы. Избраніе ваше сопровождалось рукоплесканіями и показало, что желаніе Общества украсить списокъ своихъ членовъ вашимъ именемъ было согласно съ чувствами публики весьма обширной. За дипломъ вносятъ члены (т. е. за пергаментъ) 25 рублей. Если въ самомъ дѣлѣ рѣшатся поднять Общество, какъ было хотѣли: вы, я увѣренъ въ этомъ, не отказались бы участвовать. Но, теперь.... Богъ знаетъ, что сдѣлается съ Обществомъ, и не будетъ ли оно имѣть участи Общества Соревнователей— никто не ручается.

Съ почтеніемъ есмь всегда вашъ покорный слуга Н. Полевой.

Адресъ: Monsieur, monsieur Pouchkine.

2.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ.

Вѣрьте, вѣрьте, что глубокое почтеніе мое къ вамъ никогда не измѣнялось и не измѣнится. Въ самой литературной непріязни, ваше имя, вы, всегда были для меня предметомъ искренняго уваженія, потому что вы у насъ *одинъ* и *единственный*. Сердечно поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю вамъ всего хорошаго.

Съ совершенною преданностію есмь и буду вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Николай Полевой.

1 Янв. 1831 г. Москва.

К. А. Полеваго.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Объявленіе объ издаваемомъ вами журналѣ обрадовало меня, какъ вѣсть самая пріятная для всѣхъ любящихъ литературу. Я желалъ бы съ своей стороны споспѣшествовать вашему изданію, какъ книгопродавецъ, и почелъ бы за особенное удовольствіе быть вашимъ коммиссіонеромъ въ Москвѣ. Не угодно ли вамъ назначить въ моей лавкѣ *депо*, гдѣ всегда было бы въ запасѣ десятка два-три экземпляровъ журнала, и гдѣ желающіе могли бы получать его тотчасъ, не дожидаясь выписки изъ Петербурга? Я вышлю деньги за всѣхъ подписчиковъ, сколько будетъ ихъ у меня до выхода первой книжки, и для этого желалъ бы только знать, когда выйдетъ она. Если же вамъ угодно будетъ принять мое предложеніе, то нельзя ли прислать сверхъ того нѣкоторое число экземпляровъ и упомянуть въ подробномъ объявленіи или въ объявленіи при журналѣ, что *въ Москвѣ подписка принимается въ книжной лавкѣ Полеваго?* Назначить условія предоставляю вамъ самимъ, потому что цѣль моя—не барыши.

Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ почтеніи, съ которымъ всегда имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Ксенофонтъ Полевой.

15 ч. Февраля 1836 года. Москва.

P. S. Адресъ мой: на Тверской, въ домѣ г-жи Мятлевой.

Д. Н. Бантыша-Каменскаго.

1.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Я долженъ болѣе жалѣть, нежели вы, что лишенъ удовольствія познакомиться съ уважаемымъ всѣми писателемъ, дѣлающимъ честь Россіи; но долгомъ поставлю предупредить васъ своимъ посѣщеніемъ въ доказательство глубочайшаго почтенія, съ коимъ имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

Дмитрій Бантышъ-Каменскій.

14 Декабря 1831.

2.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Тяжкая болѣзнь жены моей препятствовала мнѣ все это время узнать отъ васъ: не нуженъ ли вамъ портретъ Пугачева для сочине-

мой исторіи его? Я видѣлъ гравированный у Платона Петровича Бекетова и могу достать вѣрный рисунокъ съ онаго. Подлинный принадлежитъ къ тому времени, когда самозванецъ былъ пойманъ.—Полагая, что свѣдѣнія, собранныя вами, обширнѣе и любопытнѣе моихъ (изъ коихъ составлена мною біографія мнимаго Петра), желаю, однакожъ, знать отъ васъ: не имѣете ли вы надобности въ вѣрномъ описаніи примѣтъ, обыкновенной одежды и образа жизни Пугачева, почерпнутыхъ мною изъ писемъ частныхъ особъ къ покойному моему родителю? Если вамъ нужна и біографія, я могу выслать оную. При семъ прилагаю рисунокъ съ печати самозванца. Онъ представленъ безъ бороды, вѣроятно для бо̀льшаго убѣжденія легковѣрныхъ въ сходствѣ его съ Императоромъ, на котораго совсѣмъ не походилъ. Будьте здоровы и трудитесь для славы собственной и любезнаго отечества. Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою. Дмитрій Бантышъ-Каменскій.

Апрѣля 10-го 1834 года, Москва.

3.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Поспѣшаю представить вамъ: 1) біографію Пугачева; 2) разныя краткія біографіи, числомъ двадцать, отличившихся въ сіе смутное время вѣрностію къ престолу и содѣйствовавшихъ самозванцу; 3) біографію графа Петра Ивановича Панина, изъ коей, можетъ быть, вы что-либо почерпнете.—Первою (то есть Пугачевскою) бью вамъ челомъ, предоставляя оную въ полное ваше распоряженіе; вторыя прошу возвратить мнѣ, а біографію графа Панина потрудитесь (если найдете достойною) передать г. Смирдину для помѣщенія въ издаваемой имъ Библіотекѣ.

Извините, почтеннѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что за скоростію посылаю я вамъ нѣкоторыя черновыя бумаги. Счастливымъ себя почту, удовлетворивъ любопытство ваше. Вѣрьте, что душевная преданность моя къ вамъ соотвѣтствуетъ глубочайшему почтенію, съ коимъ имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою. Дмитрій Бантышъ-Каменскій.

Мая 7-го 1834 года. Москва.

Въ Молчановскомъ переулкѣ, въ домѣ г-жи Колошиной.

4.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Примите чувствительнѣйшую мою благодарность за обязательное письмо ваше отъ 3-го Іюня. Теперь я въ долгу у васъ, ибо служилъ

вамъ отъ добраго сердца бездѣлицею, а вы стараетесь одолжить меня, изыскивая къ тому средства.

Скажу вамъ откровенно, почтеннѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что участвовать въ журналѣ господина Смирдина, украшаемомъ произведеніями извѣстнѣйшихъ писателей нашихъ, весьма для меня лестно, и я готовъ сообщать ему каждый мѣсяцъ изъ написанныхъ мною біографій (пятисотъ) одну, одинакой величины съ біографіею графа Панина, или двѣ, соотвѣтствующія оной и еще никѣмъ неизданныя; но оцѣнивать трудовъ своихъ не могу, а предоставляю ему самому сообразить и меня увѣдомить.

Чтожъ касается до торговаго оборота господина Плюшара, имѣющаго также свою цѣну, признаюсь вамъ: мнѣ нежелательно жертвовать шестилѣтнимъ трудомъ своимъ для славы издателя. Біографіи мои будутъ поглощены множествомъ предметовъ сего Лексикона.

Съ нетерпѣніемъ жажду прочесть твореніе ваше, при появленіи онаго въ свѣтѣ. Предметъ весьма любопытный и навѣрно искусно обработанный вами.

Когда въ краткихъ біографіяхъ жертвъ и участниковъ Пугачева вы не будете имѣть надобности, потрудитесь возвратить оныя имѣющему честь быть съ глубочайшимъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностію вашему, милостивый государь, покорнѣйшему слугѣ

Дмитрію Бантышъ-Каменскому.

Іюня 14-го 1834 года Москва.

Жительство имѣю на Собачьей площадкѣ, въ Молчановскомъ переулкѣ, въ домѣ князя Крапоткина.

5.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Полагая, что вы не имѣете болѣе надобности въ сообщенныхъ мною вамъ біографіяхъ, покорнѣйше прошу одолжить меня возвращеніемъ оныхъ, чѣмъ чувствительно изволите обязать имѣющаго честь быть съ глубочайшимъ къ вамъ высокопочитаніемъ и душевною пре-преданностію вашего высокородія покорнѣйшаго слугу Дмитрія Бантыша-Каменскаго.

Генваря 9-го 1835 года. Москва.

P. S. Съ наступившимъ новымъ годомъ и съ драгоцѣннымъ для насъ *подаркомъ* отъ всего сердца поздравляю.

6.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

За экземпляръ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, мною полученный и который будетъ служить украшеніемъ моей библіотеки, равно за возвращеніе біографій, принося вамъ чувствительнѣйшую благодарность, пользуюсь симъ случаемъ, чтобы возобновить вамъ увѣренія въ чувствахъ глубочайшаго почтенія и душевной преданности, съ коими имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Дмитрій Бантышъ-Каменскій.

Апрѣля 18-го 1835 года, Москва.

Н. И. Греча.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Могу утѣшить васъ въ разсужденіи А. Б. По всему кажется, что онъ живъ. 15-го былъ онъ въ Дербентѣ и писалъ оттуда, а 17-го происходило сраженіе въ Гимри.

Что касается до оклада Сомова, то поелику сей окладъ слѣдуетъ ему съ 1-го Января 1833, а доходы начнутся съ того же числа, то я и не могу исполнить теперь вашего желанія; но по наступленіи срока дамъ ассигнацію на Смирдина. Вамъ истинно преданный Н. Гречъ.

14 Декабря 1832.

2.

Почтеннѣйшій Александръ Сергѣевичъ!

Безпокоя васъ симъ письмомъ, я увѣренъ, что вы не оставите его безъ вниманія: оно адресуется къ вашему сердцу. Къ вамъ явится несчастная вдова Шишкова 2-го; не оставьте ея вашимъ пособіемъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Единственнымъ наслѣдіемъ ея дочери остались нѣкоторые литературные труды покойнаго: неконченный Грузинскій романъ, переводы Нѣмецкихъ трагиковъ и разныя стихотворенія. Напечатаніе ихъ станетъ до 6 т. р. Книгопродавцы за это не берутся, ибо книги сіи не *доходныя*. Пособите ей убѣдить Академію сдѣлать первое если не умное, то доброе дѣло, напечатавъ все это на счетъ царскихъ щедротъ, ежегодно отпускаемыхъ или опускаемыхъ въ кладезь мрачный. А. С. Шишковъ боится предложить это, ибо дѣло идетъ о его внукѣ. Да чѣмъ же виновата бѣдная, что она его внука? Довольно тяжести носить до замужества загроможденное славою и корнями имя Варяго-Русскаго пугалы. Предложите вашимъ субботникамъ помочь

несчастнымъ сиротамъ и попросите дядю, чтобъ онъ, на основаніи Генеральнаго Регламента, яко близкій родственникъ подсудимыхъ Академіи за хорошіе стихи, не принималъ участія въ сужденіи. Васъ уважаютъ и боятся, слѣдственно послушаютъ. Я попрошу Крылова, Лобанова, А. А. Перовскаго поддержать вашу motion. Можно ли лучше употребить казенныя деньги? Говорятъ, что покойника чуждаются за его образъ мыслей!! Вдова и дочь несчастнаго пѣвца Войнаровскаго получаютъ пенсіонъ отъ Тѣхъ, Которые *) болѣе всѣхъ имѣли бы причины не дѣлать имъ добра. Если нельзя благородными побужденіями склонить вашихъ сенаторовъ, неподвижныхъ въ курильскихъ креслахъ, то постарайтесь убѣдить ихъ, что сей подвигъ будетъ подражаніемъ, что онъ близокъ къ лести и даже отъ нѣкоторыхъ метеорологовъ нравственной непогоды можетъ заслужить названіе *подлости*. Неужели и тогда не согласятся? Вы одинъ, къ кому бѣдная Шишкова можетъ прибѣгнуть съ успѣхомъ! Вы конечно успѣете въ этомъ и докажете, что благородный человѣкъ и въ Россійской Академіи можетъ быть полезенъ ближнимъ, что и тамъ талантъ и доброе сердце могутъ возвысить голосъ на пользу несчастныхъ. Вамъ душею преданный Н. Гречъ.

13 Марта 1833.

3.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Прочитавъ въ 3-й книжкѣ Современника стихотвореніе ваше «Полководецъ», не могу удержаться отъ изліянія предъ вами, отъ полноты сердца, искреннихъ чувствъ глубокаго уваженія и признательности къ вашему таланту и благороднѣйшему его употребленію. Этимъ стихотвореніемъ, образцовымъ и по наружной отдѣлкѣ, вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возносящагося свѣтлымъ ликомъ и чистою душею надъ туманами предразсудковъ, повѣрій и страстей, въ которыхъ коснѣетъ пресмыкающаяся долу прозаическая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе! Вы нашли истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи.

Извините это несвязное разглагольствіе. Вы, съ своимъ исполинскимъ талантомъ, не имѣете нужды въ хвалахъ; но я имѣлъ непреодолимую потребность высказать вамъ то, чѣмъ вы преисполнили мою душу.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и душевной преданности. Вашъ всепокорнѣйшій слуга Николай Гречъ.

12 Октября 1836.

---

*) Прописныя буквы въ подлинникѣ.

А. А. Фуксъ.

1.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Вашъ пріѣздъ въ Казань, ваше къ намъ обязательное посѣщеніе и ваше столь лестное письмо, имѣли на меня такое вліяніе, что я не могла удержать себя отъ восторга и выразила мои чувства въ стихахъ, вамъ посвященныхъ. Простите моей смѣлости и не судите меня какъ поэта; но обратите ваше вниманіе на мое усердіе и преданность, а моя восторженная Муза, надѣюсь, будетъ предъ вами моей защитницей. Мнѣ очень досадно, что я не могла долго послать къ вамъ стихи; причина этому цензура, которая ихъ держала четыре мѣсяца, а мнѣ непремѣнно хотѣлось ихъ послать напечатанные. Какъ я ни старалась узнать, гдѣ теперь ваше пребываніе, но никто изъ Казанскихъ этого не знаетъ. Я рѣшилась послать къ вамъ стихи въ два мѣста: по вашему адресу въ Нижегородскую деревню и въ С.-Петербургъ на имя барона Люцероде, который, уважая васъ такъ много, вѣрно не сочтетъ за трудъ передать вамъ мою посылку.

Хотя мое счастіе васъ видѣть продолжалось не болѣе двухъ часовъ, но въ это короткое время я успѣла замѣтить, что вы не только снисходительны къ моимъ стихамъ, но даже не скучая ихъ слушали, и потому я рѣшилась послать къ вамъ мои стихи, написанные послѣ вашего отъѣзда. Сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ вашъ адресъ: мои стихотворенія черезъ двѣ недѣли выйдутъ изъ печати; безъ сомнѣнія я пожелаю послать книгу къ первому къ вамъ; но не знавши гдѣ вы теперь, въ адресѣ будетъ для меня затрудненіе.

Я ласкаю себя надеждою имѣть удовольствіе читать отвѣтъ вашъ и честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ вамъ, милостивый государь, навсегда покорнѣйшая Александра Фуксъ.

1834. Генваря 20. Казань.

2.

Казань, 1836 года Мая 24.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Послѣднее письмо ваше ко мнѣ, какъ и всѣ мои къ вамъ, дошло до меня очень поздно; причина этому ранняя весна, которая заставила меня прожить въ деревнѣ долѣе, нежели какъ я предполагала. Въ день моихъ имянинъ мнѣ отдали письмо вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ вашимъ подаркомъ. Я была въ восхищеніи, и безъ сомнѣнія вмѣстѣ со мною радо-

вался и мой Ангелъ. Родные мои и знакомые были тогда у меня; они раздѣлили со мною мою радость, и при восклицаніяхъ кипѣлъ кубокъ за ваше здоровье. Этому былъ свидѣтель вашъ Петербургскій житель *Приклонскій.*

Поблагодаривъ усердно за письмо, за книги и за билетъ, приношу также мою чувствительную благодарность за позволеніе посылать къ вамъ мои сочиненія въ вашъ журналъ. Очень сожалѣю, что моя нерадивая Муза диктуетъ мнѣ такія ничтожности, которыя послать къ вамъ я никогда бы не осмѣлилась. Но, исполняя ваше приказаніе, что̀ есть—посылаю: отрывки изъ писемъ о скитахъ въ Нижегородской губерніи, два дѣйствія водевиля, первую главу моей повѣсти, взятой изъ преданія Татарскаго объ основаніи и переселеніи Казани и одну элегію, которую взялъ у меня Деларю, чтобъ отдать, ежели возможно, вамъ, а не то въ Библіотеку для Чтенія. Я почту себя счастливою, ежели вы изъ моихъ сочиненій найдете что нибудь достойное для помѣщенія въ *Современникѣ.* Всѣ сочиненія, посылаемыя къ вамъ, прежде зимы печататься не будутъ; я бы желала, чтобы они ранѣе показались въ вашемъ журналѣ: тогда бы злая критика не смѣла очень грозно на меня вооружиться. Съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ, честь имѣю пребыть вамъ, милостивый государь, навсегда покорнѣйшая Александра Фуксъ.

Писарь, не умѣющій писать, надѣлалъ множество ошибокъ въ своихъ тетрадяхъ.

Карлъ Ѳедоровичъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе; онъ также имѣетъ намѣреніе къ вамъ послать свои сочиненія. Но вотъ затрудненіе—мы не знаемъ къ вамъ адреса. Я уже придумала послать къ вамъ посылку и письма черезъ Панаева.

И. И. Лажечникова.

1.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Волею, или неволею, займу нѣсколько строкъ въ исторіи вашей жизни. Вспомните Малоросца Денисевича съ блестящими, жирными эполетами и съ душою трубочиста, вызвавшаго васъ въ театрѣ на честное *слово* и *дѣло* за неуваженіе къ его высокоблагородію; вспомните утро въ домѣ графа Остермана, въ Галерной, съ вами двухъ молодцовъ гвардейцевъ, ростомъ и духомъ исполиновъ, бѣдную фигуру Малоросца, который на вопросъ вашъ: пріѣхали ли вы *во время?* отвѣчалъ нахохлившись, какъ Индѣйскій пѣтухъ, что онъ звалъ васъ къ

себѣ не для благородной раздѣлки рыцарской, а сдѣлать вамъ поученіе, како подобаетъ сидѣти въ театрѣ, и что маіору неприлично мѣряться съ фрачнымъ; вспомните крохотку-адъютанта, отъ души смѣявшагося этой сценѣ и совѣтовавшаго вамъ не тратить благороднаго пороху на такаго гада и шпоръ проніи на ослиной кожѣ. Малютка-адъютантъ былъ вашъ покорнѣйшій слуга и вотъ почему, говорю я, займу волею или неволею строчки двѣ въ вашей исторіи. Тогда видѣлъ я въ васъ Русскаго дворянина, достойно поддерживавшаго свое благородное званіе; но когда узналъ, что вы—Пушкинъ, творецъ Руслана и Людмилы и столь многихъ прекраснѣйшихъ піесъ, которыя лучшая публика Россіи твердила съ восторгомъ на память, тогда я съ трепетомъ благоговѣнія смотрѣлъ на васъ, и въ числѣ тысячей поклонниковъ вашихъ приносилъ къ треножнику вашему безмолвную дань. Загнанный безвѣстностью въ послѣдніе ряды писателей, смѣлъ ли я сблизиться съ вами? Нынѣ, когда голосъ избранныхъ литераторовъ и собственное вниманіе ваше къ трудамъ моимъ выдвигаетъ меня изъ рядовыхъ словесниковъ, беру смѣлость представить вамъ моего Новика, счастливый, если первый поэтъ Русскій прочтетъ его, не скучая. 3-ю часть получить изволите въ первыхъ числахъ Февраля.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть вашъ милостиваго государя покорнѣйшій слуга Иванъ Лажечниковъ.

13 Декабря 1831. Тверь.

2.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Недавно узналъ я, что вы пишете Исторію Пугачева. У меня есть рукопись, которая можетъ быть вамъ полезна. Не зная, имѣете ли вы уже копію съ нея, препровождаю ее къ вамъ на всякій случай. Этимъ случаемъ пользуюсь, чтобы доказать желаніе мое быть вамъ полезнымъ и истинное мое къ вамъ уваженіе. Съ чувствомъ симъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Лажечниковъ.

Тверь, 30 Марта 1834.

3.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Считаю за честь поднять перчатку, брошенную такимъ славнымъ, какъ вы, литературнымъ подвижникомъ.

Въ письмѣ своемъ отъ 3-го Ноября вы упрекаете меня въ несоблюденіи исторической вѣрности и говорите, что со временемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, это повредитъ моему Л. Дому.

Дѣло Волынскаго? *) Въ нынѣшнее время скептицизма и строгихъ историческихъ изслѣдованій примутъ ли это дѣло безусловно, какъ актъ, на который можно положиться историку, потому только, что онъ лежалъ въ Государственномъ Архивѣ? Разсудокъ спроситъ сначала, кто были его составители. Повѣрятъ ли обвиненіямъ и подписямъ лицъ, изъ коихъ большая часть были враги осужденнаго и всѣ клевреты временщика, люди, купленные надеждою почестей и другихъ выгодъ, страхомъ Сибири и казни, люди слабые, завистники и ненавистники? Всѣ были адвокаты ужасной власти. Кто былъ адвокатомъ со стороны Волынскаго?... Одинъ Ушаковъ имѣлъ только смѣлость плакать, подписывая смертный приговоръ тому, котораго въ душѣ почиталъ невиннымъ. На это есть также своего рода акты. Приказано было обвинить Волынскаго во что бъ ни стало (а приказывалъ тотъ, кого боялась сама Императрица), и на бѣднаго взвалили всякую чепуху, лишь бы побольше обвинительныхъ пунктовъ было,—между прочимъ такія преступленія, за которыя и въ наше время не взыскали бы строго съ людей сильныхъ и знатныхъ, напримѣръ, что онъ былъ будто строгъ съ своими людьми и поколотилъ Третьяковскаго, котораго только плохенькій не билъ. Гдѣ-жъ тутъ логическій выводъ справедливости акта, на который вы указываете? Скорѣй повѣрю я Манштейну, который, какъ Нѣмецъ, взялъ бы сторону Нѣмца Бирона. Еще скорѣй повѣрю совѣсти Анны Іоанновны, видѣвшей, послѣ казни Волынскаго, за царскою трапезою на блюдахъ голову кабинетъ-министра. Зачѣмъ бы ей тревожиться, еслибъ она убѣждена была въ винѣ его?... Живыя преданія разсказали намъ это лучше и вѣрнѣе пристрастныхъ актовъ, составленныхъ по приказанію его врага. Прочтите нынѣ статью изъ Энцикл. Словаря объ Аннѣ I. Съ чего-нибудь да взяли эти господа написать эту статейку, какъ она есть!

Пунктъ второй: Тредьяковскій. Низкихъ людей, подлецовъ, шутовъ, считаю обязанностью клеймить, гдѣ бы они ни попались мнѣ. Что онъ былъ низокъ и подлъ, то доказываютъ пріемы, дѣланные ему при дворѣ. Иванъ Васильевичъ Ступишинъ, одинъ изъ 14 возводителей Екатерины на престолъ, умершій въ 1820 году, будучи 90 лѣтъ, разсказывалъ (а словамъ его можно вѣрить), что «когда Тредьяковскій съ своими одами являлся во дворецъ, то онъ всегда, по приказанію Бирона, изъ самыхъ сѣней, чрезъ всѣ комнаты дворцовыя, ползъ на колѣняхъ, держа обѣими руками свои стихи на головѣ, и такимъ образомъ доползая до Бирона и Императрицы, дѣлалъ имъ земные поклоны. Биронъ всегда

---

*) Графъ Д. Н. Блудовъ имѣлъ въ рукахъ подлинное дѣло Волынскаго и составилъ объ немъ записку для Николая Павловича. Эту записку читалъ Пушкинъ. П. Б.

дурачилъ его и надсѣдался со смѣху». Дѣлали ли это съ рыбакомъ Ломоносовымъ? Съ пьяницей Костровымъ? А Тредьяковскій былъ членъ Академіи-де-сіансъ!.... Когда его при дворѣ почитали шутомъ и дуракомъ, такъ не бѣда была вельможамъ тогдашняго времени поколотить его за то, что онъ не хотѣлъ писать *дурацкихъ* стиховъ на дурацкую свадьбу. И стоило ли за это снести голову съ кабинетъ-министра, съ государственнаго человѣка, который, бывъ губернаторомъ въ Астрахани, оживилъ весь край (прочтите дѣла тамошней канцеляріи), который по назначенію Петра Великаго ѣздилъ посломъ въ Персію и исполнилъ свои обязанности, какъ желалъ царственный геній; который въ Немировѣ велъ въ Турками переговоры, полезные для Россіи, своимъ ободреніемъ побудилъ Татищева писать Русскую исторію (прочтите вступленіе къ ней) и, наконецъ, чего въ числѣ великихъ заслугъ его Отечеству забыть не должно, вступилъ въ борьбу съ могучимъ временщикомъ, котораго жестокости превзошелъ только въ нашей исторіи Іоаннъ IV-й (если взять въ сравненіе время). Этихъ заслугъ не отниметъ никакой актъ, намъ еще неизвѣстный. Анекдоты о Тредьяковскомъ, помѣщенные въ моемъ романѣ, всѣ разсказаны мнѣ людьми почтенными, достойными вѣроятія. Я почелъ также за грѣхъ утаить преданіе о томъ, какъ онъ имѣлъ подлость и жестокость наступить на мертвую голову Волынскаго. Какіе подвиги школьника Тредьяковскаго велятъ замолчать этому животрепещущему преданію?... Не тѣ-ли, что онъ перевелъ въ подлую прозу и стихи Роллена, Фенелона и Абульгази? Какъ оцѣнены его переводы и стишки собственной работы современниками, умѣвшими уже сочувствовать краснорѣчивому витійству Ѳеофана, сатирѣ Кантеміра и лиризму Ломоносова? Оселъ, который не по силамъ везъ куль лучшей крупичатой муки и свалилъ его въ помойную яму, все-таки будетъ осломъ. Можетъ статься, и поколотятъ его: бѣдный мученикъ оселъ!....

Въ моемъ романѣ я заставилъ Тредьяковскаго говорить и дѣйствовать, какъ педанта и подлеца; въ этомъ случаѣ я не погрѣшилъ ни какъ историкъ, ни какъ художникъ, не смотря на осужденія г. Сеньковскаго, который, по своей системѣ хожденія вверхъ ногами, хочетъ вопреки здравому разсудку заставить педанта говорить, какъ порядочнаго человѣка. Тогда бы мнѣ надобно сказать въ выноскахъ: «увѣряю васъ, г.г. и госпожи, что это говоритъ не порядочный человѣкъ, а педантъ; въ доказательство зри вступленіе къ Телемахидѣ, зри Путешествіе на островъ любви и проч. и проч.» Въ разговорахъ-де онъ не таковъ былъ, утверждаетъ г. Сеньковскій. Да кто-жъ слышалъ его разговоры? Ба, ба, ба! А донесеніе Академіи!... Разъ удалось ему напи-

сать простенько, не надуваясь, и всѣ огромные памятники его педантизма должны уступить этому единственному клочку бумаги, по человѣчески написанному. Странно и больно! За подлаго писачку, признаннаго такимъ уже цѣлый вѣкъ, игравшаго роль шута при временщикѣ, за писачку, котораго заслуги литературныя надобно отыскивать въ кучахъ сору, готовы поднять меня на копья и закидать грязью память одного изъ умнѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго и патріота, нашу гордость народную. Что за манія нынѣ дѣлать черное бѣлымъ, и на оборотъ!....

Кстати пунктъ третій: самъ Биронъ. О! Никакое перо, даже творца Онѣгина и Бориса Годунова, не въ состояніи снять съ него позорное клеймо, которое исторія и ненависть народная, передаваемая отъ поколѣнія поколѣнію, на немъ выжгли. Онъ имѣлъ несчастіе быть Нѣмцемъ, говорите вы. Да развѣ Минихъ не былъ Нѣмецъ? Однакожъ войско его любило. Развѣ Анна Леопольдовна не была Нѣмка? Не оставила-жъ она по себѣ *худой* памяти въ народѣ. Развѣ воспитанница пастора Глика, Шведка, и потомъ ея соимянница, принцесса Цербстская, не заставили Русскихъ забыть свое Нѣмецкое происхожденіе? Не съумѣлъ же этого сдѣлать правитель. Если можно простить злодѣянія за умъ и таланты, я готовъ бы извинить за нихъ злодѣйства Ришельє; но какой умъ и какіе таланты правителя народнаго имѣлъ Биронъ? То и другое должно доказываться дѣлами. Что-жъ славнаго и полезнаго для Россіи сдѣлалъ временщикъ? Развѣ то, что десятками тысячъ Русскихъ населилъ дремучіе лѣса Литвы? (Въ походахъ нашихъ видѣли мы живые акты этого народнаго переселенія). Развѣ то, что онъ подвинулъ назадъ границы наши съ Китаемъ, до него зарубленныя по Амуръ? Что отдалъ Персамъ завоеванія Петра?... Быть можетъ, какой-нибудь лихой наѣздникъ-историкъ велитъ намъ снять шапку предъ его памятью за то, что онъ, ничтожный выходецъ, умѣлъ согнуть Петрову Россію въ бараній рогъ и душилъ насъ какъ овецъ? Или, можетъ статься, велятъ намъ увидѣть его умъ и великіе таланты въ мастерской его ѣздѣ верхомъ на разные манеры, или въ томъ, что онъ имѣлъ дерзость сѣсть не въ свои сани?... Другихъ памятниковъ своего искусства *править* онъ намъ не оставилъ. По крайней мѣрѣ, мы доселѣ не подозрѣвали въ немъ ни великаго ума, ни великихъ дарованій; развѣ не откроетъ ли намъ ихъ какой нибудь архивный актъ, отысканный вмѣстѣ съ обвинительнымъ актомъ Волынскаго! Нѣтъ, не повѣрю я этому: историческое лице Бирона останется навсегда въ томъ видѣ, въ какомъ сохранилось оно для насъ. Можетъ быть, искусная рука подмоетъ его немного, но никогда не счиститъ заклеймившейся на немъ крови Волынскаго, Еропкина, Хрущова, графа

Мусина-Пушкина и другихъ и не задушить вопіющаго противъ него голоса нѣсколькихъ тысячъ безвѣстныхъ мучениковъ [1]).

Не соглашусь также съ вами и въ томъ, чтобы ужасы Бироновскаго тиранскаго управленія были въ духѣ того времени и въ нравѣ народа. Принявъ это положеніе, надобно будетъ всѣ злодѣянія правителей отнести къ потребностямъ народнымъ и времени. Признаю кнутъ справедливымъ и необходимымъ для нашего Русскаго народа за преступленія его; но не понимаю, почему бы онъ требовалъ за неплатежъ недоимокъ окачиванія на морозѣ холодною водой и впусканія подъ ногти гвоздей. Впрочемъ народъ нашъ до Бирона и послѣ Бирона былъ все тотъ же; думаю, что онъ не измѣнился и нынѣ, или очень мало измѣнился къ лучшему. Долго еще будетъ ходить за современную практическую истину пословица: громъ не грянетъ, Русскій не перекрестится. Рѣшительно скажу, что чувства нравственнаго (и даже религіознаго), какъ у Нѣмецкаго крестьянина нашего времени, и теперь не существуетъ въ нашемъ народѣ и до тѣхъ поръ не будетъ, пока не подумаютъ о *воспитаніи* его тѣ, которые должны объ этомъ думать [2]). Но объ этомъ когда-нибудь послѣ и печатно, если удастся. И за что жъ духъ этого Русскаго народа требовалъ ужасныхъ Бироновскихъ пытокъ? Бунтовалъ ли онъ противъ своей царицы или поставленныхъ отъ нея властей? Нарушалъ ли онъ общественное спокойствіе? — Ничего этого не было. Денегъ, золота требовалъ Биронъ у этого бѣднаго, тогда голоднаго народа, требовалъ у него бриллiантовъ для своей жены, роскошной жизни для себя—и народъ, не въ состояніи дать ни того, ни другаго, долженъ былъ выдерживать всякаго рода муки, какъ народы Колумбіи, когда они отдали мучителямъ все свое золото и не могли ничего болѣе дать. Почему духъ времени и нравы народа не требовали Бироновскихъ казней при Екатеринѣ 1-й, Петрѣ II-мъ, Аннѣ Леопольдовнѣ, Елисаветѣ, Екатеринѣ II-й и ея преемникахъ? Народъ, какъ мы сказали, все тотъ же.

Теперь объясню вамъ, почему я употребилъ слово *хоботъ* въ Л. Д. и, кажется, еще въ Послѣднемъ Новикѣ. Всякій лихой сказочникъ, вмѣсто того, чтобы сказать: такимъ-то образомъ, такимъ-то путемъ, пощеголяетъ выраженіемъ: *такимъ-то хоботомъ*. Я слышалъ это бывало отъ моего стараго дядьки, слыхалъ потомъ не разъ въ народѣ Московскомъ, слѣдственно по нарѣчію Великороссійскому.

---

[1]) Это не возгласы одни, а извлеченія изъ актовъ.

[2]) Говорю это единственно изъ любви къ моему отечеству и преданности моимъ государямъ.

Извините наконецъ, что на ваше письмо отвѣчалъ цѣлою скучною тетрадью: я хотѣлъ защитить себя отъ несправедливыхъ упрековъ и, между тѣмъ, защитить память Русскаго патріота. Я молчалъ бы, если бы писалъ мнѣ г. Сеньковскій: уважаю въ немъ оріенталиста, ученаго, но ставлю ни во что критики того, кто видитъ превосходнаго творца и художника въ превосходительномъ строителѣ Постоялаго Двора. Въ этомъ случаѣ и подобныхъ или онъ обманутъ своею головой, или обманываетъ другихъ изъ видовъ. Учиться же у него буду изящности слога тогда, когда онъ въ своемъ разговорномъ языкѣ, вмѣстѣ съ *сею* и *оною*, изгонитъ слово — *долженствовало* и много подобныхъ, которыми онъ, вѣроятно, совершаетъ тризну по г-нѣ профессорѣ элоквенціи временъ Бироновскихъ. Но ваши упреки задѣли меня за живое. Отвѣтомъ моимъ хотѣлъ я доказать, что историческую вѣрность главныхъ лицъ моего романа старался я сохранить, сколько позволяло мнѣ поэтическое созданіе; ибо въ историческомъ романѣ истина всегда должна уступить поэзіи, если та мѣшаетъ этой. Это — аксіома. Вините также славу вашу за эту длинную тетрадь. Ваши похвалы такъ вскружили мнѣ голову, что я, въ восхищеніи отъ нихъ, забылъ время и записался. Искренностью моего письма хотѣлъ я также доказать то глубокое уваженіе, которое всегда имѣлъ къ вамъ и съ которымъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Лажечниковъ.

Тверь, 22 Ноября 1835.

Ѳаддея Булгарина.

1.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Писалъ я къ вамъ на оберткѣ Таліи, а наконецъ рѣшился написать на особой бумажкѣ, и начинаю благодарностью за присылку стиховъ на зубокъ Пчелѣ; а гдѣ зубы у Пчелы? спросите у Хвостова, который сотворилъ голубей съ зубами: одно другаго стоитъ. На насъ ополчились въ Москвѣ, что мы ничего не сказали объ Онѣгинѣ. Богъ видитъ душу мою, знаетъ какъ я цѣню вашъ талантъ; вы сами могли судить, сказалъ ли я что-либо, гдѣ-либо предосудительное или двусмысленное о васъ; но еслибъ вы знали всѣ обстоятельства бѣдныхъ журналистовъ, то бы пожалѣли, что они иногда должны промолчать. Не вѣрьте, что̀ вамъ будутъ писать враги мои, хотя близкіе къ вашему сердцу; вѣрьте образцамъ чести, Бестужеву и Рылѣеву: они знаютъ, какъ я васъ цѣню. А Жуковскаго всегда буду почитать какъ человѣка,

а поэтомъ плохимъ, подражателемъ Сутея; Вяземскаго—добрымъ, умнымъ, благороднымъ—не поэтомъ; а васъ — *поэтомъ*.

Прощайте, некогда. Сленинъ торопитъ, пишу въ его лавкѣ.

Вашъ искренній почитатель Ѳ. Булгаринъ.

25 Апрѣля 1825.

P. S. Увѣдомьте, регулярно ли получаете *три* наши журнала.

2

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олина, будто вы говорите, что я *ограбилъ* вашу трагедію *Борисъ Годуновъ*, переложилъ *ваши стихи* въ прозу и взялъ изъ *вашей трагедіи* сцены для *моего* романа! Александръ Сергѣевичъ, поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такія небылицы? Я не читалъ вашей трагедіи *) кромѣ отрывковъ печатныхъ, а слыхалъ только о ея составѣ отъ читавшихъ и отъ васъ. Въ главномъ, въ характерѣ и въ дѣйствіи, сколько могу судить по слышанному, у насъ совершенная *противоположность*. Говорятъ, что вы хотите напечатать въ Литер. Газетѣ, что я *обокралъ вашу* трагедію! Что̀ скажетъ публика? Вы должны будете доказывать. Но признаюсь, мнѣ хочется вѣрить, что Олину приснилось это! Прочтите сперва романъ, а послѣ скажите. Онъ вамъ посланъ другимъ путемъ. Для меня непостижимо, чтобъ въ литературѣ можно было дойти до такой степени! Неужели, обработывая одинъ (т. е. по именамъ только) предметъ, надобно непремѣнно *красть* у другаго? У кого я что выкралъ? Какъ могъ я красть по наслышкѣ? Но я утѣшаю себя однимъ, что Олинъ говоритъ на обумъ. Не могу и не хочу вѣрить, чтобъ вы это могли думать, для чести вашей и литературы. Я составилъ тебѣ такое понятіе объ васъ, что эту вѣсть причисляю къ сказкамъ и извѣщаю васъ какъ о слухѣ вредномъ для вашей репутаціи. Съ истиннымъ уваженіемъ и любовью есмь вашъ на вѣки Ѳ. Булгаринъ.

18 Февраля 1830. Спб.

В. В. Измайлова.

1.

Милостивый государь мой Александръ Сергѣевичъ!

Позвольте ветерану въ словесности, но счастливому нѣкогда журналисту, передававшему публикѣ первые мастерскіе опыты ваши въ

---

*) Въ этомъ честью увѣряю. Мнѣ разсказали содержаніе, и я, признаюсь, не соглашался во многомъ. Представлю тѣхъ, кои мнѣ разсказывали.

поэзіи, напомнить вамъ о себѣ нѣсколькими строками и въ тоже время молить васъ именемъ Аполлона осчастливить меня новымъ великимъ подаркомъ. Я готовлюсь выдать къ новому году альманахъ; но безъ вашего содѣйствія, безъ вашихъ стиховъ также не удаются альманахи, какъ растенія безъ росы и солнца; бросьте въ него нѣсколько цвѣтковъ вашей Музы, милостивый государь мой, чтобы дать моей книгѣ свѣжесть и безсмертіе; озарите меня вашею славою, а если возможно, заронните въ душу ветхаго поэта искру юной жизни піитической; а я обѣщаю и быть вамъ вѣчно благодарнымъ, и не допускать въ альманахъ соперниковъ недостойныхъ стоять рядомъ съ вами.

Между тѣмъ буду имѣть смѣлость скоро представить на судъ вашъ слабый мой переводъ въ стихахъ изъ Казимира Делавиня (его *посланія къ Наполеону*), какъ знакъ моей совершенной къ вамъ довѣренности; примите его на память и простите великодушно пятна и недостатки переводчика.

Мнѣ пріятно будетъ, если вы найдете въ сихъ строкахъ доказательство того искренняго къ таланту вашему удивленія и постояннаго къ вамъ уваженія, съ коимъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашъ покорный слуга

Владиміръ Измайловъ.

1826 Мая 19 дня. Москва.

P. S. Если вамъ угодно будетъ исполнить мою просьбу, то прошу васъ адресовать вашъ подарокъ въ Москву на имя вашего дядюшки В. Л. Пушкина, или на мое собственное имя, но въ городъ *Верею*, ибо на лѣто отъѣзжаю въ деревню мою близъ сего города.

2.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Простите ли смѣлость мою? Едва свѣдалъ я о вашемъ пріѣздѣ въ Москву и повторяю мою нескромную просьбу и съ жаднымъ нетерпѣніемъ приступаю къ вамъ, занятымъ трудами славы, чтобы вы изъ сожалѣнія отбросили хотя одинъ изъ лучей ея на темный трудъ мой въ литературѣ, объ которомъ я писалъ къ вамъ. Въ семъ дерзкомъ требованіи вашихъ стиховъ въ подарокъ мнѣ и читателямъ моего альманаха на новый годъ вините не меня, но ваши таланты. Слава, какую вы имѣете, едва ли пріобрѣтается не на условіи терпѣть скуку отъ журналистовъ и насъ, ихъ собратій, обступающихъ великаго поэта, какъ неутомимыя пчелы осаждаютъ роскошнѣйшіе цвѣты въ природѣ. Какъ мнѣ прискорбно, что я не могу, за слабостію здоровья мо-

его, васъ видѣть и слышать, вамъ лично удивляться и слѣдовать за вашимъ торжествомъ въ столицѣ. Завидую Москвѣ. Она короновала Императора, теперь коронуетъ поэта. . . . . Извините: я забываюсь. Пушкинъ достоинъ тріумфовъ Петрарки и Тасса; но Москвитяне—не Римляне и Кремль—не Капитолій.

Позвольте мнѣ, безъ условныхъ формъ свѣтской учтивости, но съ душевнымъ истиннымъ къ вамъ уваженіемъ именоваться, милостивый государь, вашимъ усерднымъ почитателемъ

Владиміръ Измайловъ.

1826 Сентября 29 дня. Подмосковная.

Ѳ. Н. Глинки.

1.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Прочитавъ съ большимъ наслажденіемъ (въ Лит. Газ.) отрывокъ изъ Путевыхъ Записокъ вашихъ, я заключилъ, что вы должны уже находиться въ столицѣ и не могъ отказать желанію написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Изъ глубины Карельскихъ пустынь я посылалъ вамъ (чрезъ б. Дельвига) усердные поклоны. Часто, часто (живя только воспоминаніемъ) припоминалъ я то пріятнѣйшее время, когда пользовался удовольствіемъ личныхъ съ вами свиданій, вашею бесѣдою и, какъ мнѣ казалось, пріязнію вашею, для меня драгоцѣнною. И безъ васъ мы, любящіе васъ, были съ вами. Въ піитическомъ уголкѣ любезнаго П. А. Плетнева, мы часто и съ любовію объ васъ говорили, радовались возрастающей славѣ вашей и слушали *живое* стереотипное изданіе твореній вашихъ—вашего любезнаго братца Льва Сергѣевича. Онъ прочитывалъ, отъ доски до доски, цѣлыя поэмы ваши наизусть съ величайшею легкостію и съ сохраненіемъ всѣхъ оттѣнковъ чувства и піитическихъ красотъ.

Такъ было до того роковаго часа, какъ всеобщій переворотъ въ гражданской судьбѣ моей умчалъ и погрузилъ меня въ дремучіе лѣса Кареліи. $^{1}/_{3}$ времени моего здѣсь пребыванія провелъ я въ ближайшемъ сотовариществѣ съ двумя молодыми медвѣдями, моими воспитанниками. Далѣе, ознакомясь съ дѣлами и лицами, по обязанностямъ службы, сталъ ближе къ людямъ. У меня есть вашъ портретъ. Только жаль, что вы въ немъ представлены съ какою-то пасмурностію: нѣтъ той веселости, которую я помню въ лицѣ вашемъ. Ужели это слѣдствіе печалей жизни? Въ такомъ случаѣ, молю жизнь, чтобы она, занявъ все лучшее у

Музъ и славы, утѣшала бы васъ съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ я читаю ваши плѣнительные стихи.

Пріемлю смѣлость (хотя и трудно на это отважиться!) препроводить къ вамъ мою *Карелію*,—произведеніе лѣсное и горно-каменное. Наши критики читаютъ *глазами* то, что̀ написано отъ души; но вы, которому далась и природа внѣшняя со всѣмъ великолѣпіемъ своего разнообразія, и природа внутренняя человѣка съ ея священною таинственностію, вы, можетъ быть, замѣтите въ Кареліи чувствованія незамѣтныя другимъ или другими пренебрегаемыя.

Примите благосклонно мою лѣсную сироту и вѣрьте искренней преданности и совершенному почитанію, съ коими имѣетъ честь быть, милостивый государь, вашъ покорный слуга Ѳ. Глинка, старшій совѣтникъ Олонецкаго Губернскаго Правленія!

P. S. Филимоновъ, изъ Архангельска, прислалъ мнѣ свой «Дурацкій Колпакъ» и прекрасные стихи ваши къ нему.

1830-го Февраля 17-го. Г. Петро-Заводскъ.

2.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Драгоцѣнное посѣщеніе ваше для меня сугубо-памятно. Вы утѣшили меня, какъ почитателя вашего, давно желавшаго васъ видѣть и обнять и, въ тоже время, вы приняли во мнѣ участіе, какъ человѣкъ, въ которомъ совсѣмъ *не отразился* настоящій вѣкъ. Съ добродушіемъ, приличнымъ старому, доброму времени, вы сами взялись похлопотать (разумѣется по возможности) объ улучшеніи моего положенія. Вотъ вамъ тетрадка. Имѣйте великодушіе ее прочесть и, вы увидите, *каково* было мое служеніе въ Ол. губерніи и *какъ* я рекомендованъ. Теперь все, что̀ обо мнѣ представлено, *лежитъ* у министра. Если можно, хотя звукомъ вашей лиры возбудите спящее! Государь и мудръ, и милостивъ, и великодушенъ. Нужно только предстательство. Вы увидитесь съ Васильемъ Андреевичемъ; онъ мой благодѣтель, смолвьтесь съ нимъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ утѣшительно будетъ увидѣть, что двое первыхъ поэтовъ нашего времени приняли участіе въ моей изувѣченной судьбѣ.—Прощайте! До радостнѣйшей возможности *опять* васъ увидѣть и обнять. Съ отличнымъ почитаніемъ и совершенной преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнымъ слугою

Ѳедоромъ Глинкою.

P. S. Ваше живое стереотипное изданіе—милый братецъ вашъ, посѣтилъ меня, обѣдалъ, погостилъ и съ Богомъ отправился далѣе по тракту къ Кавказу.

1831-го Іюля 28-го. Тверь.

3.

1831 Ноября 28-го, г. Тверь.

Почтенный и любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ!

Вчера имѣлъ я честь получить письмо ваше отъ 21-го Ноября. Весело было мнѣ взглянуть на почеркъ руки вашей; спасибо сплетникамъ за доставленное мнѣ удовольствіе читать строки ваши. Но я долго думалъ и не могъ додуматься, изъ чего бы можно было вывести, что *яко-бы я на васъ сердитъ?!...* Смѣю увѣрить, что я васъ любилъ, люблю и (сколько *за будущее* ручаться можно) любить не перестану. Многіе любятъ вашъ талантъ, я любилъ и люблю въ васъ—всего васъ. Въ первый разъ изъ письма вашего узнаю, что альманахъ составляется въ *пользу или въ память Дельвига,* милаго, добраго Дельвига! О. М. Сомовъ писалъ мнѣ неясно. Я однакожъ, еще до полученія вашего письма, выслалъ Сомову *одну* въ прозѣ и *пять* піэсъ въ стихахъ. Теперь вамъ посылаю: *три* въ стихахъ и *одну* (т.-е. одинъ лоскутокъ!) въ прозѣ. Прозы у меня совсѣмъ нѣтъ. Проза Губернскаго Правленія съѣла весь мой досугъ. Изъ всѣхъ сихъ 10-ти піэсъ вы выберете пару, много двѣ пары по вашему усмотрѣнію, а прочія прошу покорно передать моему коммиссіонеру актеру Сибирякову, который къ вамъ явится. Еслибъ я и забылъ васъ, то мнѣ напомнила бы о васъ жена моя, которая еще недавно поставила портретъ вашъ подлѣ Шиллера и Гёте. Она, будучи еще въ дѣвушкахъ, перевела цѣлый томъ Шиллера. Вчера я выдернулъ одинъ листокъ изъ ея тетрадки и посылаю вамъ *Военную Пѣсню* изъ Валл. Лагеря; да познакомитъ васъ это съ одною изъ почитательницъ вашихъ — моею женою; а меня прошу (какъ говорятъ Французы) положить къ ногамъ вашей милой супруги. Я много наслышался о ея красотѣ и любезности. И такъ и вы осемьянились. Да почіетъ благословеніе Божіе надъ вами и семействомъ вашимъ! Если увидите Софью Михайловну Дельвигъ, прошу отдать ей мое нижайшее почтеніе. Какъ мы (я и жена моя) обрадуемся, увидя васъ лично! А до того примите увѣреніе въ любви къ вамъ бывшей, настоящей и не могущей не быть, вамъ преданнаго, милостивый государь, вашего покорнаго слуги Ѳ. Глинки.

P. S. Стихи мои дурно и ошибочно переписаны *семинаристомъ;* выправлять некогда—извините!

И. П. Мятлева.

1.

Поздравляю милую и прелестную жену твою съ подаркомъ и тяжеловѣснымъ—сергами. Имѣть наушницею Екатерину Великую шутка ли? Мысль о покупкѣ статуи еще не совершенно во мнѣ созрѣла, и я думаю и тебѣ не къ спѣху продавать ее; она корма не проситъ, и между тѣмъ мои дѣла поправятся, и я болѣе буду въ состояніи слушаться своихъ прихотей. Какъ помнится мнѣ, въ разговорѣ со мною о сей покупкѣ, ты ни о какой суммѣ не говорилъ; ты мнѣ сказалъ: *я продамъ тебѣ по вѣсу Екатерину.* А я сказалъ: *И по дѣломъ ей, она и завела-то при дворѣ безъ мены* (baise mains). Переливать же ее въ колокола я намѣренія не имѣю — у меня и колокольни нѣтъ, и въ деревнѣ моей, сзывая православныхъ къ обѣднѣ, употребляютъ колъ-о-колъ, и они также сходятся. На бусурманской масляницѣ я не былъ. Твой навсегда или завсегда, какъ за лучшее признаешь И. Мятлевъ.

2.

Твоего повара, любезнѣйшій другъ, мать моя отдала сестрѣ моей Бибиковой. Года три онъ шатался безъ мѣста, и даже оброка съ него никакого не поступало, когда тысяча такихъ же: примѣръ опасный. Наконецъ понадобился сестрѣ поваръ, я на этого и указалъ. Въ первыхъ числахъ Февраля отъ конторы моей за нимъ послано; онъ тогда мнѣ повѣдалъ, что онъ у тебя служилъ и забралъ денегъ на расходъ; то я, въ уваженіе тебѣ, оставилъ его до 1-го Марта и такъ объяснилъ матушкѣ и сестрѣ; онѣ теперь на него считаютъ, и онъ не въ моей уже власти. Если хочешь, то я спрошу Бибиковыхъ, могутъ ли они дать ему еще срокъ, дабы ты досталъ другаго на мѣсто его, и надѣюсь, что они не откажутъ, буде только возможно, о чемъ я тебя увѣдомлю. Бумаги мои готовы и тебя ожидаютъ. Когда ты прикажешь, мы за дѣло примемся; готовы въ мысляхъ и образцовыя помпики. Но и ты не можешь ли чѣмъ покормить душу? Нѣтъ ли втораго тома Храпов..? Нѣтъ ли чего-нибудь столь же интереснаго? Нѣтъ ли чего нибудь великой жены? Ожидаю твоего ордера.

Твой навсегда душею и сердцемъ Иванъ Мятлевъ.

С.-Петербургъ, 1-го Марта 1833.

М. П. Розберга.

Одесса, Декабря 5-го 1830 года.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Въ торговой Одессѣ, которая гораздо болѣе заботится о пшеницѣ, нежели о литературѣ, зрѣетъ мало по малу литературный альманахъ.

Крестинъ ему еще не было, однако думаю, что мы назовемъ его Евксинскими или Южными Цвѣтами. Основаніе этого альманаха составятъ статьи въ разныхъ родахъ, имѣющія посредственное или непосредственное отношеніе къ Новороссійскому краю; изданъ онъ будетъ въ пользу здѣшней публичной библіотеки, непремѣнно къ концу Марта мѣсяца. Евксинскіе Цвѣты предполагается украсить портретомъ герцога Ришелье, видомъ Аюдага и видомъ Одесскаго приморскаго бульвара. Всѣ сіи картинки гравируются уже въ Вѣнѣ. Многое для нашего альманаха собрано; главнаго не достаетъ: онъ покамѣстъ еще корабль безъ снастей и вѣтрилъ. Одесса льститъ себя надеждою, что пѣвецъ Бахчисарайскаго Фонтана и Полтавы не откажется освятить своими звуками страницы перваго литературнаго изданія, возникающаго на берегахъ Чернаго Моря, нѣкогда питавшаго вдохновенными мечтами душу любимаго поэта Русскихъ. Отрывокъ изъ Онѣгина былъ бы тотъ блестящій парусъ, который и противный вѣтеръ обратилъ бы для насъ въ попутный.

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Москвы, я былъ у васъ, хотѣлъ спросить у васъ письмо къ Раевскому въ Полтаву и не имѣлъ удовольствія застать васъ дома. Послѣ я узналъ, что вы ко мнѣ заѣзжали, но къ величайшему сожалѣнію моему меня тогда уже не было въ Москвѣ. Не знаю, должно ли васъ поздравить съ вступленіемъ въ новый періодъ жизни? Во всякомъ случаѣ, какъ Русскій, желаю отъ души, чтобы и этотъ періодъ, болѣе тихій и покойный, былъ для васъ столь же обиленъ поэтическими думами, какъ и бури вашей юности, молнійнымъ блескомъ озарившія нашу словесность и оставившія въ живыхъ сердцахъ слѣды глубокіе.

Оставивъ Москву, я опять увидѣлъ теплую, благоуханную Малороссію, поля Полтавы, долины, подобно коврамъ, испещренныя разноцвѣтными узорами и къ Югу обтороченныя широкою богатою каймою—голубымъ Днѣпромъ. Опять разостлались передо мною необозримыя курганистыя степи, и зашумѣли синія, нагрѣтыя полуденнымъ солнцемъ волны старишаго Понта. Теперь живу въ Одессѣ, издаю Одесскій Вѣстникъ и скучаю. Надо вамъ сказать, что Одесса совсѣмъ уже не такова, какъ была при васъ. Правда, здѣсь таже пыль, хотя менѣе грязи, тѣже очаровательные звуки Россини кипятъ и блещутъ въ оперѣ; тѣже Славяне, Греки, Итальянцы, Турки на улицахъ; тотъ же Оттонъ, таже золотая луна по вечерамъ рисуетъ свѣтлый столбъ въ ясномъ зеркалѣ моря; но мало жизни, дѣйствія. Здѣсь много разнообразія въ пространствѣ и почти никакого во времени: всякій новый день есть полное повтореніе предыдущаго. Одессу въ настоящемъ ея состояніи можно сравнить съ пестрою Турецкою шалью: яркіе цвѣта,

рѣзкія черты, и во всемъ этомъ недостаетъ мысли, единства, связи; въ недѣлю Одесса приглядится, черезъ мѣсяцъ она наскучитъ. Общество здѣсь также стало чрезвычайно монотонно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ . . . и чета Нарышкиныхъ отправились за границу. Въ Одессѣ, по близости къ Воронцову, всякій чиновникъ его канцеляріи корчитъ аристократа, и составъ общества имѣетъ мало общаго: оно вдругъ съ генералъ-губернатора падаетъ на какого-нибудь разночинца во всѣхъ отношеніяхъ. Я думаю, вы знали Бларамберга; этотъ любитель прошедшаго недавно получилъ д. с. с. — цѣль всей своей жизни и, достигши наконецъ сего идеала, чуть-чуть не сошелъ съ ума. Бларамбергъ совершенно сдѣлался похожъ на древнюю, полуразбитую, истертую вазу: мѣстами видны изящныя изображенія, мѣстами нѣтъ никакихъ и кое-гдѣ пробиты дыры. Это—вещь, которая имѣетъ цѣну только для охотника и годится только въ Музей. Изъ лицъ, замѣчательно каррикатурныхъ, здѣсь можно еще указать на Спаду, нѣкогда цензора, отставнаго Жида, разстригу-попа и теперь шута. Представьте себѣ человѣка или, лучше сказать, человѣчка, котораго плѣшивая, лунообразная голова въ театрѣ безпрестанно переходитъ изъ ложи въ ложу и обращается спутникомъ около какой-нибудь милой дамской головки; который, наконецъ, изъ любезности говоритъ, какъ у Бомарше Бридуазонъ, и вы будете имѣть вѣрный портретъ этого дѣятельнаго, хотѣлъ почти сказать двусмысленнаго, члена здѣшняго общества.

Черезъ двѣ-три почты я буду имѣть честь доставить вамъ билетъ на Одесскій Вѣстникъ 1831 года.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ всепокорнѣйшимъ слугою.

М. Розбергъ.

М. П. ПОГОДИНА.

1.

Іюня 3.—1831, Москва.

А вотъ ужъ я и пишу къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ! Здоровы ли вы? Какъ васъ Богъ милуетъ, и въ пользу ли Сѣверъ? Что̀ печатаете и что̀ затѣваете? Посылаю вамъ четыре экземпляра старой Статистики: два золотые попросите Василья Андреевича, или кого слѣдуетъ по командѣ, представить оффиціально великимъ князьямъ Александру и Константину: эта книга для нихъ нужна. Я самъ не пишу къ Жуковскому, и вотъ почему: третьяго года я написалъ къ нему письмо сердечное, по дѣлу Арцыбашевскому, и не получилъ

ни строки въ отвѣтъ. Это меня такъ огорчило, что до сихъ поръ не поднимается рука писать къ нему, хоть я люблю и уважаю его по прежнему. Объясните и это, если хотите. Другіе два экземпляра—для васъ и для него.

Первое дѣйствіе «Петра» я устроилъ и кончилъ давно, но за второе не принимался: такъ и мерещится, что Петръ отворяетъ дверь и грозитъ дубинкою. Дрожь беретъ, даже и выговаривая это имя. Не знаю, не поможетъ ли Богъ смѣлости въ деревнѣ.

Я, Хомяковъ и Языковъ дали другъ другу слово къ 23 Декабря нынѣшняго года приготовить по большому сочиненію и симъ у васъ, какъ перваго нотаріуса, записываемъ свое условіе. Не слыхали ли вы чего нибудь о «Мароѣ» отъ Жуковскаго или Блудова? Увѣдомите, пожалуйте; мнѣ это необходимо къ свѣдѣнію, и скоро ли можно выпустить? Это нужно и для моихъ финансовъ: я такъ задолжалъ, устроивая домашнія дѣла, что покою не имѣю.

Въ деревню ѣду я дней черезъ десять. Въ Университетъ подалъ просьбу такого смысла: «мнѣ нужно два года пробыть въ деревнѣ для пріобрѣтенія свѣдѣній, которыя и пр., и прошу объ отставкѣ; если же Университету угодно удерживать меня въ своей службѣ, то да благоволитъ онъ, *уволивъ отъ лекцій на это время*, сдѣлать мнѣ какое-либо ученое препорученіе, напр. написать Теорію Исторіи сообразно съ нынѣшнимъ состояніемъ науки или т. п.» Не знаю, какое представленіе пошлется къ министру. Не думаю, чтобы Университетъ заблагоразсудилъ удерживать меня, ибо Каченовскій съ товарищами неистовствуютъ противъ меня. Я желаю такого увольненія на два года для уединеннаго занятія и вовсе не отрекаюсь отъ службы ученой. Поговорите объ этомъ съ кѣмъ нужно. Извините меня, что занимаю васъ такими личными мелочами: я увѣренъ въ вашемъ добромъ ко мнѣ расположеніи, и поэтому etc.

Если у васъ есть лишнія деньги, велите кому нибудь купить мнѣ Сисмонди *Исторію Французовъ* и Гиббона, изданнаго Гизо, и прислать на имя Ширяева. Жду отъ васъ письма: ободрите и освѣжите вамъ преданнаго М. Погодина.

Языковъ боленъ.

2.

Благодарю, сердечно благодарю любезнѣйшаго Александра Сергѣевича за его хлопоты. Мнѣ очень совѣстно. Вотъ письмо къ г. Шамбо. Но прилично ли представлять Статистику Государынѣ? На что ей? Впрочемъ буди по вашему.

«Петра» я кончилъ, а вы не вставили объ немъ ни слова. Я почелъ это неблагопріятнымъ знаменіемъ. Теперь онъ позабытъ мною совершенно, совершенно, какъ будто бы и не бывалъ въ головѣ. Что̀ я набредилъ тогда вамъ въ своей горячкѣ! Самъ не помню.

Примите къ свѣдѣнію, что Б. писалъ къ цензору еще весною, послѣ многихъ похвалъ: «нѣтъ никакихъ препятствій выпустить «Мареу» въ свѣтъ; но лучше остановиться до окончанія нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствъ». Слѣд. съ нимъ и говорить нужно ли? Лишь будетъ поспокойнѣе, я имѣю сугубое право выдать ее.

Какъ же я теперь спокоенъ, и доволенъ, и счастливъ въ деревнѣ! Часовъ двѣнадцать за Исторіею, и къ почи ворохъ! Теперь сижу за Гиббономъ. Познакомясь съ послѣдними Римлянами, примусь за Франц. чрезъ Сисмонди, Гизо, etc.; потомъ повѣрю ихъ лѣтописями, и чрезъ годъ надѣюсь отхватать Франц. Исторію, какъ первую между новыми, потомъ Англію, Испанію тоже; а потомъ и представлю вамъ историческія размышленія о Европейской Исторіи. Вотъ мое дѣло. Все прочее—hors d'oeuvre!

А что вашъ планъ изданія періодическаго? Предупредите, чтобъ я наготовилъ вамъ всякой всячины. Благодарю васъ паки и паки!

1831. Августа 10.

3.

Радъ безъ памяти и благодарю безъ ума. Но зачѣмъ вы зовете меня въ Петербургъ? Мнѣ довольно Москвы и на долго. Оставаясь въ Университетѣ (гдѣ я избранъ ордин. профессоромъ Исторіи), я начну разбирать иностранный архивъ, въ Петербургъ буду наѣзжать по мѣрѣ надобности. Главное, исходатайствуйте скорѣе право—дубинку надъ архивомъ, чтобъ я могъ брать, читать, переписывать извлекать... вволю, до сыта, до отвала. Важные секреты чай въ Петербургѣ. Но какіе же секреты для Исторіи? Вѣдь это смѣшно. Ну пусть отпоютъ меня, ну пусть отрѣжутъ языкъ на столько линій, сколько угодно! Позволеніе мнѣ и предписаніе мѣстнымъ властямъ должно быть написано убѣдительно и обстоятельно. Напр. я приду къ Малиновскому съ писцомъ, съ студентомъ, онъ пуститъ: «позволено вамъ, а не etc.». Все предусмотрѣть и предупредить: дѣло съ человѣкомъ 72 лѣтъ, архивомъ par excellence, прототипомъ архива, который думаетъ, что архивъ, слѣдовательно и онъ, тогда только важенъ, пока неизвѣстенъ. Вотъ еслибъ Булгаковъ былъ тамъ, съ тѣмъ затрудненій не было бъ.

Вы пишете, что я буду печатать все и для себя; но на чей счетъ?

По моему вотъ какъ бы это устроить: «Для изданія такихъ-то матеріаловъ учреждается коммиссія. Членами сей коммиссіи всемилостивѣйше повелѣно быть такому-то съ жалованьемъ.... такому-то съ жалованьемъ. На печатаніе, по мѣрѣ изготовленія, по смѣтамъ, имѣетъ отпускаться сумма изъ Кабинета или.... Члены имѣютъ право etc.».

О своемъ жалованьѣ я не говорю; пусть назначатъ что̀ угодно. Я не имѣю теперь такой нужды, какъ прежде, и скажу съ солдатами: радъ стараться на память о батюшкѣ нашемъ Петрѣ Алексѣевичѣ.

Мое дѣло, повторю для ясности, разбирать, приготовлять къ печати, издавать.

Поздравляю съ праздникомъ. А какъ зовутъ вашу оду, и что̀ вы написали въ прошедшемъ году?

1833. Марта 29.

Что вы не упомянули царю о моемъ «Петрѣ» при такомъ благопріятномъ случаѣ? Богъ вамъ судья! Я увѣренъ, что онъ по докладной запискѣ не позволилъ печатать, думая, что все печатаемое играется. Другой причины быть не можетъ. Въ трагедіи все уже извѣстное у насъ и перепечатанное; новаго—форма. Еслибъ были мѣста непозволительныя—ну дѣлай свое дѣло цензура, торгуйся, вымарывай. Скажите это Дмитрію Николаевичу. Можетъ быть, онъ возмется при случаѣ объяснить. Похлопочите.

Да, я и забылъ: меня смѣшивали съ Полевымъ!! Господи, Боже мой! Ждалъ ли кто такой напраслины? Да кто же ругалъ и обличалъ этого..... больше моего? И я за это страдалъ!

Я началъ писать въ сценахъ нашу Исторію отъ Бориса до Романовыхъ. Бориса кончилъ давно. Теперь за Самозванцемъ.

4.

Богъ вамъ судья, что вы не хотите принять участія въ благомъ дѣлѣ. И почему вы отказываетесь? Вѣдь послѣ вы напечатаете прочтенное стихотвореніе гдѣ угодно. Общество Любителей Русской Словесности дѣлается средоточіемъ словесности въ Москвѣ. Пособите же этому. И не все ли равно быть стихотворенію въ Библіотекѣ, прочтенному въ кругу пріятелей за день или непрочтенному. Пришлите же, пришлите же. Мы просимъ и ждемъ, а не то плакаться будемъ. Знаете ли, что собраніе отложено поэтому. Ну какъ безъ начала?

1834. Марта 24.

Вашъ М. Погодинъ.

Скажите и Василью Андреевичу: онъ былъ прежде ревностнымъ членомъ.

В. И. Даля *).

ВО ВСЕУСЛЫШАНІЕ.

Послушай, ври да знай же мѣру:
Есть отъ чего съ ума сойдти!

Грибоѣдовъ.

Братья и сподвижники! Отечественной словесности нашей угрожаетъ бѣдствіе, а позорное пятно ее уже поразило и запятнало. Современники, вспомните о потомкахъ, не заставьте ихъ краснѣть за себя!

Къ вамъ обращаюсь, старшіе братья по званію и призванію своему, и къ вамъ, которые почтите меня признать ровнею. Я призываю васъ именемъ *слова*, нашего общаго отзыва и отклика, призываю не къ ополченію: нѣтъ, этого общій врагъ нашъ, врагъ изящнаго слова, врагъ истины и врагъ самобытной, дѣвственной мысли, не стоитъ. Я взываю къ вамъ только: стерегитесь грѣха неумышленнаго; не подымайте, даже и безъ умыслу, рукъ своихъ на себя и на дитя свое, не топчите подъ ноги того, что̀ яркою звѣздою должно блистать на возвышенномъ челѣ вашемъ!

Прекрасная и благородная мысль Александра Филипповича Смирдина издавать Библіотеку; мысль, которая несказанно радовала и меня въ числѣ прочихъ, когда почтенный издатель, до исполненія общеполезныхъ предположеній своихъ, почтилъ и меня неоднократно бесѣдою относительно цѣли, видовъ и надеждъ своего предпріятія. Мысль эта обѣщала много хорошаго, и одно только хорошее, одно добро; тутъ зла нельзя было предвидѣть. Въ общности, въ сложности итогъ этого благаго предпріятія, такъ думали всѣ, внесется яркими и крупными числами, со знакомъ положительнымъ, въ лѣтопись современнаго просвѣщенія. Но кормчій правитъ судномъ, а не хозяинъ. Что̀ проку въ томъ, если судохозяинъ не пожалѣлъ ни трудовъ, ни издержекъ, чтобы отстроить и отдѣлать судно свое какъ нельзя лучше, если и прочіе участники этого предпріятія доставятъ дѣльный, хорошій, полезный товаръ для груза; а между тѣмъ кормщикъ станетъ плутать три года со днемъ Богъ вѣсть гдѣ, станетъ забавляться тѣмъ, что станетъ стеречь и караулить всѣ суда, которыя мирно и спокойно плывутъ, каждое по своему назначенію; станетъ имъ отрѣзывать путь, сбивать и сгонять ихъ

---

*) Эта статья найдена въ числѣ писемъ разныхъ лицъ къ Пушкину, къ которому была прислана вѣроятно для напечатанія въ его „Современникѣ", чего Пушкинъ не успѣлъ сдѣлать. П. Б.

подъ вѣтеръ въ надеждѣ, что корабельщики, жалѣя себя и товаръ свой, не захотятъ встрѣтить бортомъ водорѣзъ нахальнаго и безтолковаго плавателя?... Онъ кончитъ тѣмъ, что введетъ въ убытокъ судохозяина, коего довѣрчивость употребитъ во зло, и покинетъ послѣ себя вѣчную охулу и нареканіе—чтобъ не сказать презрѣніе, честныхъ и благонамѣренныхъ людей. *Вотъ и все*, сказалъ бы я словами того, о комъ говорю, если бы это было все; но на бѣду, это еще не все, а *все* будетъ напереди.

Стану говорить безъ обиняковъ. Библіотека, которая, какъ самое дешевое, исправное и полновѣсное повременное изданіе, заключающее много прекрасныхъ статей, преимущественно распространено по всей Россіи, со дня появленія своего и понынѣ, постоянно проникнута и упитана такимъ недобрымъ, враждебнымъ, губительнымъ духомъ, что трудно было постичь и разгадать цѣль и намѣреніе гг. издателей. Не я первый говорю, что въ особенности отдѣленіе критики и литературной лѣтописи составлялось съ такимъ неслыханнымъ небреженіемъ, заносчивостью, съ такою безтолковою и безталанною барскою спѣсью, что это уже вовсе выходитъ изъ предѣловъ благопристойности. Всегда и вездѣ есть недовольные критикой; но здѣсь уже не было ни малѣйшаго уваженія ни къ кому и ни къ чему, кромѣ одного только себя. Вездѣ я, да я, да опять таки *мы* да *я*; словомъ, казалось, нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ людей, кромѣ этого *мы* да *я*, которое сквозило всюду, нахально лѣзло вамъ на глаза и самохвально само себя выставляло первообразомъ, повелительно требующимъ подражанія и поклоненія. Объ истинѣ, о безпристрастіи, о честномъ стремленіи къ добру, объ этихъ обвѣтшалыхъ и обмолоченныхъ понятіяхъ, и помину не было. Тутъ олицетворенный восточный Иблисъ подъ Татарскимъ лжепрозваніемъ своимъ, чинилъ судъ и рядъ и расправу и, насмѣявшись и наругавшись до сыта надъ тѣмъ, что̀ для другихъ святыня, съ самодовольною улыбкою шайтана, бога тьмы, указываетъ вамъ на себя: вотъ вамъ первообразъ, вотъ единственный предметъ достойный подражанія; вотъ вамъ кумиръ; падите ницъ, не знайте божества кромѣ его, не смѣйте ни писать, ни мыслить иначе какъ онъ!

Явно и ясно, что причина такого безобразнаго поведенія, такого презрительнаго образа дѣйствій должна имѣть глубокіе корни и основанія. Тутъ уже мало неумѣнья, незнанія дѣла; нельзя извиниться и непривычкою, невѣдѣніемъ законовъ приличія и житейскаго благородства; нѣтъ, тутъ видна цѣль, намѣреніе, умыселъ, постоянное и неутомимое преслѣдованіе обдуманной мысли; словомъ, усердіе и привязанность *ко злу*. А кто шайтану батракъ, тотъ добру не слуга. И такъ, явно, что причина этого дѣйствія кроется собственно въ *нравственно-*

сти того или тѣхъ, которые предначертали себѣ путевникъ этого рода и разбора.

Но странно и непонятно было при этомъ видѣть, какъ враждебный духъ этотъ постоянно проникалъ во всю толщину Библіотеки, какъ выказывался, идучи рука объ руку съ докучливыми, ребяческими выходками на *сей* и *оный*, на всѣхъ страницахъ, не только во всѣхъ статьяхъ этого изданія. Вопервыхъ, самые редакторы, какъ извѣстно, смѣнялись; а вовторыхъ писали и печатали въ Библіотекѣ не одни редакторы, а большая часть нашихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ писателей. Первую половину этой загадки надобно было по неволѣ разрѣшить предположеніемъ, что есть одинъ главный редакторъ, коего вліяніе первенствуетъ и на котораго должна пасть вся тяжесть нашего обвиненія. Но вторая половина загадки оставалась загадкою. Какимъ образомъ статья, которую я напишу, въ которую вылью свои мысли, понятія, чувства, въ которой стремлюсь посильно достичь того, что̀ по моему добро и благо и стараюсь изложить все это такимъ языкомъ, какой считаю приличнымъ и пригожимъ, какимъ образомъ статья эта является за моею подписью въ такомъ видѣ, что содержитъ намеки и обороты, коихъ я съ намѣреніемъ чуждался, что проникнута такимъ духомъ, въ какомъ я не писалъ и не стану писать никогда; словомъ, статья эта явно испятнана рукою недоброжелательнаго человѣка, который, по самодовольному виду своему, по подозрительнымъ привычкамъ и ужимкамъ и по нахальной премудрости своей, долженъ быть въ близкихъ связяхъ и сношеніяхъ съ тѣмъ, о комъ говорили мы выше....

И вотъ, братья мои благосклонные, выходитъ книга семнадцатая Библіотеки, и не таится уже, не инословитъ, какъ прежде бывало, не пускаетъ тонкихъ намековъ, а возмужавъ, оперившись и взявъ по собственному убѣжденію верхъ надъ всѣмъ что̀ пишется и печатается въ царствѣ Русскомъ, сама съ себя сымаетъ личину и говоритъ такъ: Редакторъ Библіотеки есть настоящій редакторъ, то есть онъ передѣлываетъ всѣ статьи сотрудниковъ на свой ладъ. Кто жалуется на это, тотъ притворяется: онъ очень радъ, что г. редакторъ сдѣлалъ изъ негоднаго годное и прикидывается обиженнымъ только для виду; но стоитъ шепнуть ему на̀ ухо: молчи, или я напечатаю статью твою въ первобытномъ видѣ, и онъ уже дружески пожимаетъ руку редактора и умоляетъ: не выдавай меня, не губи! Вотъ почему въ статьяхъ, печатаемыхъ въ Библіотекѣ, *слогъ сочинителей живъ, плавенъ, разнообразенъ, обороты ихъ исполнены ловкости и вкуса, содержаніе мило и порой остроумно; но пусть напечатаютъ только въ другомъ мѣстѣ тоже самое или что нибудь новое, и всѣ эти качества вдругъ уле-*

таютъ изъ подъ пера ихъ. Дѣло дѣлается очень просто: у г. директора есть *ящикъ съ пречуднымъ механизмомъ внутри, работы одного чародѣя, въ который стоитъ только положить разсказъ, чтобы, повернувъ нѣсколько разъ рукоятку, разсказъ этотъ перемололся весь, выгладился, выправился и вышелъ изъ ящика довольно пріятнымъ и блестящимъ, по крайней мѣрѣ четкимъ.* Наконецъ, въ заключеніе этого замѣчательнаго чистосердечнаго признанія, г. директоръ замѣчаетъ еще мимоходомъ: *чего тутъ жаловаться? Не хотите быть переправлены, не суйтесь въ Библіотеку!*

Господа—великіе и малые—братья, товарищи и весь православный и иновѣрческій Русскій людъ! Неужели найдется въ обширномъ царствѣ нашемъ хотя *одинъ* читатель, который бы не кинулъ книгу отъ высшей степени негодованія; неужели найдется одинъ писатель, который, прочитавъ эти строки, не вспыхнетъ за себя и за цѣлое сословіе свое, не вспыхнетъ по самое темя, чувствомъ оскорбленнаго собственнаго достоинства? Кто теперь распутаетъ и разберетъ, какая доля статей, напечатанныхъ въ Библіотекѣ, принадлежитъ подложнымъ подписямъ и какая часть—скромному трубачу и глашатаю, который печаталъ нѣсколько лѣтъ сряду то, что̀ другіе писали, а нынѣ объявляетъ случайно, мимоходомъ, что онъ и онъ одинъ—сочинитель всѣхъ хорошихъ статей, напечатанныхъ подъ разными именами въ Библіотекѣ и приглашаетъ всѣхъ сотрудниковъ придти къ нему на поклонъ всенародно, чтобы воздать ему единодушную благодарность за неусыпное попеченіе его о книжной славѣ нашей и разыграть съ нимъ въ лицахъ *большой выходъ у сатаны!* Скажите, братья и старшіе дяди мои, кто отнынѣ не постыдится посылать статьи свои въ этотъ знаменитый ящикъ, послѣ объявленія, которое говоритъ всѣмъ намъ гласно и всенародно: *не суйся,* если не хочешь дать произвольную и безусловную власть порочить и калѣчить себя человѣку, который уже самымъ объясненіемъ этимъ и яснымъ удобопонятнымъ словомъ *не суйся,* отпечаталъ всю душу свою, всю нравственность, весь образъ мыслей своихъ! И можно ли было забыться до этой степени, если не предполагать, что г. редакторъ, директоръ и общій владѣлецъ Библіотеки рѣшился уже напередъ блеснуть въ послѣдній разъ во всемъ величіи своемъ, предстать на лицо во всей наготѣ своей—и сойдти съ этого поприща, предоставивъ другому владѣльцу изданія вѣдаться, какъ знаетъ и хочетъ? Истинно благородный поступокъ! Или г. директоръ измѣнилъ себѣ, не выдержалъ, его вывели изъ себя; или онъ, какъ говорю я, написалъ строки эти, прощаясь со всѣми сотрудниками и желая, чтобы они помнили его по прощальной кличкѣ: *ящикъ съ рукояткой!*

Каждый изъ насъ знаетъ теперь, кто этотъ ящикъ съ рукояткой, въ чьей головѣ жернова и толчея денно и нощно трудятся надъ тѣмъ, чтобы измолоть, уничтожить или исказить чужія слова, мысли и чувства; а потому, каждый, кто только прочитаетъ это простодушное признаніе г. директора, редактора, общаго владѣльца Библіотеки и частнаго владѣльца этой уютной мукомольной мельницы особеннаго устройства, каждый согласится со мною, что надобно и самому быть такимъ-же ящикомъ съ рукояткой, чтобы сдѣлаться игрушкою и произвольною забавою человѣка, коего стремленія, чувства и образъ мыслей теперь всѣмъ намъ извѣстны и не подлежатъ уже никакому сомнѣнію: они не обинуются, не прикрываются и двусмысліемъ, а содравъ съ себя всѣ покровы, предстали намъ въ полномъ блескѣ и наготѣ своей, потѣшаясь непріятнымъ, противнымъ дѣйствіемъ своимъ на окружающую ихъ толпу зрителей или читателей.

Относя такимъ образомъ поступки и дѣйствія, духъ и стремленіе пера нашего героя собственно къ нравственности, а слѣдовательно и къ лицу его, не желалъ бы я однакоже, чтобъ слово мое названо было личностью: всякій благомыслящій человѣкъ пойметъ, что это не одно тоже. Не моя вина, коли личныя свойства и качества писателя выражаются въ духѣ и направленіи дѣйствій его на поприщѣ словесности; не моя вина, если недоброе намѣреніе, нечистое стремленіе это обнаруживается въ словѣ и въ слогѣ его; но обязанность каждаго изъ насъ, а стало быть и моя, обнаружить это, предостеречь другъ друга и читателей и сказать: Братья и товарищи, недобрая тѣнь ложится на современную словесность нашу; злой духъ искаженія, неправды, фиглярства, казарменнаго скоморошества, духъ недобросовѣстный, духъ заносчивой спѣси и нахальства вкрадывается и врывается силою въ письменную мысль души и сердца. Всѣ мы люди, всѣ подвержены обольщенію Искусителя; недобрый духъ этотъ, если мы не опозоримъ его, указывая на него пальцами, всеобщимъ презрѣніемъ, будетъ имѣть гибельное вліяніе на вкусъ читателей и на самый ходъ словесности нашей; онъ обезобразитъ ее также точно, какъ жало и янчки небольшаго насѣкомаго безобразятъ чистые и гладкіе листы столѣтняго дуба, производя на нихъ чудовищные наросты. Вотъ почему, товарищи, говорю я прямо и смѣло: пусть будетъ и моя капля меду, капля правды, въ пчельникѣ, въ пасекѣ нашей, которая можетъ держаться только согласіемъ и единодушіемъ рабочихъ и уничтоженіемъ трутней, которые вздумали бы ѣсть готовый медъ, вовсе не про нихъ собранный и сбереженный.

Сподвижники и путеводители мои! Не подымайте на этого Иблиса ни руки, ни ноги; онъ скоро умретъ своею смертію, по совѣту одного

почтеннаго земляка своего—умреть невольнымъ самоубійствомъ и будетъ почивать на заслуженныхъ лаврахъ своихъ. Такъ, онъ дѣйствительно заслужилъ уже на свою долю страницу въ лѣтописи словесности нашей; но—что написано будетъ моимъ и вашимъ внукомъ на страницѣ этой, то станутъ читать правнуки и праправнуки наши, и никто уже не омокнетъ пера на защиту косноязычныхъ словъ и безславныхъ дѣяній! Итакъ, не ополчайтесь на него, но подайте голосъ свой; и мы и читатели должны наконецъ знать и вѣдать на чистоту, чему вѣрить и чего держаться. Молчаніе—знакъ согласія, говорили предки наши и скажутъ потомки; а ктобы изъ насъ желалъ, чтобы его отнынѣ еще подозрѣвали въ согласіи и сообщничествѣ съ героемъ этой статьи? Скажи каждый на прямикъ, ради чести и собственнаго достоинства своего, состоитъ ли онъ въ распоряженіяхъ этого знаменитаго ящика съ рукояткой, который объявляетъ себя не только цѣнителемъ и указчикомъ присяжнымъ и цеховымъ браковщикомъ, но и самовластнымъ господиномъ чувства, мыслей и словъ нашихъ, повелѣваетъ безусловно что̀ намъ думать, говорить и писать, а въ случаѣ непослушанія нашего печатаетъ, поддѣлавъ любую подпись, все что̀ ему угодно, называетъ наше своимъ, а свое нашимъ, и притомъ такъ твердо увѣренъ въ справедливости и общеполезности этого благороднаго подлога, что говоритъ намъ въ глаза: негодованіе ваше притворно; вы въ душѣ своей признательны и благодарны доброму, сострадательному барону за снисхожденіе и трудолюбивую услужливость его; а впрочемъ кому не угодно—*не суйся!!!*

Имена сотрудниковъ исчезли съ обертки Библіотеки; намъ говорятъ нынѣ просто, что всѣ извѣстные писатели участвуютъ въ этомъ изданіи. Можно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ ожидать, что многіе захотятъ откликнуться на приглашеніе: *не суйся* и скажутъ цѣлому свѣту, участники ли они, или нѣтъ. Не знаю что̀ будетъ молоть нашъ почтенный ящикъ съ рукояткой, когда у него не станетъ мелева; придется, покачивая головою, встряхивать и пересыпать обмолки и отруби; но я знаю, что послѣ смерти нѣтъ покаянія; а кто скончался, захлебнувшись собственною славою своею или безславіемъ, тому на одинокую могилу не поставятъ ни душеспасительнаго креста, ни голубца, ни доски съ надписью: «миръ праху твоему», а будутъ указывать прохожимъ на голую, забытую могилу, какъ на отверженный, жалкій пріютъ самоубійцы.

Братья и сподвижники! Подадимъ другъ другу руки, какъ во златыя времена ретивой молодости, съ обѣтомъ на благо, на правду, на добро! Прикованные судьбою къ тяжкому ярму поденщики да несутъ

крестъ свой смиренно; сострадайте о нихъ, друзья, но чтите ихъ, да не оскорбитъ ихъ неосторожный упрекъ нашъ. Они молча снабжать будутъ знаменитый ящикъ кровнымъ и потовымъ трудомъ своимъ; а пустая голова, ящикъ этотъ, въ которомъ замѣтьте, нѣтъ ничего, кромѣ того, что̀ люди туда положатъ—ящикъ этотъ будетъ забавляться, молоть и мять и мѣсить, и на нѣмой укоръ оскорбленнаго самочувствія подателей ящикъ этотъ отвѣтитъ: ты взялъ наличныя деньги за работу свою; молчи, или не суйся!!! И такъ, о писателяхъ, осужденныхъ судьбою на то, чтобы писать за деньги, ни слова; но, какой вольный казакъ словеснаго царства потерпитъ надъ собою и надъ самимъ художествомъ самовластіе этого Хивинскаго хана? И взгляните на все, что̀ онъ писалъ, то есть самъ писалъ, а не набралъ на прокатъ у другихъ: въ наукѣ положительной онъ можетъ быть полезенъ, не спорю; но въ изящной словесности онъ писатель безвкусный, приторный, неблагопристойный, развратный; а развратъ всегда распространяется и прививается легче и скорѣе, чѣмъ самая добродѣтель. Вотъ почему ханъ этотъ опасенъ и вреденъ.

Подадимъ же другъ другу руку взаимной пріязни, обмѣняемся обѣтами стоять за Русское изящное слово, трудиться, по мѣрѣ силъ своихъ, на пользу образованія и просвѣщенія, словомъ, на все благое и хорошее. Предоставимъ любителю тьмы трудиться на пагубу и развращеніе; отыдемъ отъ зла и сотворимъ благо.

«Наблюдатель» и «Современникъ», вотъ два повременныя изданія, основанныя, по духу и направленію своему, съ достойною и благородною цѣлью; основатели того и другаго изданія давно уже заслужили уваженіе и довѣренность нашу; къ нимъ обратимся и завѣщаемъ, въ изданіяхъ ихъ, духовную жизнь нашу, или тотъ лучь духовной жизни, который требуетъ общности, всенародности, который былъ и будетъ основателемъ изданій повременныхъ, не входя въ составъ и содержаніе того, что̀ мы привыкли собственно называть *книгою*. Чувство, питаемое всѣми нами къ издателю «Современника», должно воспламенить каждаго изъ насъ къ благородному соревнованію на поприщѣ полезнаго и изящнаго. Въ словахъ этихъ, читатель, по собственному чувству своему, надѣюсь, не захочетъ искать пошлой лести, и въ доказательство противнаго скажемъ сперва «Наблюдателю», какъ старшему, а потомъ и «Современнику», что они, удовлетворивъ насъ вполнѣ по духу своему и благому направленію, доселѣ не совсѣмъ еще удовлетворили по своему содержанію. Скажемъ имъ это въ глаза, но скажемъ, что̀ должно, и въ оправданіе себя и ихъ. Ни два, ни три, ни даже десять человѣкъ не въ состояніи поддерживать и наполнять по-

временное издаліе, дневникъ настоящаго поколѣнія; но *общими силами*, союзными трудами и волею, при единодушномъ стремленіи къ возвышенной метѣ—можно сдѣлать много, все, что̀ только человѣкъ создать и сдѣлать въ состояніи. Вовторыхъ, никто не можетъ произвести внезапный переломъ, если къ этому не все уже подготовлено случаемъ и обстоятельствами; нужно *время.* Журналистика наша, не достигнувъ еще большой степени совершенства, упала, злоупотребленіемъ человѣка, коему довѣрили огромныя вещественныя средства. Она обратилась въ единоторжіе, вредное вездѣ, а здѣсь убійственное. Журналистика унизила и попрала сама себя ногами, опьянѣвъ отъ вольной, буйной и разгульной жизни, гдѣ не встрѣчала ни ровни, ни соперника, ни соревнователя. Дайте ей встать, опомниться, оправиться, отбить колодку, прогулять послѣднія мѣдныя деньги, стряхнуть съ себя этотъ неумѣстный колпакъ съ бубенчиками—и дѣло пойдетъ. Благое преобразованіе это вполнѣ начато уже «Современникомъ» и «Наблюдателемъ»; дайте больше рукъ и больше средствъ, и дѣло совершится. Подадимъ всѣ братскую руку помощи людямъ, которые умѣли пріобрѣсть любовь и искреннее, глубокое уваженіе наше; соединимся на полезное, благое дѣло, и мы исполнимъ долгъ, призваніе и назначеніе свое, будемъ правы передъ людьми и совѣстью.

Я вовсе не говорю, чтобы мы были обязаны отказаться единожды навсегда отъ вещественной денежной прибыли за посильные труды наши; нѣтъ, это было бы нелѣпо. Но никогда науки и искусства не должны быть поруганы и обезчещены, обращены въ дойную корову: это сокровищницы ума и сердца, а не бумажникъ. Я возьму деньги за статью, которую написалъ; но я никогда не напишу статью за деньги, то есть не стану писать того, къ чему побуждаетъ меня одна только плата. Я продавалъ то что̀ писалось человѣку, котораго чту и уважаю, а не ящику съ рукояткой, не пришельцу и самозванцу, который, видно, знаетъ всѣ языки въ мірѣ кромѣ Русскаго, который, какъ говорятъ, очень ученъ и крайне трудолюбивъ, но который на поприщѣ критики, журналистики и изящной словесности рѣшительно себя опозорилъ, и—конецъ концовъ—который во всѣхъ произведеніяхъ своихъ, въ словахъ, рѣчахъ и самыхъ поступкахъ обнаруживаетъ высшую степень безнравственности.

Такъ я и нынѣ охотно жертвую всѣмъ, высказавъ гласно эту горькую правду. Повторяю: пусть злой духъ Русской словесности, этотъ новый и небывалый демонъ, пусть силится и жилится и надрывается—насъ разберутъ современники и разберутъ потомки. Я обращаюсь еще разъ къ первымъ и подаю имъ руку на всякое добро и благо: Богъ на̀ помочь!

А чтобы г. директоръ, редакторъ, общій владѣлецъ и литейный мастеръ, словомъ, тотъ человѣкъ, который носитъ столько же именъ, званій и прозваній, сколько дней въ году, зналъ кто слово это молвилъ, то я, казакъ Луганскій, и подписуюсь:

Владиміръ Ивановъ Даль,

чиновникъ особыхъ порученій Оренбургскаго военнаго губернатора.

Оренбургъ, 1836 г. 16-го Августа.

ДРУЖЕСКІЯ СНОШЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

ПИСЬМА КЪ НЕМУ.

В. К. Кюхельбекера.

О Кюхельбекерѣ очень много писано. Прибавимъ, что мать его была женщина отмѣнной энергіи. Мужъ ея почему-то жилъ въ Михайловскомъ замкѣ. Когда онъ явился къ ней оттуда, въ ночь 12 Марта 1801 года, она грозно крикнула на него и на объясненія его сказала: „Ты обязанъ былъ умереть тамъ." (Слышано отъ князя В. Ѳ. Одоевскаго) *П. Б.*

1.

Любезные друзья и братья, поэты Александры [1]).

Пишу къ вамъ вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобы васъ другъ другу сосводничать. Я здоровъ и, благодаря подарку матери моей природы, легкомыслію, не-несчастливъ. Живу du jour au jour[2]); пишу. Пересылаю вамъ нѣкоторыя бездѣлки, сочиненныя мною въ Шлиссельбургѣ. Свиданія съ тобою, Пушкинъ, въ вѣкъ не забуду. Получилъ ли Грибоѣдовъ мои волосы? Если желаешь, другъ, прочесть отрывки изъ моей поэмы, пиши къ С. Бѣгичеву: я на дняхъ переслалъ ему ихъ нѣсколько. Простите. Цѣлую васъ.

В. Кюхельбекеръ.

Дюнабургъ, 10 Іюля 1828.

2.

20 Окт. (1830. Динабургъ).

Любезный другъ Александръ.

Черезъ два года, наконецъ, опять случай писать къ тебѣ. Часто я думаю о васъ, мои друзья; но увидѣться съ вами надежды нѣтъ-какъ нѣтъ. Отъ тебя, т. е. изъ твоей Псковской деревни, до моего Помфрета [3]), правда, не далеко; но и думать боюсь, чтобъ ты ко мнѣ пріѣхалъ...... [4])

---

[1]) Т. е. Пушкинъ и Грибоѣдовъ.

[2]) Изо дня въ день.

[3]) Помфретъ — мѣстечко въ Англіи, близъ Виндзора.—Къ чему относится, не знаемъ.

[4]) Точки въ подлинникѣ.

А сердце голодно, хотѣлось бы хоть взглянуть на тебя! Помнишь ли наше свиданіе въ родѣ чрезвычайно романтическомъ: мою бороду? фризовую шинель? медвѣжью шапку? Какъ ты, черезъ семь съ половиною лѣтъ, могъ узнать меня въ такомъ костюмѣ, вотъ чего не постигаю! [5])

Я слышалъ, другъ, что ты женишься: правда ли? Если *она* стоитъ тебя, радъ; но скажи ей или попроси, чтобъ добрые люди ей сказали, что ты быть молодымъ лордомъ Байрономъ не намѣренъ, да сверхъ того и слишкомъ для такихъ похожденій старъ.—Старъ? Да, любезный, поговариваютъ уже о старости и нашей: волосъ у меня уже крѣпко съ русаго сбивается на сѣро-нѣмецкій; годъ, два, и *Амигдалъ процвѣтетъ на главѣ моей.* Между тѣмъ я, новый Камоэнсъ, творю, творю хоть не Лузіады, а ангельщины и дьявольщины, которымъ конца нѣтъ. Мой черный демонъ отразился въ «Ижорскомъ»; свѣтлый—въ произведеніи, которое назвать боюсь; но по моему мнѣнію оно и оригинальнѣе и лучше «Ижорскаго», даже въ чисто-свѣтскомъ отношеніи. Къ тому же терцины, размѣръ божественнаго Данте, слогъ, въ которомъ я старался исчерпать все, что̀ могу назвать моимъ познаніемъ Русскаго языка, и частная, личная исповѣдь всего того, что̀ меня въ пять лѣтъ моего заточенія волновало, утѣшало, мучило, обманывало, ссорило и мирило съ самимъ собою: это все вещи, которыя въ «Ижорскомъ» не могли имѣть мѣста; тамъ же, можетъ быть, годятся. — Сдѣлай, другъ, милость, напиши мнѣ: удался ли мой «Ижорскій» или нѣтъ? У меня нѣтъ здѣсь судей: Манасеинъ уѣхалъ, да и судить-то ему не подъ стать. Шишковъ могъ бы, да также уѣхалъ, а въ бытность свою здѣсь слишкомъ былъ измученъ всѣмъ тѣмъ, что̀ дѣялось съ нимъ. —Напиши, говорю, разумѣется, не по почтѣ, а отдашь моимъ: авось они черезъ годъ, черезъ два или десять найдутъ случай мнѣ переслать. Для меня время не существуетъ: черезъ десять лѣтъ или завтра для меня à peu près все равно.

Кто это у васъ печатаетъ піесы, очень мнѣ близкія по тому, что̀ въ нихъ говорится, хотя бы я немного иначе все это сказалъ? Не Александръ ли *О?* Мой и Исандера питомецъ? Зналъ ли ты Исандера? Нѣтъ? Престранное дѣло письма: хочется тьму сказать, а не скажешь ничего. Главное дѣло вотъ въ чемъ, что я тебя не только люблю, какъ всегда

[5]) Извѣстно, что Пушкинъ, въ 1827 году, не видавшій своего друга *Кюхлю* съ самаго выхода изъ Лицея, повстрѣчался съ нимъ на одной изъ станцій по дорогѣ въ Петербургъ: Кюхельбекера, уже государственнаго преступника, задержаннаго въ Варшавѣ, везли жандармы. Къ этому свиданію относятся стихи Пушкина:

Какъ другъ, обнявшій молча друга,
Передъ изгнаніемъ его.

любилъ, но за твою «Полтаву» уважаю, сколько только можно уважать.

Это конечно тебѣ покажется весьма немногимъ, если ты избалованъ безсмысленными охами и ахами, которые воздвигаютъ вокругъ тебя люди, понимающіе тебя и то, чѣмъ можешь быть, долженъ быть и (я твердо увѣренъ) будешь; понимающіе, говорю, это также хорошо, какъ я языкъ Китайскій. Но я увѣренъ, что ты презираешь ихъ глупое удивленіе наравнѣ съ ихъ бранью, quoiqu'ils font chez nous le beau tems et la pluie [6]). Ты видишь, мой другъ, я не отсталъ отъ моей милой привычки: приправлять мои православныя письма Французскими фразами. Вообще я мало перемѣнился: тѣже причуды, тѣже странности и чуть ли не тотъ же образъ мыслей, что̀ въ Лицеѣ! Старъ я только сталъ, больно старъ, и потому-то тупъ; учиться ужъ не мое дѣло, и Греческій языкъ въ отставку, хотя онъ меня еще занималъ мѣсяца четыре тому назадъ: вижу, не дается мнѣ! Усовершенствоваться бы только въ Польскомъ. Мицкевича читаю довольно свободно, Одынца тоже; но Нѣмцевичъ для меня трудненекъ. Мой другъ, болтаю, переливаю изъ пустаго въ порожнее, все для того, чтобъ ты себѣ составилъ идею объ узникѣ Двинскомъ. Но развѣ ты его не знаешь? И развѣ такъ интересно его знать? Вчера былъ лицейскій праздникъ; мы его праздновали не вмѣстѣ, но одними воспоминаніями, одними чувствами. Что̀, мой другъ, твой «Годуновъ»? Первая сцена, *Шуйскій* и *Воротынскій*, безподобна; для меня лучше, чѣмъ сцена *Монахъ* и *Отрепьевъ*; болѣе въ ней живости, силы, драматическаго. Шуйскаго бы разцѣловать. Ты отгадалъ его совершенно. Его: «А что̀ мнѣ было дѣлать?» рисуетъ его лучше, чѣмъ весь XII томъ покойнаго и спокойнаго исторіографа. Но Господь съ нимъ! De mortuis nil nisi bene [7]).

Je ne vous recommande pas le porteur de cette lettre, persuadé que vous l'aimerez sans cela et pour l'amitié qu'il m'a montré pendant son séjour à D. [8]) Прощай, другъ! Должно еще писать къ Дельвигу и къ роднымъ; а то бы начертилъ бы тебѣ и поболѣе. For ever your William [9]).

---

[6]) Хотя отъ нихъ у насъ и вёдро и дождь, т. е. они всевластны.

[7]) О мертвыхъ надо говорить хорошо, или ничего. — [8]) Не рекомендую тебѣ подателя этого письма, увѣренный, что ты его полюбишь и за дружбу, которую онъ мнѣ оказалъ, будучи въ Д. (инабургѣ). — [9]) На всегда вашъ Вильгельмъ.

Письмо Кюхельбекера къ Дельвигу [10]).

18 Ноября (Динабургъ, 1830).

Любезнѣйшій Антонъ Антоновичъ.

Вотъ тебѣ первая часть моего «Ижорскаго». Желалъ бы я очень знать, какъ тебѣ покажется. Теперь финансы и прочія суеты мірскія: прошу тебя, если можно, напечатай «Ижорскаго» подъ псейдографическимъ именемъ напр. *Космократова Младшаго* (буде Пушкинъ позволитъ); далѣе, чтобы profanum vulgus никакъ не узналъ настоящаго имени автора, et c'est pour cause, потому что черезъ таковое узнаніе могу лишиться пера и чернилъ, единственной отрады, которая осталась мнѣ въ жизни; наконецъ, если ты согласенъ принять въ свое обладаніе мою чертовщину, черезъ подателя пришли мнѣ 100 рубл. въ зачетъ 300 или 250, которыхъ за нее прошу.—П. А. Плетнева прошу покорно потрудиться на счетъ исправности изданія; надѣюсь, что онъ не откажетъ мнѣ въ этомъ. На свою долю мнѣ бы желалось 25 экз.; изъ нихъ 5 отъ моего имени прошу доставить: 1) Бѣгичеву въ Москвѣ; 2) Пушкину; 3) Баратынскому; 4) Жуковскому; 5) Гнѣдичу; 20 потрудиться мнѣ переслать черезъ подателя сего. Не извиняюсь, что утруждаю тебя; я полагаю, что извиненія въ этомъ случаѣ должны бы тебѣ показаться обидными; тѣмъ болѣе, что нуждаюсь въ деньгахъ и потому только и рѣшился напечатать «Ижорскаго».

Если можешь, напиши ко мнѣ на имя Манасеина; строчка твоей руки меня очень осчастливитъ; но не поминай ни имени, ни фамиліи моей. Податель мнѣ письмо доставитъ не скоро, за то вѣрно.

Хочешь ли знать, что̀ сдѣлалъ я въ четыре года? Я былъ довольно прилеженъ еще подъ судомъ, безъ бумаги, безъ пера, безъ чернилъ. Началъ я нѣчто эпическое; это нѣчто, надѣюсь, будетъ по крайней мѣрѣ столько же оригинально въ своемъ родѣ, какъ «Ижорскій». Оно въ терцинахъ, въ 10 книгахъ; 9 кончены, названіе *Давидъ*; руководители Тассъ, отчасти Дантъ, но преимущественно Библія. Далѣе, я началъ романъ, который вѣроятно погибъ; остался онъ въ рукахъ у Шипперсона, котораго Баратынскій знаетъ; заглавіе: *Деодатъ*. Сверхъ того перевелъ я Макбета, Ричарда II и началъ Генриха IV. Макбета можешь прочесть у моихъ; живутъ они въ Большой Подъяческой, въ домѣ Быковыхъ подъ № 290, если не ошибаюсь. Сообщи имъ и «Ижорскаго».

---

[10]) Сохранилось въ бумагахъ Пушкина.

Надѣюсь, что м. г. Софія Михайловна позволитъ мнѣ попросить тебя, чтобы ты у нея поцѣловалъ за меня ручку. Не забывай меня. Цѣлую Петра Александровича.

Твой В. К.

P. S. Письмо сожги.

3.

Баргузинъ, 12 Февраля 1836 года.

Двѣнадцать лѣтъ, любезный другъ, я не писалъ къ тебѣ. Не знаю, какъ на тебя подѣйствуютъ эти строки. Онѣ писаны рукою, когда-то тебѣ знакомою; рукою этою водитъ сердце, которое тебя всегда любило; но двѣнадцать лѣтъ не шутка. Впрочемъ мой долгъ прежде всѣхъ лицейскихъ товарищей вспомнить о тебѣ въ минуту, когда считаю себя свободнымъ писать къ вамъ; *долгъ*, потому что и ты же болѣе всѣхъ прочихъ помнилъ о вашемъ затворникѣ. Книги, которыя время отъ времени пересылалъ ты ко мнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ мнѣ драгоцѣнны: разъ, онѣ служили мнѣ доказательствомъ, что ты не совсѣмъ еще забылъ меня, а во вторыхъ приносили мнѣ въ моемъ уединеніи большое удовольствіе. Сверхъ того, мнѣ особенно пріятно было, что ты, поэтъ, болѣе нашихъ прозаиковъ заботишься обо мнѣ: это служило мнѣ вмѣсто явнаго опроверженія всего того, что̀ господа люди хладнокровные и разсудительные обыкновенно взводятъ на грѣшныхъ служителей стиха и риѳмы. У нихъ поэтъ и человѣкъ недѣльный одно и тоже; а вотъ же Пушкинъ оказался другомъ гораздо болѣе дѣльнымъ, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ. Вѣрь, Александръ Сергѣевичъ, что умѣю цѣнить и чувствовать все благородство твоего поведенія; не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что долженъ былъ ожидать отъ тебя всего прекраснаго; но клянусь, отъ всей души радуюсь, что такъ случилось.

Мое заточеніе кончилось: я на свободѣ, т.-е. хожу безъ няньки и сплю не подъ замкомъ. Вѣроятно полюбопытствуешь узнать кое-что о Забайкальскомъ краѣ или Даурской Украйнѣ, какъ въ сказкахъ и пѣсняхъ называютъ ту часть Сибири, въ которой теперь живу. На первый случай мало могу тебѣ сообщить удовлетворительнаго, а еще менѣе утѣшительнаго. Вопервыхъ, въ этой Украйнѣ холодно, очень холодно; во вторыхъ, нравы и обычаи довольно прозаическіе: безъ преданій, безъ рѣзкихъ чертъ, безъ оригинальной физіономіи. Буряты мнѣ нравятся гораздо менѣе Кавказскихъ горцевъ: рожи ихъ безобразны, но не на Гофмановскую стать, а на стать нашей любезной отечественной ли-

тературы, плоски и безжизненны. Тунгусовъ я встрѣчалъ мало, но въ нихъ что-то есть; звѣрное начало (le principe animal) въ нихъ сильно развито и, какъ человѣкъ-звѣрь, Тунгусъ въ моихъ глазахъ гораздо привлекательнѣе разсчетливаго, благоразумнаго Бурята. Русскіе (жаль, другъ Александръ,—а должно же сказать правду) Русскіе здѣсь почти тѣже Буряты, только безъ Бурятской честности, безъ Бурятскаго трудолюбія. Отличительный порокъ ихъ пьянство: здѣсь пьютъ всѣ, мужчины, женщины, старики, дѣвушки; женщины почти болѣе мужчинъ. Здѣшній языкъ богатъ идіотизмами, но о нихъ въ другой разъ. Мимоходомъ только замѣчу, что простолюдины употребляютъ здѣсь пропасть книжныхъ словъ, особенно часто: *почто, но, однако;* далѣе,—*облачусь* вмѣсто *одѣнусь*, *ограда* вмѣсто *дворъ* etc. Метисы бываютъ иногда очень хороши. Вѣришь ли? Я замѣтилъ доро́гою нѣсколько лицъ истинно Греческихъ очерковъ; но что̀ гадко: у нихъ, какъ у Бурятъ, мало бороды, и потому подъ старость даже лучшіе бываютъ похожи на старыхъ евнуховъ или самыхъ безобразныхъ бабушекъ. Между Русскими, здѣшними уроженцами, довольно бѣлокурыхъ; но у всѣхъ почти скулы выдаются, что̀ придаетъ ихъ лицамъ что-то Калмыцкое. Горы Саянскія или, какъ ихъ здѣсь называютъ, Яблонный хребетъ, меньше Кавказскихъ, но, кажется выше Уральскихъ, и довольно живописны. О Байкалѣ ни слова: я видѣлъ его подъ ледяною бронею. За то, другъ, здѣшнее небо безподобно. Какая ясность! Что за звѣзды! Вотъ для поэта пища! Если пожелаешь письма поскладнѣе, отвѣчай.—Обнимаю тебя. Je vous prie de me rappeler au souvenir de madame votre mère et m-r votre père. Tout à vous [11]).

В. Кюхельбекеръ.

4.

Баргузинъ, 18 Октября 1836 года.

Не знаю, другъ Пушкинъ, дошло ли до тебя, да и дойдетъ ли письмо, которое писалъ я къ тебѣ въ Августѣ; а между тѣмъ берусь опять за перо, чтобы поговорить съ тобою хоть заочно. Въ иное время я, быть можетъ, выждалъ бы твоего отвѣта; но есть въ жизни такія минуты, когда мы всего надѣемся, когда опасенія не находятъ дороги въ душу нашу. Grande nouvelle! Я собираюсь—жениться; вотъ и я буду Benedick the maried man, а моя Beatrix почти такая же little Shrew, какъ и въ Much Ado старики Willy.—Что-то Богъ дастъ?

---

[11]) Прошу привести меня на память м. г. твоей матушки и м. г. твоего батюшки. Весь твой.

Для тебя, поэта, по крайней мѣрѣ важно хоть одно, что она *въ своемъ родѣ* очень хороша: черные глаза ея *жгутъ душу*; въ лицѣ что-то младенческое и вмѣстѣ что-то страстное, о чемъ вы, Европейцы, едва ли имѣете понятіе. Но довольно. Завтра 19 Октября. Вотъ тебѣ, другъ, мое приношеніе. Чувствую что оно недостойно тебя; но, право, мнѣ теперь не до стиховъ.

19 Октября.

1.

Шумятъ, бѣгутъ часы: ихъ темный валъ
Вновь выплеснулъ на берегъ жизни нашей
Священный день, который полной чашей
Въ кругу друзей и я торжествовалъ.
Давно!—Европы стражъ, сѣдой Уралъ,
И Енисей, и степи, и Байкалъ
Теперь межъ нами... На крылахъ печали
Любовью къ вамъ несусь изъ темной дали.

2.

Поминки нашей юности! И я
Ихъ праздновать хочу; воспоминанья,
Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцанья,
Воскресните! Предстаньте мнѣ, друзья!
Пусть созерцаетъ васъ душа моя,
Всѣхъ васъ, Лицея вѣрная семья!
Я съ вами былъ когда-то счастливъ, молодъ:
Вы съ сердца свѣете туманъ и холодъ.

3.

Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
Рокочутъ.... Пѣснопѣвецъ, это ты!
Твой образъ—свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты.
Твои живыя, вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Когда уединенъ, ты пилъ кручину.

4.

Когда и ты, какъ нѣкогда Назонъ,
Къ родному граду простиралъ объятья,
И надъ Невою встрепетали братья,
Услышавъ гармоническій твой стонъ.
Съ сѣдаго Пейпуса, волшебный, онъ
Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій
И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній.

5.

О братъ мой! Много съ той поры прошло;
Твой день прояснѣлъ, мой покрылся тьмою;
Я сталъ знакомъ съ Торкватовой судьбою.
И чтожъ? Опять передо-мной свѣтло!
Какъ сонъ тяжелый горе протекло;
Мое свѣтило изъ-за тучъ чело
Вновь подняло; гляжу въ лице природы:
Мнѣ отданы долины, горы, воды.

6.

И, другъ, хотя мой волосъ побѣлѣлъ,
А сердце бьется молодо и смѣло,
Во мнѣ душа переживаетъ тѣло:—
Еще мнѣ Божій міръ не надоѣлъ.
Что ждетъ меня? Обманы—нашъ удѣлъ.
Но въ эту грудь вонзалось много стрѣлъ,
Терпѣлъ я много, обливался кровью....
Что если въ осень дней столкнусь съ любовью?

Размысли, другъ, этотъ послѣдній вопросъ и не смѣйся; потому что человѣкъ, который десять лѣтъ сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ и способенъ еще любить довольно горячо и молодо,—ей Богу, достоинъ нѣкотораго уваженія. Цѣлую тебя.

Вильгельмъ.

П. А. Катенина.

Павелъ Александровичъ Катенинъ (дядя извѣстнаго, позднѣе, Оренбургскаго генералъ-губернатора) былъ однимъ изъ старшихъ пріятелей Пушкина, который съ ранней молодости, посреди всяческаго разгула страстей, отличался чуткостью въ оцѣнкѣ людей. Катенинъ же былъ человѣкъ замѣчательный. Костромичъ родомъ, Грекъ по своей матери (которая была дочерью генерала Пурпуры), онъ участвовалъ въ войнахъ за спасеніе Россіи и освобожденіе Европы отъ Наполеона и въ 1815—1821 годахъ занималъ блестящее положеніе среди нашей военной и свѣтской молодежи, будучи командиромъ перваго батальона Преображенскаго полка, имѣя помѣщеніе рядомъ съ зимнимъ дворцомъ, въ казармахъ на Милліонной (въ эти казармы ежедневно ходилъ на утреннюю прогулку, въ бытность свою въ Петербургѣ, государь Александръ Павловичъ) и, вмѣстѣ съ доблестью воинскою, отличаясь большою начитанностью и даромъ словеснаго искусства. Пушкинъ сошелся съ нимъ въ общей страсти къ театру и черезъ него попалъ въ общество князя А. А. Шаховскаго, проникъ въ театральный міръ, въ закулисное царство.

Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ первой ссылки Пушкина, и надъ Катенинымъ стряслась бѣда. Въ большомъ театрѣ онъ неосторожно выразилъ неодобреніе игрѣ одной актрисы, находившейся подъ покровительствомъ Петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, который распорядился немедленною высылкою Катенина въ Костромскую деревню. Государя въ то время не было въ Россіи. Нѣсколько позже, въ одинъ изъ своихъ переѣздовъ по Россіи, проѣзжая по близости Катенинскаго имѣнія въ Кологривскомъ уѣздѣ, Александръ Павловичъ вспомнилъ про своего полковника. Онъ былъ снова принятъ на службу, но уже измятый жестокимъ поступкомъ графа Милорадовича. При Николаѣ Катенинъ служилъ на Кавказѣ и былъ, если не ошибаемся, комендантомъ Кизлярской крѣпости. Сочиненія его изданы особо, въ двухъ книгахъ (С.-П.Б. 1832); но не столько ими, какъ пріязнію Пушкина, увѣковѣчено его имя. Пушкинъ въ особенности цѣнилъ познанія Катенина въ иностранной словесности и нѣкоторые его переводы изъ Французскихъ трагиковъ.

. . . Нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый.

Съ годами роли перемѣнились: слава окружила имя Пушкина, а Катенинъ остался въ тѣни; но золотое сердце Пушкина никогда не забывало обязательствъ дружбы, и онъ поддерживалъ сношенія съ Катенинымъ, которыя иной разъ могли быть ему въ тягость. П. Б.

1.

Въ концѣ зимы жилъ я въ Костромѣ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, и съ прискорбіемъ услышалъ отъ дяди твоего, тамошняго жителя [1]), что ты опять попалъ въ бѣду и по неволѣ живешь въ деревнѣ. Я хотѣлъ тотчасъ къ тебѣ писать; но тяжба, хлопоты, неудовольствія, нездоровье отняли у меня и время, и охоту. Развязавшись кое-какъ и то на время со всей этой дрянью, и возвратясь въ свой медвѣжій уголъ, я вдругъ вспомнилъ, что забылъ спросить у дяди твоего, въ какой губерніи ты находишься и какъ подписывать къ тебѣ письма. Богъ вѣсть сколько бы еще времени такъ уплыло; но на прошедшей почтѣ князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ прислалъ мнѣ изъ Москвы въ подарокъ твоего «Онѣгина». Весьма нечаянно нашелъ я въ немъ мое имя, и это доказательство, что ты меня помнишь и хорошо ко мнѣ расположенъ, заставило меня почти устыдиться, что я по сіе время не попекся тебя

---

[1]) Это былъ дальній родственникъ, если не ошибаемся, Александръ Юрьевичъ Пушкинъ. П. Б.

провѣдать. Сдѣлай одолженіе, извѣсти меня обо всемъ; ты пересталъ ко мнѣ писать такъ давно; я самъ два года съ половиной живу такъ далеко ото всего, что̀ не знаю: ни гдѣ ты былъ, ни что̀ дѣлалъ, ни что̀ съ тобой дѣлали; а коли ты мнѣ все это разскажешь, ты удовлетворишь желаніе истинно-пріятельское. Отъ меня не жди новостей: живу я въ лѣсу, въ дичи, въ глуши, въ одиночествѣ, въ скукѣ и стиховъ рѣшился не писать: carmina nulla canam [2]). Но и монахини (разумѣется честныя), давшія небу обѣтъ не любить, охотно слушаютъ про дѣла любовныя; я въ этомъ же положеніи и съ отмѣннымъ удовольствіемъ проглотилъ г-на Евгенія (какъ по отчеству?) Онѣгина. Кромѣ прелестныхъ стиховъ, я нашелъ тутъ тебя самого, твой разговоръ, твою веселость и вспомнилъ наши казармы въ Милліонной. Хотѣлось бы мнѣ потребовать отъ тебя въ самомъ дѣлѣ исполненія обѣщанія шуточнаго: написать поэму, пѣсенъ въ двадцать пять; да не знаю, каково теперь твое расположеніе; любимыя занятія наши иногда становятся противными. Впрочемъ, кажется, въ словесности тебѣ неудовольствій нѣтъ, и твой путь на Парнасъ устланъ цвѣтами. Еще разъ, милый Александръ Сергѣевичъ, повторяю мою просьбу: увѣдоми меня обо всемъ, гдѣ ты, какъ ты, что̀ съ тобой, какъ писать къ тебѣ и прочее.

Желаю тебѣ успѣха и отъ бѣдъ избавленія; остаюсь по прежнему весь твой

Павелъ Катенинъ.

Маія 9-го 1825. Кологривъ.

2.

Твое письмо, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, въ свою очередь немало постранствовало по бѣлу свѣту и побывало сперва въ Кологривѣ, а послѣ уже дошло до меня въ Петербургъ. Для отвращенія впредь подобныхъ затяжекъ, увѣдомляю тебя, что надписывать ко мнѣ надобно: въ Большую Милліонную, въ домъ Паульсона. Благодарю тебя, мой милый, за всѣ привѣтствія. Какой авторъ не любитъ похвалъ? Кому онѣ не вдвое лестны покажутся изъ устъ твоихъ? Но это голосъ Сирены, отъ котораго здравый разсудокъ велитъ всякому многострадальному Одиссею затыкать уши. Всѣ мнѣ совѣтовали отдать, наконецъ, на театръ мою трагедію, я самъ полагалъ это дѣломъ толковымъ и пустился на волю Божію; но теперь почти раскаеваться начинаю и придвижу тьму новыхъ неудовольствій; ибо нынѣшній директоръ Остолоповъ, едва знающій меня въ глаза, уже за что-то терпѣть не мо-

[2]) Не пою никакихъ пѣсенъ.

жетъ. Въ прошедшую Пятницу, по правиламъ новаго театральнаго постановленія, собрался въ домѣ графа Милорадовича комитетъ *словесниковъ* (такъ написано было въ повѣсткахъ). Какими правилами руководствуются при этомъ сборѣ, мнѣ неизвѣстно; а знаю только, что, къ сожалѣнію моему, не было тутъ ни Оленина, ни Гнѣдича, ни Жуковскаго, ни Жандра, ни Лобанова, ни Хмѣльницкаго. Изъ людей, въ самомъ дѣлѣ извѣстныхъ въ словесности, находились только Шишковъ, Муравьевъ-Апостолъ, Шаховской и Крыловъ. Повѣришь ли ты, что тутъ же съ ними засѣдалъ и Бестужевъ?! Меня не было; читалъ мой ученикъ Каратыгинъ, какъ видно, весьма хорошо, ибо трагедія понравилась, и ее опредѣлили принять; завтра иду въ контору толковать объ условіяхъ. Предвижу множество хлопотъ и затрудненій, очень слегка надѣюсь на нѣкоторое вознагражденіе въ успѣхѣ представленія; но во всякомъ случаѣ утѣшаюсь мыслію, что это уже моя послѣдняя глупость, и что какъ бы ни приняли «Андромаху», разница будетъ для меня въ томъ только, что я съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ отвращеніемъ сойду съ поприща, на которое никому пускаться не желаю. Недавно играли новую комедію «Аристофанъ» и приняли ее хорошо. Колосова опять на театрѣ, elle enlève la paille [3]). Семенова, послѣ долгаго сна, отлично сыграла Медею: какое дарованіе, и какъ жаль, что она его запускаетъ! Каратыгинъ къ бенефису своему перевелъ стихами трагедію: Blanche et Guiscard и весьма недурно, такъ что я ему совѣтую на будущій годъ приняться за что-нибудь лучшее, напримѣръ Manlius.

Съ нетерпѣніемъ жду остальныхъ пѣсней твоего «Онѣгина»; желалъ бы также познакомиться съ «Цыганами», о которыхъ чудеса разсказываютъ. Отчего ты ихъ не печатаешь? Или цензура?.. Я сбираюсь свои стихотворенія издать, и какъ ни увѣренъ по совѣсти, что въ нихъ нѣтъ ни одного слова, ни одной мысли непозволительной, но все боюсь; ибо никакъ не могу постичь, что̀ нашимъ цензорамъ не по вкусу и какъ писать, чтобы имъ угодить.

Прощай, умница; дай Богъ тебѣ здоровье и скорый возвратъ! Не забывай, что искренно любитъ и тебя, и твое дарованье не-романтикъ

Павелъ Катенинъ.

Ноября 24-го 1825.

---

[3]) Слово въ слово: подымаетъ солому. Выраженіе это употребляется въ смыслѣ пожинать лавры. П. Б.

3.

Извини, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что я такъ давно тебѣ не отвѣчалъ: въ нынѣшнее смутное время грустна даже бесѣда съ пріятелемъ. Жандръ сначала попался въ бѣду, но его вскорѣ выпустили; о другихъ общихъ нашихъ знакомыхъ отложимъ разговоръ до свиданія. И почему бы ему не быть вскорѣ? Стихотворенія твои я читалъ, большая часть мнѣ давно извѣстна. Но скажи пожалуй, къ какому К—пу ты пишешь нѣчто о Колосовой? Многіе думаютъ, что ко мнѣ; но я въ первый разъ прочелъ эти стихи въ печатной книгѣ. Ты часто изволишь ставить начальныя буквы таинственно. Въ Невскомъ Альманахѣ (издатель долженъ быть слишкомъ добрый человѣкъ) послѣ Полеваго et compagnie стоитъ какой-то К.... *дальный вашъ* (чей) *родня*; моя совѣсть чиста, ибо по сію пору я ни въ Невскомъ, ни въ другомъ альманахѣ ничего не печаталъ; но злые люди!... Однако чортъ съ ними; я хочу поговорить съ тобою о человѣкѣ очень хорошемъ, умномъ, образованномъ и мнѣ коротко знакомомъ; назвать до времени не могу. Онъ намѣренъ въ началѣ будущаго года выдать также альманахъ, разумѣется не такой, какъ нынѣшніе. Я для него рѣшаюсь нарушить мой зарокъ и написать что-нибудь порядочное; время есть; сверхъ того я вызвался выпросить стиховъ у тебя, и надѣюсь, что ты не введешь меня въ лгуны; болѣе: я прошу у тебя такихъ стиховъ, которыми бы ты самъ былъ доволенъ, вещи дѣльной. Будь умница и не откажи. Готовые теперь ты вѣроятно еще прежде издашь; но это все равно, будетъ другое; и въ твои лѣта и съ твоимъ дарованіемъ все должно идти чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Слышалъ я о второй части «Онѣгина», о трагедіи «Годуновъ»; любопытенъ чрезвычайно все это видѣть; но ты рѣшительно не хочешь мнѣ ничего показать, ни прислать. Богъ тебѣ судія; а я, какъ истый христіанинъ, прощаю, съ уговоромъ только, чтобы ты непремѣнно, безъ отговорокъ и вполнѣ, удовлетворилъ мою вышеписанную покорнѣйшую просьбу. За человѣка могу я ручаться, какъ за себя, слѣдственно и за достоинство предполагаемаго изданія уже впередъ нѣсколько отвѣчаю; но безъ тебя, баловень Музъ и публики, и праздникъ не въ праздникъ. Это мнѣ опять напоминаетъ твое отсутствіе. Постарайся, чтобы оно кончилось. Самому тебѣ не желать возврата въ Петербургъ странно. Гдѣ же лучше? Запретить тебѣ на отрѣзъ, кажется, нѣтъ довольно сильныхъ причинъ. Если бъ я былъ на мѣстѣ Жуковскаго, я бы давно хлопоталъ, какъ бы тебя возвратить тѣмъ, кто тебя душевно любитъ. Правда, я бы тогда хлопоталъ для себя.

Прощай, милый; будь здоровъ и покуда хоть пиши. Мое почтеніе царю Борису Өедоровичу; любезнаго проказника Евгенія прошу быть моимъ стряпчимъ и ходатаемъ у его своеправнаго пріятеля. Прощай. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Февр. 3-го 1826.
С.-Петербургъ.

4.

Премного благодарю, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, за готовность твою меня одолжить и предваряю тебя, что обѣщанные дары должны быть доставлены сюда отнюдь не позже перваго Сентября, дабы издатель успѣлъ все кончить съ цензурою и типографіею ранѣе новаго года. Отъ изданія журнала вдвоемъ я отнюдь не прочь; но объ этомъ рано говорить, пока тебя здѣсь нѣтъ, что̀ меня очень огорчаетъ. На друзей надѣяться хорошо, но самому плошать не надо. Я бы на твоемъ мѣстѣ сдѣлалъ тоже что̀ на своемъ: написалъ бы прямо къ царю почтительную просьбу въ благородномъ тонѣ, и тогда я увѣренъ, что онъ тебѣ не откажетъ, да и не за что.

Наконецъ досталъ я и прочелъ вторую часть «Онѣгина» и вообще весьма доволенъ ею; деревенскій бытъ въ ней также хорошо выведенъ какъ городской—въ первой. Ленскій нарисованъ хорошо, а Татьяна много обѣщаетъ. Замѣчу тебѣ однако (ибо ты меня посвятилъ въ критики), что по сіе время дѣйствіе еще не началось; разнообразность картинъ и прелесть стихотворенія, при первомъ чтеніи, скрадываютъ этотъ недостатокъ, но размышленіе обнаруживаетъ его; впрочемъ его уже теперь исправить нельзя, а остается тебѣ другое дѣло: вознаградить за него вполнѣ въ слѣдующихъ пѣсняхъ. Буде ты не напечатаешь второй до выхода альманаха, ее подари; а буде издашь прежде, просимъ продолженія: вещь премилая. Мои стихотворенія все еще переписываются въ Костромѣ, и оттолѣ весьма долго ко мнѣ ни слова не пишутъ, вѣроятно по той причинѣ, что и меня изволятъ считать въ числѣ заточенныхъ. Коль скоро пришлютъ, приступлю къ напечатанію. Но и тутъ бѣда, ибо глупость нашихъ цензоровъ превосходитъ всякое понятіе. «Андромаха» принята на театръ, роли розданы, и дирекція хотѣла было пустить ее въ ходъ во время коронаціи; но Семенова не захотѣла играть лѣтомъ и въ отсутствіи значительной части зрителей, обязанныхъ съ дворомъ отправиться въ Москву. И такъ представленіе отложено до совершеннаго открытія театровъ, по истеченіи годоваго срока со дня смерти бывшаго государя.

Что твой «Годуновъ»? Какъ ты его обработалъ? Въ строгомъ ли вкусѣ историческомъ или съ романтическими затѣями? Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что цензура его не пропуститъ. О, Боже! Читалъ ли ты Крылова басни, изданныя въ Парижѣ гр. Орловымъ съ переводами Французскимъ и Италіянскимъ? Изъ нихъ нѣкоторыя хороши, особливо басня «Ручей», работы Лавиня, «прелесть». Помнишь ли, это было твое привычное слово, говоря со мной? Полно упрямиться въ Опочкѣ, пріѣзжай-ка сюда, гораздо будетъ лучше и для тебя, и для насъ. До свиданія, моя умница; будь здоровъ. Къ слову: ты что-то хворалъ; прошло ли? Напиши. Прощай. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Марта 14-го 1826. С.-Петербургъ.

5.

Что̀ значитъ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что ты давно не пишешь ко мнѣ и даже не отвѣчалъ на мое послѣднее письмо? Не сердишься ли за что? Сохрани Господи! Какъ бы то ни было, я за долгое молчаніе ожидаю длиннѣйшаго письма, и дѣло будетъ съ концемъ. Меня недавно насмѣшилъ твой (яко-бы) отвѣтъ на желаніе одного извѣстнаго человѣка прочесть твою трагедію *Годуновъ*. «Трагедія эта не для дамъ, я ся не дамъ». Скажи, правда ли это? Меня оно покуда несказанно тѣшитъ. Буде ты любопытенъ что̀ знать про меня, вотъ новость: я въ прошедшую Пятницу принужденъ былъ состязаться съ Олинымъ, то-есть читали въ комитетѣ, составленномъ изъ разныхъ судей-литераторовъ, Grecs et Bulgares etc., два вдругъ изготовленные перевода Расинова «Баязета», одинъ—мой, а другой—вышеписаннаго Олина, который, видно, слишкомъ дурно написалъ, ибо Grecs et Bulgares et autres barbares [1]) рѣшительно предпочли мой, и я имѣлъ всѣ шары бѣлые; Олинъ же только четыре изъ двадцати. Авторы не бываютъ тамъ, когда ихъ судятъ; но, какъ мнѣ сказывали, много мнѣ сдѣлалъ пользы А. С. Шишковъ. Мнѣ его одобреніе тѣмъ пріятнѣе, что я съ нимъ не знакомъ; стало, онъ судилъ просто по своему вкусу, а вкусъ его не терпитъ дурнаго. Все это прекрасно; но скоро ли оно можетъ показаться въ люди? Послушай, радость моя, ты отвѣчалъ и толково, и забавно, но я право не дама, и нельзя ли мнѣ какъ нибудь «Годунова» показать? Кусокъ долженъ быть лакомый. Къ слову о дамахъ: меня просила Колосова непремѣнно въ первомъ къ тебѣ письмѣ сказать за нее пропасть хорошихъ вещей; только гдѣ я ихъ возьму? Положимъ, что онѣ ска-

---

[1]) Греки, Булгары и другіе варвары.

запы, и твоя очередь отвѣчать. Что̀ дѣлаетъ мой пріятель «Онѣгинъ?» Послалъ бы я ему поклонъ съ почтеніемъ, но онъ на все это плевать хотѣлъ. Жаль, а впрочемъ малый не дуракъ.

Прощай, умница; будь здоровъ и не молчи ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Мая 11-го 1826. С.-Петербургъ.

6.

Поклонъ твой Александрѣ Михайловнѣ [5]) отданъ какъ слѣдуетъ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ; она съ охотою возмется играть въ твоей трагедіи; но мы оба боимся, что почтенная дама цензура ея не пропуститъ, и оба желаемъ ошибиться [6]). Ты хочешь при свиданіи здѣсь прочесть мнѣ „Годунова"; это еще усиливаетъ мое желаніе видѣть тебя возвратившагося въ столицу. До тѣхъ поръ есть у меня къ тебѣ новая просьба. Для бенефиса, слѣдующаго мнѣ за „Андромаху" нужна была маленькая комедія въ заключеніе спектакля; я выбралъ Minuit, и нѣкто мой пріятель Николай Ивановичъ Бахтинъ взялся мнѣ ее перевести; но вотъ горе: тамъ есть романсъ или куплеты, и въ родѣ необыкновенномъ. Молодой Floridor (по русски Владиміръ) случайно запертъ въ комнатѣ своей кузины, молодой вдовы, ночью на новый годъ, и не теряетъ времени съ нею; пока они разнѣживаются, подъ окномъ раздается серенада. Въ концѣ втораго куплета бьетъ полночь, l' heure du berger [7]); старики входятъ, застаютъ молодыхъ, и остается только послать за попомъ, ибо все прочее готово. Французскіе куплеты дурны, но я прошу тебя мнѣ сдѣлать и подарить хорошіе. Ты видишь по ходу сцены, что̀ они должны означать, а на все сладострастное ты собаку съѣлъ. Сдѣлай дружбу, не откажи. Музыку сдѣлаемъ прекрасную; Кавосъ обѣщалъ мнѣ давно, что онъ всегда готовъ къ моимъ услугамъ. Пожалуйста, умница, не откажи; тебѣ же это дѣло легкое. Еще напоминаю тебѣ о томъ, что ты обѣщалъ для альманаха, въ которомъ я, по дружбѣ къ издателю и справедливому уваженію къ его уму, живое принимаю участіе: пора уже ему устроивать матеріалы, а твоихъ онъ ждетъ, какъ лучшаго украшенія всей книги. Пришли,

---

[5]) Актрисѣ Каратыгиной.

[6]) „Борисъ Годуновъ" въ это время еще не былъ и процензированъ. Постановка его на сцену состоялась лишь въ наши дни. Это показаніе любопытно, какъ доказательство увѣренности Пушкина въ томъ, что онъ будетъ возвращенъ изъ ссылки. П. Б.

[7]) Часъ пастуха, т. е. часъ любовника, такъ какъ въ мелодрамахъ Французскихъ не обходилось безъ пастуховъ и пастушекъ. П. Б.

коли можешь, и прикажи какъ заблагоразсудишь, показывать ли ихъ до времени или держать про себя: все будетъ исполнено. Ты спрашиваешъ, кто именно одобрялъ Олина? Хуже вышло: его перевода читали тогда два дѣйствія, первое и послѣднее; взбѣшенный на неудачу, онъ жаловался и выхлопоталъ прочтеніе остальныхъ трехъ; ихъ читали вчера послѣ его же «Корсара» (прозою изъ Байрона). По настоянію его, многіе судьи на этотъ разъ не приглашены, а новые, числомъ 15, пошли на голоса, и на вопросъ: одобрена или нѣтъ? онъ имѣлъ 9 шаровъ бѣлыхъ и 6 черныхъ. Лобановъ отличался въ пользу Олина, меня не было. Теперь вопросъ: что̀ будетъ дѣлать дирекція, и не одурачилась ли она? Мнѣ почти совѣстно говорить объ этихъ пустякахъ, когда важнѣйшее дѣло [8]) судится; но что̀ о немъ говорить? Надо молчать и ждать. Прощай, милый Александръ Сергѣевичъ, будь здоровъ, пиши и возвращайся. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Іюня 6-го 1826 г.

7.

Посылаю тебѣ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, множество стиховъ и пылко желаю, чтобъ ты остался ими доволенъ, какъ поэтъ и какъ пріятель. Во всякомъ случаѣ, прошу мнѣ сообщить свое мнѣніе просто и прямо, и признаюсь, что я даже болѣе радъ буду твоимъ критическимъ замѣчаніямъ, нежели общей похвалѣ. И повѣсть, и приписка дѣланы *вопервыхъ* для тебя, и да будетъ надъ ними твоя воля, то-есть ты можешь напечатать ихъ, когда и гдѣ угодно; я же ни съ кѣмъ изъ журналистовъ и альманахистовъ знакомства не вожу. Теперь только принужденъ былъ обратиться къ Погодину (не зная даже, какъ его зовутъ), чтобы чрезъ него отыскать тебя. Сдѣлай дружбу, извини меня предъ нимъ, s' il se formalise [9]); да во избѣжаніе подобнаго впредъ пришли мнѣ свой адресъ; мой же: Костромской губерніи, въ городъ Кологривъ. Я читалъ недавно третью часть «Онѣгина» и «Графа Нулина»: оба прелестны, хотя, безъ сомнѣнія, «Онѣгинъ» выше достоинствомъ. Какъ твой портретъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ хорошъ и похожъ: чудо! Что̀ ты теперь подѣлываешь? Вѣрно что нибудь веселѣе, чѣмъ я, который то и знаю, что долги плачу. Какая тоска! Къ слову о тоскѣ: ради Бога, поскучай и ты немножко, чтобъ меня и еще кое-кого одолжить;

[8]) Верховный уголовный судъ. Писано не за долго до казни декабристовъ.

[9]) Если онъ соблюдаетъ околичности.

я вѣдь тебя слишкомъ уважаю, чтобы считать въ числѣ безпечныхъ поэтовъ, которые кромѣ виршей ни о чемъ слушать не хотятъ. Нельзя ли тебѣ справится о нѣкомъ Аѳанасіѣ Петровичѣ Тютчевѣ, полковникѣ и командирѣ втораго учебнаго карабинернаго полка? Нельзя ли его лично, или черезъ другаго отыскать и допросить: получилъ ли онъ мое письмо и что̀ онъ долго не отвѣчаетъ? Совѣстно мнѣ отчасти затруднять тебя дѣломъ, которое до тебя не касается; но что̀ дѣлать? Неволя: теперь у меня въ Москвѣ ни души знакомой нѣтъ. Встрѣчаешься ли ты съ Шаховскимъ? Что̀ онъ дѣлаетъ? Каковъ тебѣ кажется его «Аристофанъ»? По мнѣ, въ немъ точно есть много вещей умныхъ и хорошихъ: но зачѣмъ нашъ князь пускается въ педантство? Право, совѣстно за него. Случилось ли тебѣ видѣть новое театральное учрежденіе? Оно достойно стоять рядомъ съ новымъ цензурнымъ уставомъ; кажется, нарочно для того сочинено, чтобы всѣхъ до послѣдняго отвадить отъ охоты писать для театра; за себя, по крайней мѣрѣ, я твердо ручаюсь. О варвары, полотёры придворные, враги всего Русскаго и всего хорошаго! Прощай, умница; да вспомни обо мнѣ: вѣдь непохвально такъ пріятелей забывать. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Исаево. Марта 27-го 1828 г.

8.

Какъ думаешь, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ: не лучше-ли вмѣсто отчета о полвѣкѣ Академіи, который бы приличнѣе старому служивому, написать мнѣ къ великому дню 21 Октября обзоръ Россійской словесности въ осмнадцатомъ столѣтіи? Онъ можетъ, кажется, выйти и для пишущаго, и для слушающихъ пріятнѣе. Хотѣлось бы посовѣтоваться съ тобой на счетъ источниковъ, пособій и проч. Нужно перемолвить. Не можешь ли завернуть ко мнѣ? Я буду до́ма, когда велишь. Во всякомъ случаѣ, надо быть въ засѣданіи Субботы на первой недѣлѣ поста, когда я, уже съ разрѣшенія старца Шишкова, прочту вслухъ извѣстное предложеніе; но еще прежде не худо потолковать. Не смотря на твои измѣны, весь твой

Павелъ Катенинъ.

Февр. 8-го.

9.

Посылаю къ тебѣ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, только что вышедшую изъ печати сказку мою; привезъ бы ее самъ, но слышалъ о несчастіи случившемся съ твоей женой [10]) и боюсь пріѣхать не

[10]) Неудачное разрѣшеніе отъ бремени. П. Б.

въ пору. Если, какъ я надѣюсь, бѣда, сколько можно, кончится добромъ, одолжи меня своимъ посѣщеніемъ въ Понедѣльникъ вечеромъ: во Вторникъ по утру я отправляюсь въ далекій путь, въ Грузію. Прощай покуда. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Суббота, Марта 10-го 1834.

10.

Sonnet... c'est un sonnet. Да, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ: я обновилъ 1835-й годъ сонетомъ, не милымъ какъ Оронтовъ, не во вкусѣ Петраркистовъ, а развѣ нѣсколько въ родѣ Казы; и какъ étrennes [11]) посылаю къ тебѣ съ просьбою, коли ты найдешь его хорошимъ, напечатать въ Библіотекѣ для Чтенія; а поелику мнѣ бѣдняку дарить богатаго Смирдина грѣхъ, то продай ему какъ можно дороже.

Что у васъ новаго, или лучше сказать у тебя собственно, ибо ты знаешь мое мнѣніе о свѣтилахъ, составляющихъ нашу поэтическую Плеяду: въ нихъ уважалъ Евдоръ одного Өеокрита; et ce n'est pas le baron Delwig, je vous en suis garant [12]). Съ пріѣзда моего въ сей край, я въ глаза не видалъ ни одной книги, кромѣ въ Москвѣ купленныхъ: Oeuvres de Paul Courrier, и послѣ смерти его напечатанныхъ десяти томовъ Гёте, въ коихъ, между нами, любопытнаго одно продолженіе Фауста, и то сумбуръ неизвиненный ничѣмъ геніальнымъ, ибо геній выжился изъ лѣтъ. Жаль очень, что я не успѣлъ видѣть тебя передъ отъѣздомъ, и потому не знаю, какова показалась тебѣ «Княжна Милуша», тогда только что вышедшая изъ печати; одолжи двумя словами на ея счетъ.

Не спрашивай, что я здѣсь дѣлаю; покуда rien qui vaille [13]). Лѣто провелъ въ лагерѣ на берегу Баксана, въ клѣткѣ между воспѣтыхъ мною горъ, а теперь нахожусь въ Ставрополѣ, тебѣ, я чаю, знакомомъ. Здравствуетъ ли Россійская Академія и нѣтъ ли тамъ новыхъ членовъ послѣ сенатора Баранова?

Прощай, соловей; пой и не забывай искренно почитающаго слугу.

Павелъ Катенинъ.

Ставрополь, Генваря 4-го 1835.

---

[11]) Подарокъ къ праздинку.

[12]) Это не баронъ Дельвигъ, ручаюсь.

[13]) Ничего, что бы стоило вниманія.

Сонетъ.

Кто принялъ въ грудь свою язвительныя стрѣлы
Неблагодарности, измѣны, клеветы,
Но не утратилъ самъ врожденной чистоты,
И образы боговъ сквозь пламя вынесъ цѣлы;

Кто те́рновымъ путемъ идя, въ трудѣ, какъ пчелы,
Сбираетъ воскъ и медъ, гдѣ встрѣтятся цвѣты:
Тому лишь шагъ, и онъ достигнулъ высоты,
Гдѣ добродѣтели положены предѣлы.

Какъ лебедь возстаетъ бѣлѣе изъ воды,
Какъ чище золото выходитъ изъ горнила:
Такъ честная душа—изъ опыта бѣды.

Гоненьемъ и борьбой въ ней только крѣпнетъ сила;
Чѣмъ гуще мракъ кругомъ, тѣмъ ярче блескъ звѣзды,
И чѣмъ прискорбнѣй жизнь, тѣмъ радостнѣй могила.

Катенинъ.

11.

Тебѣ подобные, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, все равно что цари и красавицы: забытые, недовольные ими, мы досадуемъ и ропщемъ, но имъ стоитъ захотѣть,

Et la moindre faveur d'un coup d'oeil caressant
Nous rengage de plus belle [14]).

Я дулся на тебя, долго оставаясь безъ отвѣта; получилъ его и разцвѣлъ. О безтолковой трусости цензуры имѣлъ я вѣсти отъ Каратыгина, пославъ къ нему для напечатанія двѣ басни. Одна изъ нихъ: *Предложеніе* нравилась мнѣ, но не пришлась по мѣркѣ Прокрустовой кровати, и я безжалостно рѣшился отрубить голову и ноги, чтобъ не схоронить заживо сердца. Не знаю, удовольствуются ли тѣмъ г. скопители, но прошу тебя не судить о ней по торсу, а полюбопытствовать и посмотрѣть въ цѣломъ: у Каратыгина достанешь. Чтожъ до Сонета, то я почти недоумѣваю, въ чемъ провинился; развѣ что не велятъ чертаться, и уже въ этомъ угодить не рѣшаюсь; mon vers subsiste [15]), и я считаю его однимъ изъ лучшихъ, именно по гумористической энергіи. За «Милушу» благодарю, хотя не вполнѣ согласенъ съ твоимъ мнѣ-

[14]) И малѣйшая благосклонность ласкающаго взгляда красавицы насъ вознаграждаетъ.
[15]) Стихъ мой остается все тотъ же.

ніемъ, яко бы оно мое лучшее твореніе; отцы не всегда такъ расположены къ дѣтямъ своимъ, какъ посторонніе, и коли къ слову пришлось, скажи-ка мнѣ: согласенъ ли ты со мной, что «Онѣгинъ» лучшее твое твореніе? Мнѣ очень хочется знать.

Коли ты написалъ что нибудь въ стихахъ недавно, оно мнѣ невѣдомо: послѣ сказки о мачихѣ съ зеркаломъ я ничего твоего не читалъ. Судя по твоимъ, увы! слишкомъ правдоподобнымъ словамъ, ты умрешь (дай Богъ тебѣ много лѣтъ здравствовать!) Веніаминомъ Русскихъ поэтовъ, юнѣйшимъ изъ сыновъ Израиля; а новое поколѣніе безъимянное: ибо имена, подобныя Кукольнику, sentent fort le Perrault [16]). Гдѣ ему до Шаховскаго? У того вездѣ кое-что хорошо. «Своя Семья» мила, въ *Аристофанѣ* цѣлая идея, и будь все какъ второй актъ, вышла бы въ своемъ родѣ хорошая комедія; князь не тщательный художникъ и не великій поэтъ, но вопреки Boileau,

Il est bien des degrés du médiocre au pire [17]).

спрѣчь до Кукольника. И какими стихами, съ тѣхъ поръ какъ они взбунтовались противу всѣхъ правилъ, они пишутъ! Французскіе романтики версификаціей щеголяютъ, блескомъ ея стараются, по крайней мѣрѣ, помрачить своихъ классиковъ, а наши по пословицѣ: «дуракамъ законъ не писанъ», валяютъ безъ риѳмы и цезуры, не тысячьми, а тьмами, не трагедіями, а десятками. Бѣда моя, что въ ихъ трагедіяхъ не вижу я ничего трагическаго; они какъ будто не подозрѣваютъ его существованія, толкуютъ о формахъ и чванятся, что откинули всѣ на что нибудь похожія; о душѣ, о живыхъ лицахъ, о пылкихъ страстяхъ, нѣтъ заботы ни въ писателяхъ, ни въ зрителяхъ; всѣ остаются довольны надутой галиматьей. «Годуновъ» Лобанова мнѣ извѣстенъ, и коли критики разбранили его, c' est méchanceté pure [18]). Чего имъ стоило похвалить? Пьеса осталась бы таже, а Михаилъ Евстафьевичъ не хворалъ бы огорченнымъ самолюбіемъ. Наше сложеніе крѣпче отъ того, что наше самолюбіе ядренѣе. Не пренебрегая похвалой общества, ни даже критикой, какъ она у насъ ни жалка, мы не совсѣмъ довольствуемся ею; хотимъ болѣе всѣхъ угодить себѣ, потомъ избраннымъ, наконецъ уже и прочимъ; встрѣчая невзначай Марлинскаго съ устрицами, либо Воейкова съ вишневымъ лбомъ [19]), пропускаемъ ихъ мимо, идемъ

---

[16]) Отзываются очень Перольтомъ. — Перольтъ Французскій писатель XVII вѣка, котораго осмѣиваетъ Буало.

[17]) Есть много степеней отъ посредственнаго до худаго.

[18]) Это прямая злоба.

[19]) Воейковъ ходилъ нѣкоторое время съ повязкою на лбу. Что такое Марлинскій съ устрицами, намъ неизвѣстно.

своей дорогой, довѣряемъ своему по совѣсти сужденію болѣе, нежели чужому, часто невѣжественному. Михаилъ Евстафьевичъ слишкомъ уменъ, чтобъ вѣрить себѣ, и когда другіе не хвалятъ, по справедливости приходитъ въ отчаяніе; мнѣ его очень жаль. Если непремѣнное секретарство [20]) можетъ залечить раны его, я сажаю его обѣими руками на сѣдалище Соколова, и безъ шутокъ предпочитаю двумъ соперникамъ: онъ нѣсколько пристойнѣе и болѣе литераторъ. Оставя его, скажи пожалуй, зачѣмъ ты не говоришь ни слова о своихъ занятіяхъ? Можетъ быть, полагаешь, что я безъ того знаю; но я не знаю ничего, ce qui s'appelle rien en vers ainsi qu'en prose [21]), и если не стыжусь сего невѣжества, ибо оно невольное, то смерть хочу просвѣтиться. У меня есть два стихотворенія, и я бы охотно тебѣ ихъ прочелъ, кабы мы были вмѣстѣ; одно изъ Аравійской исторіи, подъ названіемъ: *Гнѣздо голубки*, написано размѣромъ моей элегіи; другое припасено въ составъ кантаты: *Сафо*; это пѣсня гребцовъ, везущихъ ее въ Левкадъ, четырестопнымъ ямбомъ съ риѳмой, c' est du vieux grec vulgaire [22]). Всей кантаты здѣсь сложить не могу; хочется помѣстить стихи самой Сафы, а ни подлинника, ни словаря, ни точнаго перевода въ Ставрополѣ не достанешь. Напиши-ка ты кантату, разумѣется сыскавъ un sujet heureux [23]), какъ говорилъ Мазаринъ; лирическая идилія, по моему понятію, есть maximum чистой поэзіи. На послѣдній вопросъ твой, когда мы свидимся, какъ отвѣчать? Наша ли воля управляетъ нами? Нѣтъ, un je ne sais quoi [24]), что̀ всякій зоветъ по своему, и противъ чего мы, въ точномъ смыслѣ слова, безсильны. Теперь я и не предвижу, когда сближеніе мое со свѣтомъ бѣлымъ окажется вещью возможною; мнѣ кажется, что я навсегда удаленъ ото всѣхъ знакомыхъ, что возвратный путь къ нимъ закрытъ, и развѣ переписка, буде они не поскучаютъ ею, можетъ служить взаимнымъ напоминаніемъ, что земля насъ не поглотила. Но чѣмъ поручиться, что нечаянность не перемѣнитъ всего? Я столько разъ испыталъ невѣрность самыхъ основательныхъ предположеній, что становлюсь скептикъ и фаталистъ вкупѣ; сомнѣваюсь во всемъ, кромѣ непонятной силы, увлекающей всѣхъ и каждаго, вопреки собственному желанію, безразсудно, слѣпо и неодолимо. Savez-vous que voilà de la philosophie [25]); прошу простить ее ради скуки, съ которой я часто

---

[20]) Въ Россійской Академіи. П. Б.

[21]) Что̀ называется ничего, ни въ стихахъ, ни въ прозѣ.

[22]) Въ простонародномъ родѣ Грековъ.

[23]) Счастливый предметъ.

[24]) „Не знаю какъ".

[25]) Знаешь ли, что вотъ и философія.

вдвоемъ обрѣтаюсь и которую я почитаю за родительницу метафизики, qui l' engendre à son tour [26]). Будь умница, милый Александръ Сергѣевичъ, не забывай меня и пиши: тебѣ труда мало, а мнѣ радости много.

Прощай покуда. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Мая 16, 1835. Ставрополь.

12

Вотъ тебѣ еще сонетъ, милый Александръ Сергѣевичъ; мнѣ кажется онъ не хуже перваго, коли не... но повторяю: отцы дѣтямъ не судьи, а что̀ ты скажешь? Коли: bene [27]), то отдай его для тисненія у Александра Филипповича Смирдина-Македонскаго и сотвори съ симъ героемъ сдѣлку; въ счетъ оной да пришлетъ онъ мнѣ въ Ставрополь всю свою текущаго года *Библіотеку* и весь каталогъ со всѣми прибавленіями. Прикажи въ печатаніи разставить по чину руки и ноги, сирѣчь кватрены и терцеты; писавъ на лоскуткѣ, я все рядомъ черкнулъ: [28]) ты и такъ разберешь, но публика совсѣмъ другое дѣло. Что̀ ты творишь? А вось узнаю изъ толстыхъ томовъ Сенковскаго, или Брамбеуса, или Тютюджю-Оглу, car il est tout cela [29]). Я зябну; представь себѣ, что здѣсь на Югѣ лѣто холоднѣе сѣверныхъ: въ тулупѣ не согрѣешься, и надо печки топить. Занятіе же мое состоитъ въ старомъ, четыре съ половиною года тянущемся, уголовномъ дѣлѣ, которое мнѣ поручено кончить; это еще возможно, но то худо, что надобно назвать по имени. Un chat, un chat, et Rollet un fripon [30]), а тутъ котовъ цѣлая ватага, всѣ съ когтями и gare l'égratignure [31]). Потомъ отправляюсь я въ экспедицію, въ Черноморіе, на гг. Черкесовъ и что̀ тамъ будетъ, одному Богу вѣдомо. Видишь ли ты когда нибудь свою прежнюю обожательницу: Е. М. Х? Поклонись-ка ей отъ меня, коли не въ трудъ. Нѣтъ ли у тебя знакомаго грecолога, кто бы могъ en vile prose [32]) рабски переложить кропечныя два стихотворенія Сафы: Венерѣ и Heureux qui *etc*. Очень бы ты одолжилъ. Кантата засѣла въ головѣ и не можетъ вылѣзть за недостаткомъ книжныхъ пособій. Съ горя пишу сонеты. Къ слову, я перевелъ Оронтовъ, они у Каратыгина: взгляни и напиши, удалась ли

---

[26]) Которая ее производитъ въ свой чередъ.

[27]) Хорошо.

[28]) Нѣтъ, я переписалъ. *Примѣчаніе Катенина.*

[29]) Ибо онъ все это, — говорится о псевдонимахъ Сенковскаго.

[30]) „Кошка, кошка, „Ролле плутъ".—Откуда это, намъ неизвѣстно.

[31]) Того и гляди оцарапаютъ.

[32]) Пошлою прозою.

la Chûte [33]); коли нѣтъ, то и жалѣть не о чемъ. Надоѣдаю я тебѣ, но и это не великое въ жизни несчастіе, а коли ты за свою скуку заплатишь мнѣ удовольствіемъ, честь тебѣ и хвала. Прощай любезнѣйшій. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

1-го Іюня 1835. Ставрополь.

13.

Купивъ для похода тройку повозочныхъ лошадей съ хомутами, палатку съ приборомъ и другое кое-что, издержавъ па эти припасы около тысячи рублей, я все, по грѣхамъ моимъ, задержанъ неоконченнымъ дѣломъ, на меня наваленнымъ и не могу изъ скучнаго города Ставрополя отправиться хоть на Черкесскія сабли; со скуки, съ досады etc. пишу, и безъ мала мѣсяцъ тому назадъ отправилъ къ Каратыгину толстый пакетъ разныхъ стиховъ и прозы. Полюбопытствуй, милый Александръ Сергѣевичъ, взглянуть на все писаніе сіе и посовѣтуй что съ нимъ дѣлать? Ты всегда хвалилъ меня какъ критика, и мнѣ хочется знать, по мысли ли придется тебѣ, что тамъ есть и чему продолженіе (*О комедіи въ прозѣ*) также готово и при первомъ удобномъ случаѣ также пошлется. Если ты полагаешь, что оно годится въ печать, сирѣчь въ журналъ (ибо особо нельзя, пока не все готово), то я бы желалъ тиснуть, отчасти ради денегъ, въ коихъ мнѣ очень нужда. Того же ради, прошу безъ промедленія издать и прилагаемую при семъ басню, въ которой не вижу зацѣпъ для г-жи цензуры, развѣ что въ иныхъ случаяхъ правда борется со властью; но это старая аксіома, всего сильнѣе выраженная у набожнаго Паскаля въ Lettres Provinciales, и, кажется, сказанное имъ не ставится въ грѣхъ никому. Я своей баснью вообще доволенъ, но жду суда умнаго со стороны, для увѣренности, и прошу тебя мнѣ сказать; тогда я тебѣ скажу что думаю вообще о басняхъ. Кантата «Сафо» рисуется прелестно въ воображеніи, такъ и манитъ; но безъ топора не рубятъ дровъ, и я съ низкимъ поклономъ повторяю мое прошеніе о присылкѣ онаго, то есть немногихъ Греческихъ стиховъ въ оболочкѣ новѣйшей прозы, сколько можно vile et servile [34]). Почти совѣстно писать все о себѣ и все неважное, по крайней мѣрѣ для другаго, даже для пріятеля; но отселѣ не придумаю, что можетъ сообщиться прямо занимательнаго, а прошу, наоборотъ, такого изъ столицы, которая quoiqu' on dit [35]) всѣмъ всего лучше. Бѣда моя, что жду и не до-

[33]) Паденіе.
[34]) Пошлою и рабскою.
[35]) Что ни говорятъ.

ждусь; всѣ заняты своимъ и до povero Calpigi [36]) никому дѣла нѣтъ. Прощай, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, и коли басня тебѣ доставитъ хотя мигъ удовольствія, расплатись письмомъ. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Іюля 7-го 1853. Ставрополь.

14.

Какъ! Ты издаешь журналъ, а я знаю о томъ едва по слуху? Хорошо ли это, Александръ Сергѣевичъ? Не похвально.

A propos, tu ne m'écris guère
C'est mal à moi, qui t'aime tant [37]).

Я бы писалъ къ тебѣ съ утра до вечера, во всѣ дни живота, еслибъ была возможность писать о чемъ нибудь съ этого того свѣта, гдѣ я живу, коли живу. Одиночество Робинсона при мнѣ, правда; но онъ былъ царь въ своей пустынѣ, а я не имѣю и сей petite consolation [38]). Но обо мнѣ ровно нечего говорить, и о городѣ Ставрополѣ и о всей Кавказской области, Грузіи, etc. etc. etc. также нечего; а я хочу тебя слушать; ergo прошу писать, а покуда прочитать слѣдующій эпиграматическій rondeau.

Фантазія, златое сновидѣнье,
Услада чувствъ, разсудка обольщенье,
Цвѣтъ, радуга, блескъ, роскошь бытія:
Легка какъ пухъ, свѣтла какъ токъ ручья,
И Дѣвою любимое рожденье.
Но вотъ лежитъ тяжелое творенье,
Безъ риѳмъ и стопъ, нескладныхъ строкъ сплетенье,
И названа въ стихахъ галиматья
Фантазія.
Съ чего баронъ, намъ издающій чтенье,
Хвалилъ ее? Что̀ тутъ? „Своя Семья“?
Злой умыселъ? Насмѣшка? Заблужденье?
Вопросъ мудренъ, а просто разрѣшенье:
У всякаго барона есть своя
Фантазія.

Буде въ твоемъ *Современникѣ* сыщется мѣстечко для этой бездѣлки, выдай; но, разумѣется, безъ подписи, и не говори никому, чья

---

[36]) Бѣдный Кальпиджи.

[37]) Кстати: ты мнѣ вовсе не пишешь. Это дурно для меня, который тебя такъ любитъ.

[38]) Малаго утѣшенія.

она: это большая тайна, которой я ни за что кромѣ тебя другому не скажу. Не смѣю слишкомъ пенять, что ты забылъ меня; не ты одинъ: всѣ забыли, а что̀ всѣ дѣлаютъ, въ томъ и грѣха нѣтъ, по общему сужденію. Худа нѣтъ, положимъ; но вспомнить обо мнѣ и обрадовать было бы хорошо, и этого я жду отъ тебя, не какъ отъ всѣхъ. Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Апрѣля 12-го 1836.
Ставрополь.

Барона М. А. Корфа.

1.

Прибѣгаю къ тебѣ опять, любезный Александръ Сергѣевичъ, съ всепокорнѣйшею и всеубѣдительнѣйшею просьбою въ пользу того же человѣка, за котораго я однажды уже тебя просилъ. Н. М. Бакунинъ узналъ, что почтенный нашъ Смирдинъ намѣревается издавать журналъ на большую ногу, при которомъ ему, конечно, нельзя будетъ обойтись безъ переводчика. Семейственныя и хозяйственныя дѣла заставляютъ его искать себѣ труда, который могъ бы доставить ему вѣрный кусокъ хлѣба, а тебѣ уже по опыту извѣстно, что онъ, зная хорошо языки Французскій, Нѣмецкій, Англійскій и Итальянскій и владѣя свободно Русскимъ, можетъ быть хорошимъ переводчикомъ; въ дѣятельности же его и усердіи служитъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ то, что онъ безъ такого, посторонняго службѣ занятія, обойтись *не можетъ*. Твое слово для Смирдина, конечно, законъ; а произнеся это слово, ты обезпечишь нѣкоторымъ образомъ состояніе отца семейства, который, кромѣ дѣятельности и способовъ умственныхъ, почти vis-à-vis de rien [1]). Я не говорю, что ты этимъ истинно обяжешь и стараго товарища, ибо послѣ перваго мотива, этотъ уже едва ли что-нибудь значитъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего отвѣта и надѣюсь, по старой памяти твоего добраго сердца, что ты не откажешься быть меценатомъ моего бѣднаго друга.

Весь твой М. Корфъ.

(1833).

Поздравляю тебя съ новымъ произведеніемъ особеннаго рода, надъ которымъ да будетъ благословеніе Божіе.

---

[1]) Наканунѣ нищеты

2. [1])

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда служба не поглощала еще всего моего времени, мнѣ хотѣлось ближе изучить Русскую исторію, и это постепенно навело меня на мысль составить полный библіографическій каталогъ всѣхъ книгъ и пр., когда либо изданныхъ о Россіи, не въ одномъ уже историческомъ, но во *всѣхъ вообще* отношеніяхъ и на всѣхъ языкахъ: трудъ компилатора, но который въ то время приносилъ мнѣ неизъяснимое удовольствіе. Перебравъ всѣ возможные каталоги, перерывъ всѣ наши журналы, перечитавъ все что̀ я могъ достать о Россіи и воспользовавшись всѣми, сколько-нибудь *надежными* цитатами,—я собралъ огромный запасъ матеріаловъ, въ послѣдствіи, однакожъ, оставшихся безъ всякой дальнѣйшей обработки и частію даже растерянныхъ. Послѣдній нашъ разговоръ о великомъ твоемъ трудѣ припомнилъ мнѣ эту работу. Изъ разрозненныхъ ея остатковъ я собралъ все то, что̀ было у меня въ виду о Петрѣ В. и посылаю тебѣ, любезный Александръ Сергѣевичъ, ce que j'ai glané sur ce champ [2]), разумѣется безъ всякой другой претензіи, кромѣ той, чтобы пополнить твои матеріалы, если, впрочемъ, ты найдешь тутъ что-нибудь новое. Это одна голая, сухая библіографія, и легче было выписывать заглавія, чѣмъ находить самыя книги, которыхъ я и десятой части самъ не видалъ. Впрочемъ въ теперешней моей выборкѣ я ограничился рѣшительно одними *спеціальными* о Петрѣ В., его вѣкѣ и его людяхъ, не приводя никакихъ *общихъ* историческихъ курсовъ, и т. п. Въ этой выборкѣ нѣтъ ни системы, ни даже хронологическаго порядка: я выписывалъ заглавія книгъ такъ, какъ находилъ ихъ въ своихъ замѣткахъ и искренно радъ буду, если ты найдешь тутъ указаніе чего-нибудь, до сихъ поръ отъ тебя ускользнувшаго, а еще больше, если по этому указанію тебѣ можно будетъ найдти и достать самую книгу. Я охотно обратилъ на это нѣсколько часовъ свободнаго моего времени и прошу цѣнить мое приношеніе не по внутреннему его достоинству, а по цѣли.

Весь твой Модестъ.

13 Октября 1836.

Разумѣется, что указанія мои не идутъ дальше той эпохи, въ которую я ими занимался; все вышедшее послѣ того, при перемѣнѣ моихъ занятій, совершенно мнѣ чуждо, и изъ прежняго, какъ я уже сказалъ, многое пропало: это одни остатки.

---

[1]) Прекрасный отвѣтъ на это письмо, помѣченный 14-мъ Октября 1836 года, напечатанъ въ Р. Архивѣ 1872, стр. 198. Въ позднѣйшее время баронъ М. А. Корфъ составилъ подробную записку о Пушкинѣ, напечатанную въ „Берегѣ“ 1880 года.

[2]) Что я пожалъ на этой нивѣ.

А. Н. Раевскаго.

Письмо это удивитъ читателя, привыкшаго понимать Александра Раевскаго *демономъ* Пушкина, его искусителемъ, омрачавшимъ ему жизнь своими злобными внушеніями. Дѣйствительно, Раевскій любилъ, въ ту пору маниловщины и всяческихъ утопій, держать себя въ качествѣ отрицателя; но при умѣ необыкновенномъ онъ одаренъ былъ и горячимъ сердцемъ, о чемъ хорошо знали впрочемъ лишь немногіе близкіе ему люди. Стихотвореніе „Демонъ" написано про него, но въ тоже время оно было вымысломъ. Современники разсказываютъ, что къ Раевскому относится и стихотвореніе *Ангелъ*.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
На духа свѣтлаго взиралъ.

„Ангелъ нѣжный" былъ тоже лицомъ дѣйствительнымъ: обворожительная женщина, обыкновенно державшая къ низу свою прелестную головку, какъ она изображена на многихъ портретахъ.

Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ.

А. Н. Раевскій (правнукъ сестры князя Потемкина, Марьи Александровны Самойловой) родился въ 1795 году на Кавказѣ, въ Новогеоргіевской крѣпости. Служилъ онъ въ лейбъ-егерскомъ полку и потомъ во Франціи адъютантомъ графа Воронцова. Въ 1818 году на Кавказѣ онъ жилъ въ одной палаткѣ съ Ермоловымъ. По дѣлу декабристовъ онъ содержался двое сутокъ въ Петропавловской крѣпости; но какъ подозрѣнія на него не подтвердились, то Государь въ награду пожаловалъ его камергеромъ. Онъ поселился въ тридцатыхъ годахъ въ Москвѣ, гдѣ жилъ многіе годы отставнымъ полковникомъ. Скончался 22 Октября 1868 г. въ Ниццѣ, гдѣ и похороненъ. Что-то Потемкинское было въ этомъ правнукѣ Ломоносова. Въ біографіи Пушкина ему отведется большое мѣсто.

П. Б.

Vous avez eu grand tort, cher ami, de ne pas me donner votre adresse, de vous imaginer que je ne saurais vous retrouver au fin fond du gouvernement de Pskoff: vous m'auriez épargné du tems perdu en recherches et vous auriez reçu ma lettre plutôt. Vous craignez, dites-vous, de me compromettre par votre correspondance. Cette crainte est puérile sous bien des rapports, et puis il est des circonstances où l'on passe par-dessus ces considérations. Du reste que peut-il y avoir de compromettant dans notre correspondance? Je ne vous ai jamais parlé politique; vous savez que je n'ai pas grand respect pour celle des poëtes, et si

j'ai un reproche à vous faire, c'est celui de ne pas assez respecter la religion. Notez bien cèla, car ce n'est pas la première fois que je vous le dis.

C'est un besoin réel pour moi que de vous écrire. On ne passe pas impunément tant de tems ensemble: sans faire entrer en ligne de compte toutes les bonnes raisons que j'ai pour vous porter une amitié véritable, l'habitude seule suffirait pour former un lien durable entre nous. Maintenant que nous sommes si loin l'un de l'autre, je ne mettrai plus aucune restriction dans l'expression des sentiments que je vous porte; sachez donc qu'outre votre beau et grand talent, je vous ai voué depuis longtems une amitié fraternelle et qu'aucune circonstance ne m'en fera départir. Si après cette première lettre vous ne me répondez pas et vous ne me donnez pas votre adresse, je continuerai à vous écrire, à vous importuner jusqu'à ce que je vous force à me répondre, à passer par-dessus de petites appréhensions que l'innocence seule de notre correspondance doit faire évanouir.

Je ne vous parlerai pas de votre malheur, je vous dirai seulement que je ne désespère nullement de votre situation présente: elle s'améliorera, je n'en doute pas. La seule chose que je craigne pour vous c'est l'ennui du moment; aussi n'ai-je pris la plume que pour chercher à vous amuser, à vous distraire, à vous parler du tems passé, de notre existence d'Odessa qui n'était pas brillante, il est vrai, mais que le souvenir et le regret doivent nécessairement embellir à vos yeux.

Минувшей жизнію повѣю *).

Riznitch a pris les rênes du gouvernement de théâtre: les actrices n'obéissent plus qu'à sa voix. Quel dommage que vous n'y soyez plus. Zavalievsky continue à faire le bonheur de ses amis et connaissances; maintenant il a une nouvelle prétention: c'est celle de littérateur. Il a fait le voyage de la côte méridionale de la Crimée à cheval, le „Mérite des femmes“ à la main, se récriant à chaque pas tantôt sur les beautés de la poésie, tantôt sur celles de la nature, le tout en mauvais français, à la portée de la belle compatriote seulement et de votre *carricature*, qui parfois même trouvait du mauvais goût dans son enthousiasme. Il a fini par tomber de cheval au milieu de ses réveries poétiques.

---

*) Измѣненный стихъ Жуковскаго.

Je remets à une autre lettre le plaisir de vous parler des faits et gestes de nos belles compatriotes; présentement je vous parlerai de Tatiana. Elle a pris une vive part à votre malheur; elle me charge de vous le dire, c'est de son aveu que je vous l'écris. Son âme douce et bonne n'a vu dans le moment que l'injustice dont vous étiez la victime; elle me l'a exprimé avec la sensibilité et la grâce du caractère de Tatiana. La charmante fille même se rappelle de vous, elle me parle souvent du fol m-r Pouchkin et de la canne à tête de chien que vous lui avez donnée. J'attends tous les jours une petite image avec les deux premiers vers que vous avez faits pour elle.

Mon cher ami, de grâce ne vous laissez point aller au découragement, prenez garde qu'il n'affaiblisse vos belles facultés, prenez soin de vous-même, ayez patience: votre situation s'améliorera. On reconnaîtra l'injustice de la rigueur dont on use envers vous. C'est un devoir envers vous-même, envers les autres, envers votre pays que de ne vous laisser abattre. N'oubliez pas que vous êtes l'ornement de notre littérature naissante et que les traverses momentanées dont vous êtes victime ne peuvent porter atteinte à votre gloire littéraire. Je sais que votre premier exil a fait du bien à votre caractère, que vous n'êtes plus aussi étourdi, inconsidéré. Continuez de même et de plus respecter la religion, et je ne doute nullement que dans un court et peu de tems vous ne soyez tiré de votre maudit village. Adieu. Votre ami A. Raïevsky.

21 Août 1824. Alexandrie, près Biela-Tserkow.
Mon adresse est toujours à Kief.

Переводъ.

Ты напрасно не сообщилъ мнѣ своего адреса, любезный другъ, и напрасно вообразилъ себѣ, что я не съумѣю отыскать тебя въ глуши Псковской губерніи: и времени я не потерялъ бы, разыскивая, гдѣ ты, и ты бы получилъ мое письмо раньше. Ты опасался поставить меня въ неловкое положеніе своимъ письмомъ, говоришь ты. Во многихъ отношеніяхъ это опасеніе ребяческое. Къ тому же бываютъ случаи, когда подобныя соображенія не принимаются въ разсчетъ. Сказать и то: что̀ можетъ быть въ нашей перепискѣ такого, что̀ ставитъ въ неловкое положеніе? Я никогда не имѣлъ съ тобой политическихъ разговоровъ; ты знаешь, что я не питаю особеннаго уваженія къ политикѣ гг. поэтовъ, и единственный упрекъ, какой я могъ бы тебѣ сдѣлать, это, что ты не относишься къ религіи съ достаточнымъ уваженіемъ. Прими это къ

свѣдѣнію, ибо я не въ первый разъ тебѣ говорю объ этомъ. Писать къ тебѣ —моя насущная потребность. Нельзя безслѣдно прожить вмѣстѣ такъ долго и не принять въ разсчетъ всѣхъ побудительныхъ причинъ, какія у меня есть, чтобъ быть твоимъ искреннимъ другомъ: одной уже привычки достаточно, чтобы создать между нами прочную связь. А теперь, когда мы такъ далеко другъ отъ друга, я не буду болѣе воздерживаться въ выраженіи моихъ чувствъ къ тебѣ. Вѣдай же, что, независимо отъ твоего прекраснаго и великаго таланта, я давно поклялся въ братской къ тебѣ дружбѣ, и что ничто не въ силахъ заставить меня измѣнить этому обѣту. Если послѣ этого перваго письма ты мнѣ не пришлешь своего адреса, я буду продолжать писать къ тебѣ и надоѣдать тебѣ до тѣхъ поръ, пока не вызову твоего отвѣта и не заставлю тебя отбросить всяческія мелочныя опасенія, которымъ нѣтъ мѣста въ виду полной невинности нашей переписки.

О несчастіи твоемъ я не скажу ни слова; развѣ только, что настоящее твое положеніе, по моему, вовсе не отчаянное, и оно несомнѣнно улучшится. Одного я за тебя боюсь: это скуки; и за перо-то я взялся съ тѣмъ, чтобъ тебя поразвлечь, поболтать съ тобой о прошломъ, о нашемъ Одесскомъ житьѣ-бытьѣ, правда не особенно блестящемъ, но, сквозь дымку воспоминаній и сожалѣній, оно не можетъ не казаться тебѣ краше.

Минувшей жизнію повѣю.

Ризничъ опять принялъ бразды театральнаго правленія: актрисы ему одному повинуются. Какая жалость, что тебя больше нѣтъ тамъ! Завальевскій [2]) продолжаетъ потѣшать своихъ друзей и знакомыхъ. У него теперь новое притязаніе: быть литераторомъ Онъ объѣздилъ верхомъ южный берегъ Крыма съ книжкой о „Достоинствѣ женщинъ“ въ рукахъ, восторгаясь на каждомъ шагу то красотами поэзіи, то красотами природы, на плохомъ Французскомъ языкѣ, доступномъ лишь „прелестной землячкѣ“ и твоей *каррикатурѣ*, которая подъ часъ находила, что восторги его выходятъ за предѣлы изящнаго вкуса. Въ концѣ концовъ онъ свалился съ лошади среди поэтическихъ мечтаній.

Отлагаю до другаго письма удовольствіе разсказать тебѣ дѣянія нашихъ прекрасныхъ землячекъ; теперь же поговорю о „Татьянѣ“. Она приняла живое участіе въ твоей бѣдѣ и поручаетъ мнѣ передать тебѣ объ этомъ. Пишу съ ея вѣдома и согласія: тихая и добрая душа ея сознаетъ лишь несправедливость, которая тяготѣетъ надъ тобою, и она выразила мнѣ все это съ чувствомъ и граціей, свойственной характеру „Татьяны“. Даже ея прелестная дочка

---

[2]) Чиновникъ при графѣ Воронцовѣ. П. Б.

вспоминаетъ о тебѣ и часто мнѣ говоритъ о „полоумномъ Пушкинѣ“ и о трости съ собачьимъ рыльцемъ, что ты ей подарилъ. Я каждый день поджидаю образка съ двумя первыми стихами, которые ты для нея написалъ.

Любезный другъ, прошу тебя, не поддавайся унынію; берегись, чтобъ оно не разслабило твоихъ прекрасныхъ дарованій; пощади себя, будь терпѣливъ; твое положеніе улучшится; признáютъ же наконецъ всю несправедливость чрезмѣрной противъ тебя строгости. Ради себя самого, ради другихъ, ради твоего собственнаго прошедшаго, ты не долженъ падать духомъ. Не забывай, что ты краса нашей нарождающейся словесности, и что минутныя невзгоды, которыхъ ты жертвою, не могутъ затемнить твоей литературной славы.— Твоя первая ссылка, я это знаю, принесла пользу твоему характеру. Я знаю, что ты теперь далеко не такъ вѣтренъ и необдуманъ, какъ бывало. Продолжай идти тою же дорогой и въ добавокъ уважай религію; а затѣмъ я ни мало не сомнѣваюсь, что тебя скоро вытащатъ изъ твоей проклятой деревни.

Прощай. Твой другъ А. Раевскій.

21 Августа 1824 года.
Александрія, близъ Бѣлой Церкви. Мой адресъ по прежнему въ Кіевъ.

Н. Н. Раевскаго - сына.

Дружба съ Николаемъ Николаевичемъ Раевскимъ (младшимъ сыномъ славнаго генерала) началась у Пушкина еще въ Лицеѣ, откуда онъ попадалъ иногда на пирушки стоявшихъ въ Царскомъ Селѣ лейбъ-гусаровъ, которыхъ сдѣлался вскорѣ любимцемъ. Съ 1816 года Н. Н. Раевскій служилъ тоже въ лейбъ-гусарахъ. Онъ родился въ Москвѣ въ 1801 году, слѣд. на два года былъ моложе Пушкина. Благодаря его настояніямъ, Пушкина отпустили, лѣтомъ 1820 года, изъ Екатеринославля на Кавказскія минеральныя воды. Позднѣе Раевскій служилъ эскадроннымъ командиромъ Ольвіопольскаго уланскаго полка. Въ Персидскую войну онъ участвовалъ въ Елисаветпольскомъ дѣлѣ, а потомъ, получивъ знаменитый Нижегородскій полкъ (послѣ Шабельскаго) дѣйствовалъ подъ Ахалцыхомъ и Карсомъ. Преслѣдованія военнаго министра Чернышева и ссора съ Паскевичемъ удалили его на время изъ службы. Съ 1839 года онъ командовалъ Черноморскою береговою линіею. Скончался въ 1843 г., въ своемъ имѣніи, Новохоперскаго уѣзда. Былъ человѣкъ изъ ряду вонъ по храбрости, даровитости, любезности и образованію. П. Б.

J'ai appris avec beaucoup de peine, mon cher Pouchkin, votre départ pour les terres de votre père. Ainsi donc je n'aurai plus la perspective de vous voir de sitôt. Quant à votre changement de destination, je n'en augure pas trop de mal: j'espère que c'est un pas vers la fin de votre exil. J'espère aussi que votre proximité de Pétersbourg vous mettra

à même de voir souvent votre famille et vos amis—ce qui diminuera de beaucoup les ennuis de votre séjour à la campagne.

J'ai été longtems sans vous écrire, car j'ai fait une grande maladie, dont je ne suis pas encore parfaitement rétabli. Continuez de m'écrire et faites le longuement et souvent. Ne craignez pas de me compromettre: ma liaison avec vous date de bien avant votre malheureuse histoire; elle est indépendante des événements qui sont survenus et que les erreurs de notre première jeunesse ont amenés. J'ai un conseil à vous donner soyez prudent. Non pas que je craigne leur retour, mais je crains toujours quelque action imprudente qu'on pourrait interprêter dans ce sens, et malheureusement les antécedens donnent prise sur vous. Si je ne vois pas de changement à votre situation, comme je tiens beaucoup à vous voir, je vous promets de venir chez vous avant un an. Si votre situation change, il faut que vous vous engagiez à venir me voir pour le même terme.

Adieu, mon cher ami. Conservez moi l'amitié que vous m'avez témoigné. Qu'elle soit indépendante de l'éloignement où nous vivons et du tems qu'elle pourra durer. Adieu! Je suis fatigué de vous écrire: je n'ai pas la tête à moi. Mon adresse est la même: à Kieff, au nom de mon père. Envoyez-moi la vôtre.

N. Raiëvsky.

Переводъ. Съ большимъ огорченіемъ узналъ я, милый мой Пушкинъ, о твоемъ отправленіи въ деревню къ твоему отцу. И такъ я буду лишенъ надежды въ скоромъ времени увидѣть тебя. Чтò касается до перемѣны твоего мѣстожительства, я не предвижу тутъ особенной бѣды: мнѣ сдается, что это шагъ къ прекращенію твоего изгнанничества. Надѣюсь также, что близость къ Петербургу дастъ тебѣ возможность часто видаться съ твоею семьею и твоими друзьями, чѣмъ облегчится значительно скука деревенской жизни.—Я долго не писалъ къ тебѣ, потому что былъ тяжко боленъ и теперь еще не совсѣмъ выздоровѣлъ. Пиши ко мнѣ по прежнему, по больше и по чаще. Не бойся поставить меня въ неловкое положеніе: моя дружба съ тобой завязалась гораздо раньше несчастной твоей исторіи; она независима отъ того, чтò случилось и чтò вызвано заблужденіями нашей ранней молодости. Совѣтую тебѣ: будь благоразуменъ. Не то чтò бы я опасался новыхъ невзгодъ, но меня все еще страшитъ какой нибудь неосторожный поступокъ, который можетъ быть истолкованъ въ дурную сторону; а по несчастію, твое прошедшее даетъ къ тому поводъ. Мнѣ очень хочется тебя увидѣть, и если твое положеніе не перемѣнится, я обѣщаюсь пріѣхать къ тебѣ раньше года; а если съ тобою

послѣдуетъ перемѣна, то ты дай мнѣ слово навѣстить меня тоже раньше года. Прощай, милый другъ. Сохрани мнѣ твою дружбу. Пусть на нее не дѣйствуютъ ни даль разстоянія, ни продолжительность нашей разлуки. Прощай, я усталъ писать; голова у меня еще не свѣжа. Мой адресъ тотъ же: Кіевъ, на имя моего отца. Пришли мнѣ свой.

Н. Раевскій.

Н. А. Алексѣева [1].

1.

Во время, когда я думалъ писать къ тебѣ посторонними путями, любезный Пушкинъ, черезъ посредство Крупенской, которая бралась доставить письмо къ сестрѣ своей Пещуровой, узнаю, что ты въ Москвѣ. Радость овладѣла мной до такой степени, что я не въ состояніи изъяснить тебѣ и предоставляю судить тебѣ самому, если разлука не уменьшила довѣренности твоей къ моей дружбѣ. Съ какою завистью воображаю я Московскихъ моихъ знакомыхъ, имѣющихъ случай часто тебя видѣть; съ какимъ удовольствіемъ хотѣлъ бы я быть на ихъ мѣстѣ и съ какою гордостью сказалъ бы имъ: мы нѣкогда жили вмѣстѣ, часто одно думали, одно дѣлали и почти одно любили, иногда ссорились, но разстались друзьями, или по крайней мѣрѣ я такъ льстилъ себѣ. Какъ бы желалъ я позавтракать съ тобой въ одной изъ Московскихъ ресторацієвъ и за стаканомъ Бургонскаго пройти трехъ-лѣтнюю Кишиневскую жизнь, весьма занимательную для насъ разными происшествіями. Я имѣлъ многихъ пріятелей, но въ обществѣ съ тобою я себя лучше чувствовалъ, и мы, кажется, оба понимали другъ друга. Не смотря на названія: *лукаваго соперника* и *черного друга*, я могу сказать, что мы были друзья-соперники и жили пріятно!

Теперь сцена Кишиневская опустѣла, и я остался одинъ на мѣстѣ, чтобъ, какъ очевидный свидѣтель всего былаго, могъ со временемъ передать потомству и мысли, и дѣла наши. Все перемѣнилось здѣсь со времени нашей разлуки: *Сандулаки* вышла замужъ, *Соловкина* умерла, *Пулхерія* состарилась и въ бѣдности, *Калипсо* въ чахоткѣ; одна *Еврейка* осталась на своемъ мѣстѣ. Но *прежнихъ дней ужъ не дождусь: ихъ нѣтъ какъ нѣтъ!* Какъ часто по осушеннымъ берегамъ Быка хожу я *грустный* и *туманный* и проч., вспоминая милаго то-

---

[1]) Подробности о Николаѣ Степановичѣ Алексѣевѣ см. въ статьѣ нашей „Пушкинъ въ Южной Россіи“ и въ дополненіи къ ней И. П. Липранди. (Р. Архивъ 1866, стр. 1223). П. Б.

варища, который умѣлъ вмѣстѣ и сердить, и смѣшить меня. Самая madame *Вольфъ* сильно дѣйствуетъ на мое расположеніе, и если ты еще не забылъ этотъ предметъ, то легко поймешь меня.....!

Мѣсто Катакази занялъ *Тимковскій;* ты его вѣрно знаешь; онъ одинъ своимъ умомъ и любезностью услаждаетъ скуку. Ты, можетъ быть, захочешь узнать, почему я живу здѣсь такъ долго; но я ничего тебѣ сказать не въ состояніи: какая-то тягостная лѣнь душею овладѣла! Счастіе по службѣ ко мнѣ было постоянно: за всѣ порученія, мною выполненныя съ усердіемъ, *** наградилъ меня благодарностью и нѣсколько разъ пожатіемъ руки; чины же и кресты зависѣли отъ окружающихъ, коихъ нужно было просить, а я сохранилъ свою гордость и не подвинулся ни на шагъ. Теперь онъ отправился въ Англію, но я ожидаю способовъ возвратиться въ Москву бѣлокаменную и соединиться съ друзьями; но:

„Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!"

Между тѣмъ я увѣренъ, что ты меня вспомнишь: удостоенный нѣкогда цѣлаго посланія отъ тебя, я вправѣ надѣяться получить нѣсколько строкъ, а также, если можно, и чего-нибудь новаго изъ твоего произведенія. Я имѣлъ первую часть *Онѣгина*, но ее кто-то зачиталъ у меня; о второй слышалъ и жажду ее прочесть. Если вздумаешь писать ко мнѣ, то подписывай прямо въ Кишиневъ, а всего лучше пошли въ домъ Киселевыхъ, кои ко мнѣ доставятъ и такимъ образомъ будутъ нашимъ почтамтомъ.

Я часто говорю о тебѣ съ Яковомъ Сабуровымъ, который вмѣстѣ со мною въ комисіи по дѣламъ Варѳоломея; онъ тебя очень любитъ и помнитъ. Липранди тебѣ кланяется, живетъ по прежнему здѣсь довольно открыто и, какъ другой Каліостро, Богъ знаетъ, откуда беретъ деньги. Прости, съ нетерпѣніемъ ожидаю удостовѣренія, что въ твоей памяти живетъ еще Алексѣевъ.

30-е Октября (1826).

2.

Если мое письмо доставило тебѣ удовольствіе, любезный Пушкинъ, то суди, въ какое восхищеніе привело меня твое: я, въ скучной, однообразной жизни, не могъ забыть тебя; всякій шагъ, всякое мѣсто напоминали мнѣ веселыя прогулки, занимательные разговоры, дружеское соперничество и незлобное предательство. Ты, въ шумѣ обѣихъ столицъ, сохранилъ меня въ своей памяти и тѣмъ оправдалъ мое мнѣніе о добротѣ своего сердца и благодарныхъ чувствахъ. Хвала тебѣ!

Ты искалъ меня глазами въ театрахъ и клубахъ; но если встрѣчу нашу предполагаешь ты въ Москвѣ или Петербургѣ, то я заранѣе предсказываю тебѣ вѣчную разлуку и скажу твоими словами, что *вреденъ Сѣверъ для меня;* только въ семъ случаѣ я постояннѣе тебя. И что мнѣ тамъ дѣлать? Родные меня забыли, друзья отвыкли, женщины не любили или обманывали, морозъ 30 градусовъ.

Какая честь и что за наслажденье!

Искать ли мнѣ тамъ новыхъ впечатлѣній? Но я устарѣлъ и ослабѣлъ чувствами, отвыкъ отъ большаго свѣта, притворныхъ разговоровъ, а главное отъ шляпы и бѣлаго галстука. И такъ, любезный другъ, оставь меня въ скучной, но теплой Бессарабіи; не тревожь моей дремоты; здѣсь есть уголокъ, гдѣ мнѣ не дурно; а много ли человѣку надобно? Ты меня помнишь, мои желанія всегда были ограничены: одно любящее сердце и нѣкоторое спокойствіе для ревниваго моего права; вотъ все, что Алексѣевъ просилъ у немилосердой судьбы!

Перейдемъ къ описанію другаго рода, которое въ твоемъ вкусѣ и вѣрно полюбится. На сихъ дняхъ вечеромъ у Вакера *Варламъ* вызвалъ въ сѣни *Сушкова* и потомъ на улицу, упрекалъ его въ какихъ-то двусмысленныхъ словахъ на счетъ его сказанныхъ и позволилъ себѣ возвысить голосъ. С. просилъ его утихнуть, увѣрялъ, что ничего не имѣлъ противъ него и предлагалъ всякое благородное удовлетвореніе; но Валахъ не внималъ гласу благоразумія, и дѣло дошло до Калмыцкаго балета. Разумѣется, что С. вызвалъ его. Липранди былъ его секундантомъ. Варламъ долго никого не находилъ и наконецъ, по усиліямъ весьма упорнымъ, убѣдили меня. Назначили свиданіе у Дюпона въ саду, условились во всемъ и, казалось, дѣло въ шляпѣ; но ни гвардейскій мундиръ, ни званіе адъютанта графа Воронцова не могли передѣлать врожденныхъ чувствъ: полиція, комендантъ и отрядъ жандармовъ были извѣщены еще съ утра; весь кортежъ прибылъ къ саду, сопровождаемый родственниками и людьми Варлама, въ минуту когда мы едва начали заряжать пистолеты. Осторожность съ нашей стороны требовала удалиться. Я взбѣсился, наговорилъ весьма много Варл. и предложилъ С.....у драться. Онъ сдѣлалъ промахъ, я выстрѣлилъ на воздухъ, не имѣя ничего противъ сего послѣдняго, кромѣ пріязни и уваженія къ благороднымъ правиламъ. Намъ запретили повторить выстрѣлы, и мы удалились съ презрѣніемъ къ подлецу, но неудовлетворенные. Черезъ четыре дни графъ Паленъ [2]) присылаетъ эстафетъ съ

---

[2]) Новороссійскій генералъ-губернаторъ въ отсутствіе графа Воронцова. П. Б.

предложенiемъ въ самыхъ лестныхъ выраженiяхъ: Сушкову отправиться на слѣдствiе въ Измаилъ, а мнѣ—въ Хотинъ. Но Сабанѣевъ поступилъ съ меньшей деликатностью: онъ просто написалъ къ коменданту, чтобъ выслалъ Варл. въ Тирасполь. Я третiй день въ Хотинѣ, въ хорошемъ обществѣ свитскихъ старыхъ моихъ знакомыхъ, ожидаю послѣдствiй и, можетъ быть, на нѣкоторое время заточенiя, потому что Сушковъ, не видя возможности удовлетворить себя, написалъ письмо къ Государю, объясняя всѣ подробности. Я утѣшаю себя только мыслiю, что въ поступкѣ моемъ хотя и есть противузаконное, но ничего постыднаго [3]).

Я читалъ четыре книги «Московскаго Вѣстника» и признаюсь тебѣ съ прежней откровенностью, что одинъ только стихъ мнѣ полюбился: «*Все возьму, сказалъ булатъ*». Но я намѣренъ объяснить тебѣ давнишнее мое неудовольствiе на цензуру и на издателей за твое посланiе ко мнѣ: литера *А* не показываетъ еще Алексѣева, а выкинутые лучшiе стихи испортили всю пiесу. Именемъ всего прошу тебя исправь эту ошибку; мое самолюбивое желанiе было, чтобъ чрезъ нѣсколько лѣтъ сказали: Пушкинъ былъ прiятель Алексѣева, который, не равняясь съ нимъ ни въ славѣ, ни въ познанiяхъ, превосходилъ всѣхъ чувствами привязанности къ нему. Прости.

20-е Марта (1827). Кр. Хотинъ.

3.

И письмо твое, любезный Пушкинъ, и твое милое воспоминанiе, все оживило закатившуюся мою молодость и обратило меня къ временамъ протекшимъ, въ кои такъ *сладко текла наша жизнь и утекала*. Если она необильна была блескомъ и пышностiю, то разными происшествiями можетъ украсить нѣсколько страницъ нашего романа!

Ты перемѣняешь свое положенiе. Поздравляю тебя! Не вхожу въ разсчеты, заставляющiе тебя откинуть безпечную холостую жизнь; желаю тебѣ только счастiя и съ перемѣною жизни неизмѣнныхъ чувствъ къ своимъ друзьямъ. Судьба можетъ еще соединить насъ и, можетъ быть, весьма скоро: тогда я потребую отъ тебя прежняго расположенiя и искренности, и за чашей, въ края коей вольется полная бутылка, мы учинимъ взаимную исповѣдь во всѣхъ нашихъ дѣйствiяхъ и помышленiяхъ.

---

[3]) Сколько намъ извѣстно, поединокъ позднѣе возобновился. П. Б.

Ты, спрашивая меня о Кишиневѣ, вѣроятно забылъ, что уже третій годъ я нахожусь въ Валахіи; но если ты никѣмъ не извѣщенъ о всемъ, что произошло въ Бессарабіи, то я могу тебѣ дать краткій отчетъ.

M-me Стамо и *Еврейка* овдовѣли и наконецъ свободны отъ мужей. Дѣла отца *Пулхеріи*, порученныя мнѣ лордомъ Мидасомъ, я успѣлъ поправить въ его пользу, и она теперь могла бы обворожить Горчакова болѣе, нежели въ тѣ времена, когда онъ ей жертвовалъ жизнію, откинувъ страхъ быть твоимъ соперникомъ. *Инзовъ* поселился въ Болградѣ настоящимъ Бюфономъ и Бонетомъ, разводить сады, кормить птицъ, дѣлаетъ добро, и безъ него все управленіе идетъ своимъ порядкомъ или безпорядкомъ. *Худобашевъ* въ отставкѣ и живетъ въ Кишиневѣ для украшенія города. *Липранди*, съ грѣхомъ пополамъ прослуживъ Турецкую кампанію, проѣвъ и пропивъ кучу денегъ въ обоихъ княжествахъ, наконецъ женился въ Букарестѣ и по чувствамъ (какъ увѣряетъ). По вызову начальства онъ долженъ былъ отправиться въ Тульчинъ, оставя жену въ одномъ маленькомъ городкѣ ожидать его возращенія и, какъ кажется, ей можно прочесть стихъ Детуша:

Attendez-moi sous l'orme etc [1]).

Съ весной мы ожидаемъ окончанія нашего управленія въ княжествахъ, и потому направленіе мое будетъ прямо къ вамъ, друзья мои; приготовьте мнѣ тепленькую комнатку и ваканцію въ Англійскомъ клобѣ. Но прежде нежели сбудется мое желаніе, я прошу тебя, старый другъ, пришли мнѣ *Годунова*, *Онѣгина* и еще кое-что читательное для души моей. Я прежде имѣлъ отъ тебя подобные сюрпризы, а теперь они еще будутъ имѣть двойную цѣну, потому что я почти начинаю забывать по-русски. Ты можешь все, мною требуемое, передать Киселеву, который, зная мою къ тебѣ привязанность и жадность къ твоимъ произведеніямъ, поспѣшитъ ко мнѣ отправить. Прости.

Алексѣевъ.

14-е Генваря (1831), Букарестъ.

4.

Пользуясь отправленіемъ своего человѣка въ С.-Петербургъ, я позволилъ себѣ написать къ тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Пушкинъ, не съ тѣмъ, чтобъ доставить тебѣ ими удовольствіе, но въ доказательство, какъ мнѣ пріятно вездѣ и всегда о тебѣ помнить.

---

[1]) Жди меня подъ придорожнымъ деревомъ и пр.

Въ скоромъ времени я обѣщаю тебѣ сообщить нѣкоторую часть моихъ Записокъ, то-есть эпоху Кишиневской жизни. Онѣ сами по себѣ ничтожны, но, съ присоединеніемъ къ твоимъ, могутъ представить нѣчто занимательное, потому что волею или неволей, но наши имена не разъ должны столкнуться на пути жизни.

Въ заключеніе напомню тебѣ о обѣщанномъ экземплярѣ *Пугачева* съ твоей подписью, которая не разъ уже украшала полученныя мною отъ тебя книги.

Прости и вѣрь чувствамъ преданнаго тебѣ Николая Алексѣева.

23 Генваря (1835).

Гнѣдича.

Любезный Пушкинъ! Сердце мое полно, а я одинъ: прими его изліяніе. Не знаю, кѣмъ написаны во 2-мъ померѣ Литературной Газеты нѣсколько строкъ объ Иліадѣ; но едва ли цѣлое похвальное слово, въ величину съ Плиніево Траяну, такъ бы тронуло меня, какъ эти *нѣсколько строкъ!* Едва ли мнѣ въ жизни случится читать что либо о моемъ трудѣ, что̀ было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно и сладко! Это лучше царскихъ награжденій. Обнимаю тебя.

Не ѣшь ли ты сегодня у Андріе пирога съ бобомъ?

Твой Н. Гнѣдичъ.

(1830).

Едва ли нужно прибавлять, что статья, умилившая Гнѣдича, принадлежала Пушкину. *П. Б.*

ЗАМѢТКИ НА НОВОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

(спб. 1880 г., томы I-й и II-й).

Съ большимъ интересомъ прочитывалъ я вышедшее въ свѣтъ новое изданіе сочиненій нашего великаго поэта, редактированное почтеннымъ библіографомъ Ефремовымъ. Пора намъ, наконецъ, имѣть возможно полное изданіе писателя, которому недавно воздана была подобающая честь отъ всей Россіи. Весьма желательно, чтобы г. Ефремову, въ его кропотливомъ и трудномъ дѣлѣ, была оказываема помощь тѣми лицами, которыя имѣютъ что либо сообщить относительно произведеній нашего поэта или его личности. Будучи самъ великимъ поклонникомъ Пушкина и съ давняго времени, съ выхода въ свѣтъ Анненковскаго изданія его сочиненій (1855) собирая и записывая на своемъ экземплярѣ, все что находилъ у г. Анненкова пропущеннымъ или неправильнымъ, все изданное у насъ послѣ Анненкова, попадавшееся въ рукописи или напечатанное за границей, я составилъ себѣ, такъ сказать, собственное, т. е. исправленное Анненковское изданіе Пушкина. Сличая теперь свои записи съ изданіемъ г. Ефремова и убѣждаясь въ его превосходствѣ передъ предыдущимъ изданіемъ г-на Геннади, считаю обязанностію указать теперь все, что замѣчено мною въ изданіи неполнаго или пропущеннаго, лучшія разнорѣчія и все, просмотрѣнное г. Ефремовымъ, частію неизбѣжно, при этомъ кропотливомъ дѣлѣ. Если мои замѣтки и не особенно важны: то, во всякомъ случаѣ, въ такомъ дѣлѣ, какъ собраніе всего, что написано Пушкинымъ, и очищеніе его текста отъ всякой посторонней примѣси, они будутъ пригодны.

Прослѣдимъ теперь за произведеніями перваго тома, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, какъ они расположены г. Ефремовымъ.

Въ Лицейскихъ стихотвореніяхъ 1814 г. „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“ и 1815 г. „Отъ всенощной, вечоръ, идя домой“, не слѣдовало бы, какъ уже было замѣчено въ печати, вставлять свои слова, вовсе не принадлежащія Пушкину: „разсыпался бъ у...“ и „вездѣ“, вмѣсто словъ поэта, неудобныхъ для печати. Не лучше ли въ такомъ случаѣ дѣлать такъ: поставить

просто точки, или ограничиться только начальною буквою слова, какъ дѣлаютъ часто въ печати и какъ сдѣлалъ самъ г. Ефремовъ въ стихотвор. 1817 г. „Къ Олениной“, поставивъ: М-ъ, М-а. Догадливый читатель самъ по одной буквѣ часто можетъ смекнуть, что̀ это за слово, — и дѣло въ шляпѣ. Въ заглавіи можно было бы, въ этомъ стихотвореніи, не выставлять: „Аннѣ Алексѣевнѣ Олениной“, такъ какъ не къ ней положительно относится это стихотвореніе, съ чѣмъ согласенъ и г. Ефремовъ. Въ послѣдней строфѣ этихъ стиховъ:

Забудетъ о своемъ крестѣ...

можно бы поставить болѣе точно: Христѣ, вм. крестѣ.

Въ 8-мъ куплетѣ стиховъ 1815 г. „Вишня“ третій стихъ можетъ быть возстановленъ, какъ и сдѣлалъ Н. Гербель (Русскій Арх. 1876 г., кн. 3):

Корсетомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
Подъ фартукомъ скрыта
Приманка людей.

Окончательные же куплеты этой пьесы, находящіеся въ заграничныхъ изданіяхъ Пушкина, не могутъ быть публикованы у насъ, по своей слишкомъ наивно-юношеской эротичности.

Въ стихотв. 1816 г. „Желаніе“ (Христосъ воскресъ, питомецъ Феба), посланіе къ В. Л. Пушкину, не достаетъ окончанія, въ 19 стиховъ; хотя оно извѣстно было всѣмъ издателямъ Пушкина, но считается ими за отдѣльное стихотвореніе. У Анненкова оно помѣщено въ VII томѣ, стр. 106 и отнесено къ 1830 г. Также неправильно приписывалась эта пьеса у другихъ издателей къ 1821 г. Привожу здѣсь эти полные энергіи стихи молодаго поэта, находящіеся въ полномъ соотвѣтствіи съ напечатаннымъ у Ефремова началомъ:

О Муза пламенной Сатиры,
Приди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ
И не поэтамъ мирныхъ дамъ [1])
Готовлю язву эпиграммъ.
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята подлецы,
Впередъ всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда!

---

[1]) По другому списку: „не безотвѣтнымъ риѳмачамъ“

А если же кого забуду—
Прошу напомнить, господа.
О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!

Стихи 9-й и 10-й этого окончанія въ одномъ заграничномъ изданіи стоятъ въ лучшей редакціи, чѣмъ приведенная Анненковымъ:

Миръ вамъ, несчастные поэты!
Миръ вамъ, смиренные глупцы

Въ извѣстномъ посланіи Пушкина 1818 г. „Къ Алексѣю Ѳед. Орлову". (О ты, который сочеталъ) не надо было помѣщать не-Пушкинскаго слова „князей" въ одномъ стихѣ, который самимъ же г. Ефремовымъ, въ новомъ изданіи этой пьесы по подлинной рукописи (Русская Старина, 1880 г., Іюль), напечатанъ правильно:

Преподаешь царей науку...

Въ другомъ столь же извѣстномъ посланіи Пушкина, того же года, „Къ Петру Яковл. Чаадаеву", напечатанному теперь г. Ефремовымъ почти совсѣмъ вполнѣ (предпослѣдній стихъ не можетъ быть публикованъ), слѣдуетъ однако помѣстить слѣдующіе два стиха, встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ спискахъ этого посланія, послѣ стиха: „Отчизны внемлемъ призыванье":

Питай, мой другъ, священный жаръ,—
И искра дѣлаетъ пожаръ....

и также любопытные и болѣе выразительные варіанты слѣдующихъ стиховъ:

Какъ сонъ (вм. дымъ), какъ утренній туманъ...
Минуты тайнаго (вм. сладкаго) свиданья..
Звѣзда желаемаго счастья...
(вм. Заря плѣнительнаго счастья

Слѣдующее за этимъ стихотвореніе, того же года, подъ заглавіемъ: „Элегія" (О ты, которая изъ дѣтства) есть лишь отрывокъ, по словамъ г. Ефремова, изъ обширнаго посланія, извѣстнаго ему въ рукописи, въ которомъ напечатанные стихи (при томъ выписанные съ пропусками) составляютъ только эпизодическое обращеніе „къ свободѣ". Въ „посланіи" этомъ, неудобномъ къ печати, есть много прекрасныхъ стиховъ, какъ напр. обращеніе къ отечеству съ указаніемъ на мнимыхъ сыновъ его:

Въ нихъ слезъ нѣтъ для твоихъ печалей
Нѣтъ пѣсенъ для твоихъ побѣдъ.

Мнѣ никогда не попадалось въ руки это стихотвореніе, и жаль, что г. Ефремовъ ничего больше изъ него не напечаталъ.

Подъ тѣмъ же 1818 г. помѣщены извѣстныя по рукописямъ и заграничнымъ изданіямъ эпиграммы на историка Карамзина и тогдашняго министра духовн. дѣлъ и просвѣщенія, князя А. Н. Голицына. Къ первой изъ двухъ эпиграммъ на Карамзина слѣдовало бы привести два извѣстныхъ, еще болѣе выразительныхъ, варіанта:

На плаху древность волоча,
Онъ доказалъ намъ, безъ пристрастья,
Необходимость палача
И справедливость самовластья.

*

На плаху старину влача,
Онъ Русскимъ доказалъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость палача
И нѣжность (вар. прелесть) самовластья.

Изъ двухъ эпиграммъ на князя Голицына, первая лишена двухъ послѣднихъ стиховъ:

Не попробовать ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

и варіанта къ третьему стиху:

Просвѣщенія гонитель (вм. губитель)...

Вторая эпиграмма напечатана безъ первыхъ трехъ стиховъ. Вотъ полный ея текстъ, съ поправкою измѣненнаго у г. Ефремова третьяго стиха:

Полу-фанатикъ, полу-плутъ,
Ему орудіемъ духовнымъ:
Проклятье, мечъ, и крестъ, и кнутъ.
Пошли намъ, Господи, грѣховнымъ
(Вм. Пошли намъ, Боже, недостойнымъ)
Поменьше пастырей такихъ—
Полу-благихъ, полу-святыхъ.

Надо замѣтить, что эта эпиграмма въ нѣкоторыхъ заграничныхъ изданіяхъ относится и къ извѣстному тогдашняго времени архимандриту Фотію и, дѣйствительно, весьма пригодна и для него. Въ тѣхъ же изданіяхъ встрѣчается и слѣдующая третья эпиграмма на князя Голицына, болѣе позднѣйшаго времени, приписываемая также Пушкину:

Онъ добрый малый, братъ сестрицамъ,
Онъ не былъ золъ ни для кого....
Скажите правду, князь Голицынъ:
Ужъ не повѣсить ли его?

Намекъ, можетъ быть, на образъ дѣйствій князя Голицына въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ 1826 года.

Изъ извѣстной рукописной пьесы, того же 1818 г. „Сказки Noël“, напечатана только послѣдняя четвертая строка (первыя три неудобны для печати). Слѣдовало въ примѣчаніи помѣстить замѣтку г. Анненкова о значеніи этой сатиры. „Пѣсенка Noël“—пародія рождественскихъ поздравительныхъ пѣсенокъ средневѣковой Европы, написана была въ осмѣяніе слуховъ о скоромъ даровавніи имперіи новыхъ установленій, слуховъ, распространившихся въ публикѣ послѣ рѣчи, произнесенной императоромъ при открытіи перваго сейма въ Варшавѣ (1818 г.)“ „Его (Пушкина) оды, эпиграммы, посланія, особенно извѣстная пѣсенка Noël, сильно распространенная въ оппозиціонныхъ кругахъ обѣихъ столицъ, слушались съ одобреніемъ и такими людьми, которые нисколько не сочувствовали ихъ духу, и, конечно, при случаѣ не задумались бы показать автору самымъ ощутительнымъ образомъ, какъ далеко они расходятся съ его образомъ мыслей. Памфлеты Пушкина видимо составляли тогда для всѣхъ нѣчто въ родѣ запрещенной поэтической игры, за которой слѣдить позволялось только до извѣстнаго предѣла. Пушкину, однакожъ, казалась дѣятельность эта и важной, и почетной. Соблазнительными, но остроумными произведеніями, отчасти эротической, а отчасти революціонной своей Музы, онъ устроивалъ себѣ какое-то особенное положеніе, создавалъ изъ себя какое-то подобіе силы, правда, ничтожной до крайности, ребячески безпомощной и легко устранимой при первомъ движеніи противниковъ, но все же такой, мимо которой нельзя было долго проходить безъ вниманія.“ (Пушкинъ въ Александровскую эпоху. Спб. 1874, стр. 83—84).

Веселая и забавная шутка Пушкина, того же года: „Ты и я“ (Ты богатъ, я очень бѣденъ) лишена послѣдняго стиха третьяго куплета:

Нужный долгъ отдать природѣ....

и слѣдующихъ варіантовъ:

Не имѣя въ вѣкъ заботъ...
(вм. Ты не знаешь вѣкъ заботъ)
Ѣшь ты сладко, всякій день
Тянешь вины на свободѣ....

Подъ тѣмъ же годомъ (1818 г.), въ послѣднемъ примѣчаніи, стр. 538, г. Ефремовъ приводитъ изъ „Записокъ“ Н. И. Лорера (Русск. Арх. 1874, № 9) слѣдующее стихотвореніе Пушкина, продекламированное генер. Хомутовымъ однажды за обѣдомъ въ 1841 году.

Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши? Мальчикъ, лей!

Теперь не кстати воздержанье;
Какъ дикій Скиѳъ, хочу я пить,
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

Г. Ефремовъ считаетъ эти стихи особой пьесой Пушкина, но это есть только окончаніе извѣстнаго стихотворенія его, подъ заглавіемъ „Горацій“ (Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ). Это подражаніе одной изъ Гораціевыхъ одъ (книга II, ода VII, Ad Pompejum) написано въ 1835 г. и напечатано было впервыя въ Сынѣ Отечества 1840 г., т. 22 и въ 9 дополн. томѣ посмертнаго изданія 1841 г., и въ томъ же году декламировано генер. Хомутовымъ.

Между стихотвореніями 1819 г., выпущено по необходимости по одному слову въ посланіяхъ „Вас. Вас. Энгельгардту“ (Я ускользнулъ отъ Эскулапа) и „Къ Ѳ. Ф. Юрьеву“ (Здорово, Юрьевъ именинникъ).

Въ другомъ стихотвореніи того же года „Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны“ необходимо помѣстить прекрасные варіанты слѣдующихъ стиховъ:

И идоламъ молвы народной...
(вм. И силѣ, въ гордости свободной)
Правдивой Музою моей....
(вм. Стыдливой Музою моей).
Небесной благости свидѣтель....
(вм. Небеснаго земной свидѣтель)
И горделивая свобода...
(вм. Любовь и тайная свобода)

Въ виду важнаго значенія стихотворенія того же года „Деревня“ (Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ), въ которомъ выражено смѣлое указаніе на тягость крѣпостнаго права и которое встрѣтило себѣ всеобщее сочувствіе (самъ императоръ Александръ I на представленное ему кн. Васильчиковымъ, черезъ Чаадаева, это стихотвореніе, сказалъ князю: Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent. Вѣсти. Европы 1871, № 7), необходимо помѣстить и всѣ его варіанты; г. же Ефремовъ не приводитъ ни одного:

Безумные пиры, забавы, заблужденья..
(вм. Роскошные пиры и пр.)
Роптанье презирать толпы непросвѣщенной....
(вм. Роптанью не внимать толпы, и проч.)
Слышнѣе вашъ отважный гласъ...
(вм. отрадный гласъ).
Вездѣ невѣжества убійственный позоръ...
(вм. губительный позоръ)

Въ 1820 г. написаны были Пушкинымъ, извѣстныя по рукописямъ: „Ода на свободу“, иначе „Вольность“, начинающаяся стихами:

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица! *)

и эпиграммы на страшнаго въ тогдашнее время Аракчеева, которыя, главнымъ образомъ, и были причиною ссылки Пушкина 5 Мая 1820 г. Знаменитая ода состоитъ изъ 12 строфъ, изъ которыхъ г. Ефремовъ могъ помѣстить только одну 7-ю строфу (о смерти Людовика). Ода эта извѣстна была въ свое время всѣмъ, въ многочисленныхъ спискахъ, и написана Пушкинымъ съ сильнѣйшимъ одушевленіемъ. Пушкинъ вспоминаетъ о ней позднѣе въ небольшомъ восьмистишіи „Къ графинѣ Кочубей", напечатанномъ въ первый разъ въ альманахѣ Молодикъ 1844 г., стр. 7, изд. И. Бецкаго, и перепечатанномъ въ изд. Анненкова, т. VII, стр. 95—96, съ примѣчаніемъ, что пьеса набросана при посылкѣ стихотворенія (т. е. оды: Вольность):

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ....

---

*) Нѣтъ сомнѣнія, что эта „Ода", съ разительнымъ описаніемъ ночи 12 Марта была главнѣйшимъ поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга. Она написана у Н. И. Тургенева, жившаго съ братомъ своимъ Александромъ, въ тогдашнемъ домѣ почтоваго вѣдомства (нынѣ министра императорскаго двора, окнами на Фонтанку и Инженерную Академію). То, что тогда казалось страшнымъ вольнодумствомъ, нынѣ говорится открыто.

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій.
Повсюду рабства грозный геній
И къ славѣ роковая страсть.

Пушкинъ говоритъ, что тамъ лишь „неслышимо людей стенанье",

Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ
Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ
И преступленье съ высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.

Какъ слышны тутъ отзвуки бесѣдъ Пушкина съ Н. И. Тургеневымъ, ученикомъ и другомъ народолюбца барона Штейна. П. Б.

Изъ двухъ эпиграммъ Пушкина „На Аракчеева“ напечатаны у г. Ефремова только отрывки. Весь текстъ первой слѣдующій:

Всей Россіи притѣснитель,
Губернаторовъ *) мучитель,
И Совѣта онъ учитель,
А царю—онъ другъ и братъ.
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести....
Кто жъ онъ? „Преданный безъ лести“
.... грошевой солдатъ.
(вар. Просто фрунтовой солдатъ).

Аракчеевъ, какъ извѣстно, взялъ своимъ девизомъ слова: „Безъ лести преданъ“. Ко второй эпиграммѣ (всю ее невозможно здѣсь помѣстить) существуетъ варіантъ:

Достойный славы Герострата....
(вм. Ты стоишь лавровъ Герострата).

Едва ли не главный преслѣдователь Пушкина былъ именно Аракчеевъ. Онъ продолжалъ указывать императору на зловреднаго сочинителя Пушкина и послѣ уже ссылки его. Приведу здѣсь, какъ одно изъ доказательствъ, слѣдующее мѣсто изъ письма Аракчеева къ импер. Александру I отъ 28 Октября 1820 г., ясно рисующее тогдашніе наши порядки: „....Слава Богу, въ военныхъ поселеніяхъ вездѣ благополучно, тихо и смирно, и сего 31 числа вступаютъ въ округи поселенія дѣйствующіе баталіоны полка моего имени; но только, батюшка, нападаетъ вашъ министръ духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ. Я къ нему по волѣ вашего велич. сдѣлалъ отношеніе, въ копіи у сего прилагаемое; а какой отъ него получилъ отвѣтъ, то оный въ оригиналѣ также при семъ прилагаю. Я уже привыкъ къ его расположенію, то и могу оное переносить; но мнѣ кажется неловко, что онъ изволитъ нападать на старика митрополита, дабы и его заставить быть непріятелемъ военнаго поселенія. Уставъ, имъ упоминаемый, ничто иное, какъ молитвы, напечатанныя въ типографіи военной, единственно для священниковъ военнаго поселенія, въ 1-й гренадерской дивизіи находящихся, дабы они, переписывая, не сдѣлали ошибокъ, котораго одинъ экземпляръ у сего прилагаю. Я признаю самъ себя виноватымъ, что послалъ къ нему печатные, а не письменный; но можно ли въ нашихъ званіяхъ и мѣстахъ другъ къ другу придираться и дѣлать подобныя непріятности, дабы видѣли служащіе въ канцеляріяхъ, тѣмъ болѣе, когда его сіятельству видно было, что на все сіе была высочайшая ваша воля? Цензурѣ довольно дѣла смотрѣть за сочинителями. Извѣстнаго вамъ

*) Намекъ на Н. Н. Сумарокова, Новогородскаго губернатора, котораго преслѣдовалъ Аракчеевъ. См. Воспоминанія Н. Н. Шеппга въ третьей книгѣ Р. Архива 1880. П. Б.

Пушкина стихи печатаются въ журналахъ, съ означеніемъ изъ Кавказа, видно для того, чтобы извѣстить объ немъ подобныхъ его сотоварищей и друзей. На вѣкъ чистымъ сердцемъ и душою, преданный в. и. величества вѣрноподданный". (Исторія царств. Импер. Александра I и Россіи въ его время, *М. Богдановича*, Томъ VI, Прилож., стр. 101).

Здѣсь я долженъ указать, говоря объ этой порѣ стихотворныхъ воспѣваній вольности (Хочу воспѣть я вольность міру, говоритъ онъ въ первой строфѣ „Оды на свободу"), пропускъ сдѣланный г. Ефремовымъ опубликованнаго уже одного стихотворенія и одного отрывка на эту тему, которые приписываются Пушкину и по складу стиха, конечно, ему принадлежатъ. Эти пьесы сообщены были А. Н. Петровымъ въ Русской Старинѣ 1871 г. (Декабрь) въ интересной его замѣткѣ: „Скобелевъ и Пушкинъ". Стихотвореніе: „Мысль о свободѣ", говоритъ г. Петровъ, разошлось въ значительномъ количествѣ списковъ. Вотъ его начало:

Взойдетъ ли, наконецъ, друзья,
Среди небесъ роднаго края
Давно желанная заря—
Заря свободы золотая?

и т. д. всего 41 строка *). Воспѣвъ геройское освобожденіе Швейцарцевъ, разбившихъ огромныя полчища Карла Смѣлаго при Маргартенѣ, тотъ же поэтъ въ другомъ стихотвореніи, также въ то время распространенномъ въ рукописи, выражаетъ своему молодому другу пылкую любовь „къ возвышенной свободѣ".

Посланіе къ другу.

Что̀ значатъ эти увѣщанья?
Мой другъ, что̀ значитъ голосъ твой?
Онъ возбудилъ въ груди младой
Нѣмой порывъ негодованья.
Ты мыслишь, что разлуки годы
Во мнѣ убили прежній духъ?
Что въ сердцѣ молодомъ потухъ
Сей жаръ возвышенной свободы?—
Нѣтъ, другъ мой! Я всегда питалъ
Сіи прекрасныя желанья,
И сей огонь не угасалъ
Ни въ наслажденьи, ни въ страданьи,
И гордый духъ мой презиралъ
Слѣпую власть очарованья.

---

*) Напечатаны только эти четыре стиха. П. Б.

Во мнѣ святыя чувства живы,
Тѣ чувства къ роднпѣ любви,
И часто въ пламенной груди *)
Твой другъ гордится чувствомъ симъ.
Въ странѣ . . . .
Къ толпѣ льстецовъ, къ рабамъ слѣпымъ
Бросаетъ гордый взглядъ презрѣнья.
Я не склонялъ главы младой
Передъ вельможею надменнымъ,
Не ползъ презрительной стезей
Къ рабамъ—рабами окруженнымъ.
Мой другъ! Я молодъ, но видалъ,
Какъ льстецъ, эмблема униженья,
Съ восторгомъ рабскаго забвенья,
Любимцевъ ц . . . . . . слѣдъ лобзалъ,
И гордый духъ мой замиралъ
Въ порывахъ гнѣвнаго волненья!

„Въ отвѣтъ на эти стихотворенія (продолжаетъ г. Петровъ) были написаны „возраженія", также ходившія въ рукописи по рукамъ. Одно изъ нихъ „Мысль Россіянина о свободѣ" есть произведеніе Николая Цыбульскаго. Другое, подъ названіемъ „Мысль Русскаго солдата о свободѣ" — неизвѣстнаго автора. Первое изъ „возраженій" состоитъ изъ 200 стиховъ, второе изъ 130. Г. Петровъ приводитъ изъ перваго 20 стиховъ, съ начала:

Не ты ль во цвѣтѣ раннихъ лѣтъ,
Презрѣвъ обычай нашъ и нравы,
Клятвопреступный далъ обѣтъ,
Изгнать желанье прочной славы?
Не ты ль свободу громко звалъ,
Прельстясь игрою заблужденій?
Куда завелъ тебя твой Геній?
На чемъ ты счастье основалъ?
Себя ль ты хочешь имъ ласкать?
Уронъ его невозвратимой!
Сей вольности неукротимой
На то ль рѣшился бъ ты искать,
Чтобъ ею гордо забавляться,
Среди бунтующихъ страстей,
И въ торжествѣ другихъ являться,
Какъ ненаказанный злодѣй?
На что сей вольности желать
И быть врагомъ законной власти?
На то ль, чтобъ вѣчно трепетать
И ожидать одной напасти? и т. д.

---

*) Эти два стиха, по моему мнѣнію, должны быть таковы:

Тѣ чувства—къ роднпѣ любви.
И часто въ пламенной крови

Изъ втораго, еще болѣе откровеннаго, „возраженія" Русскаго солдата, г. Петровъ даетъ 24 стиха:

Демократія—безумный что за бредъ?
Какихъ желаешь ты родному краю бѣдъ?
Къ покою нашему вездѣ начальство есть,
И каждый каждому являетъ должну честь.
Чинъ чина почитаетъ,
И благо свое въ томъ солдатъ и гражданинъ смекаетъ.
Какое жъ въ вольности добро?
Кто смѣетъ увѣрять,
Чтобъ въ безначаліи ребро
Не могъ я потерять,
Иль черепъ своротить
Не смѣлъ самъ у другаго?
Кто бъ вздумалъ утвердить,
Что званія простого
Бурлакъ и трубочистъ,
Министръ и копіистъ,
Равны въ толпѣ народной,
Гдѣ могутъ всѣ кричать,
Гдѣ разумъ каждаго свободный
Законы можетъ предлагать,
Гдѣ регистраторъ нашъ пьянчужка,
Полуфранцузъ гдѣ куралеситъ
И на вѣсахъ своихъ все вѣситъ?
Нѣтъ, нѣтъ, дурная тутъ игрушка! и т. д.

Интересъ приведенныхъ пьесъ нашего поэта и „возраженій" на нихъ понятенъ для читателя; поэтому нельзя не пожалѣть, что г. Петровъ не сообщилъ извѣстнаго ему перваго стихотворенія Пушкина и ограничился только отрывками изъ „возраженій". Г-нъ Петровъ занимается въ своей замѣткѣ болѣе рапортами славнаго ветерана, И. Н. Скобелева, военнаго генералъ-полицмейстера 1-й арміи. Но и эти рапорты весьма любопытны. Первый представленный имъ главнокомандующему 1-й арміей, рапортъ отъ 3 Октября 1822 г., высказываетъ въ кудреватой, но искренней и сильной формѣ, опасенія по поводу такъ называемаго бунта Семеновскаго полка. „Послѣдствія, пишетъ ветеранъ, обнаружили истину, но не истребили до конца опасенія, поддержанныя сколько буйствомъ людей, ни на что не годныхъ и въ единомъ безпорядкѣ благо свое видящихъ, а не менѣе и нечестивыми журналами, вносящими дерзкую и чуждую намъ клятвопреступную возможность къ пренію ничтожнаго подданнаго съ высочайшею властію избраннаго помазанника Всесильнаго Бога!" и такъ далѣе. Славному ветерану пришлось сильно поплатиться за свое слово, попавшее въ разрѣзъ съ господствовавшимъ мнѣніемъ. Онъ впалъ въ немилость, лишился занимаемаго имъ поста, что отозвалось на его здоровьѣ, а главное нанесло сильный нравственный ударъ. Въ другомъ письмѣ его къ главнокомандующему отъ 17 Января 1824 г., изъ Москвы,

по поводу ходившаго въ то время въ рукописи стихотв. „Мысль о свободѣ", Скобелевъ прямо указываетъ на Пушкина: „Несчастіе (мое) не потушило пламеннаго желанія быть полезнымъ благодѣтелю-царю, то и рѣшился я доложить вашему пр—ву: не лучше ли было оному Пушкину, который изрядныя дарованія свои употребилъ въ явное зло, запретить издавать развратныя стихотворенія? Не соблазнъ ли они для людей, къ воспитанію коихъ пріобрѣтено спасительное попеченіе?" и проч. „Я не имѣю у себя стиховъ сказаннаго вертопраха, которые повсюду ходятъ подъ именемъ „Мысль о свободѣ". Но, судя по возраженіямъ, ко мнѣ дошедшимъ (также повсюду читающимся), они должны быть весьма дерзки; послѣднія осмѣливаюсь представить". Но Скобелевъ не находилъ сообщенныхъ имъ по начальству „возраженій" достаточно сильными, а потому въ томъ же рапортѣ сдѣлалъ отъ себя слѣдующее предложеніе: „Если бы сочинитель вредныхъ пасквилей (Пушкинъ) немедленно, въ награду, лишился нѣсколько клочковъ шкуры—было бы лучше. На что снисхожденіе къ человѣку, надъ коимъ общій голосъ благомыслящихъ гражданъ дѣлаетъ строгій приговоръ? Одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы; но сколько же напротивъ водворится вреда неумѣстною къ негодяямъ нѣжностью и проч.? Необходимо оговорить (замѣчаетъ редакція Русской Старины въ концѣ сообщенія г. Петрова), что грубость и жестокость, какія являетъ въ Скобелевѣ приведенный документъ, вовсе не были присущи характеру этого типическаго представителя своего времени. Въ немъ складывались дурныя и необыкновенно хорошія черты самымъ оригинальнымъ образомъ. Скобелевъ, рекомендующій содрать „нѣсколько клочковъ шкуры" съ Пушкина, вовсе не тотъ, какимъ знаетъ его Петербургское общество въ должности коменданта Петропавловской крѣпости.... Скобелевъ проявилъ замѣчательную человѣчность въ обращеніи съ узниками, и доселѣ ходитъ много разсказовъ о его самоотверженномъ за нихъ заступничествѣ (см. Русск. Стар. 1871 г., т. 1, стр. 673).

На вопросъ, когда же написаны приведенныя выше пьесы Пушкина, можно только сказать: во время ссылки, въ періодъ его Кишиневской жизни, 1821—1823 гг.

Между стихотв. 1821 г. помѣщено долго извѣстное у насъ только въ рукописи стихотвореніе (до 1876 г., когда было напечатано Н. Гербелемъ въ Русск. Арх. 1876 г., № 10): „Кинжалъ" (Лемносскій богъ тебя сковалъ), Интересныя разнорѣчія пьесы, не упоминаемыя г. Ефремовымъ, слѣдующія:

Кинжалъ, ты кровь излилъ—и мертвъ объемлетъ онъ...
(вм. Ты Кесаря сразилъ—и мертвъ, и проч.)
Перстомъ онъ (Маратъ) жертвы назначалъ....
(ошибочно напечатано: жертву)
Свободы мученикъ, избранникъ молодой...
(вм. О, юный праведникъ, избранникъ роковой)
Остался блескъ въ казненномъ прахѣ...
(вм. Остался гласъ и пр.)

Пропущенныя строфы въ другомъ извѣстномъ стихотв. 1821 г. „Наполеонъ“ (Чудесный жребій совершился) тоже явились только въ послѣднее время (въ 1857 и 58 гг.). Есть варіанты этой оды и въ 10 строфѣ важные, не упоминаемые г. Ефремовымъ.

Извѣстное по рукописямъ и заграничнымъ изданіямъ стихот. того же года, напечатанное у насъ только въ 1858 г. „Десятая заповѣдь“ (Добра чужаго не желать) имѣетъ также важные варіанты, возстановляющіе настоящій текстъ Пушкина въ этомъ превосходномъ стихотвореніи:

Не лестна мнѣ ихъ благостыня...
(вм. Не лестна мнѣ вся благостыня).
Завидно мнѣ блаженство друга...
(вм. тяжелаго стиха: Мнѣ зависть ко блаженству друга).

Послѣдній стихъ долженъ быть такимъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ общей мысли всей пьесы:

Молчу... и въ тайнѣ уповаю.....
(вм. во всѣхъ изданіяхъ напечатаннаго:
Молчу... и въ тайнѣ я страдаю)

Въ стихотвореніи того же года „Изъ письма къ барону А. А. Дельвигу“ (Другъ Дельвигъ, мой Парнасскій братъ) послѣдніе два стиха неточны по сознанію самаго г. Ефремова.

Въ извѣстномъ превосходномъ, новомъ посланіи „Къ П. Я. Чаадаеву“ (Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ) слѣдовало бы помѣстить слѣдующіе варіанты:

Въ минуту гибели надъ бездной разъяренной...
(вм. . . . . . . надъ бездной потаенной)
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ...
(вм. Посмотримъ, перечтемъ и пр.)

Въ шуточномъ эротическомъ стихотвореніи, того же года, „Еврейкѣ“ (Христосъ воскресъ, моя Ревекка) выпущенъ третій отъ конца стихъ, напечатанный во всѣхъ заграничныхъ изданіяхъ. Безъ него же вся соль пьесы дѣлается совершенно непонятной для читателя. Вотъ этотъ стихъ, съ варіантомъ:

И то въ залогъ тебѣ вручить...
(вар. И вмѣстѣ то тебѣ вручить)

Второй стихъ этой пьесы имѣетъ лучшій варіантъ, чѣмъ напечатанный у Ефремова:

Сегодня, слѣдуя домой...:
(вм. и нынѣ слѣдуя и пр.)

Къ 1821 г. относится еще изданное уже послѣ выхода изданія г. Ефремова (Историч. Вѣстникъ 1880 г. Сентябрь, стр. 198—199), слѣдующее шутливое посланіе Пушкина, найденное въ бумагахъ покойнаго П. А. Каратыгина и сообщенное его сыномъ П. П. Каратыгинымъ.

26 Іюня 1821 Г. Кишиневъ.

Ты пишешь: „на брегахъ Тавриды
Овидій въ ссылкѣ угасалъ...."
И я, по твоему, Овидій
За то, что царь меня сослалъ?
Потомъ... о, льстецъ мой вдохновенный,
„Ты Тассъ—безумнымъ оглашенный!"
Да ужъ прибавь: Наполеонъ
На островѣ святой Елены!
Но кто-жъ я? Тассъ или Назонъ?...
Я даже въ ссылкѣ не дерзаю
Себя съ Овидіемъ ровнять,
И „вѣкомъ Августа" назвать
Нашъ вѣкъ себѣ не позволяю;
Хотя и онъ, какъ говорятъ,
Зѣло талантами богатъ,
И съ Римомъ выдержитъ сравненье
Россія въ этомъ отношеньи.
У насъ Титъ Ливій—Карамзинъ,
Нашъ Федръ—Крыловъ, Тибуллъ—Жуковскій,
Варронъ, Витрувій—Каразинъ,
А Діонисій [1])—Каченовскій!
Проперцій—томный Мерзляковъ...
За нимъ идутъ аристократы,
Виргиліи и Меценаты:
Князь Шаликовъ и графъ Хвостовъ,
Князь Вяземскій, Плетневъ, Шишковъ,
Василій Пушкинъ, Муравьевъ—
И мой Катенинъ скучноватый!
Но съ кѣмъ же мнѣ себя сравнить?
Нѣтъ, не Овидій я носатый....
Орфей и Тассъ... ужъ такъ и быть!
Среди неистовыхъ Цыганокъ,
Я, какъ Орфей, въ толпѣ Вакханокъ,
Въ кругу кокетокъ-Молдаванокъ
Пожалуй—тазъ между лоханокъ!
За то межъ грузныхъ Молдаванъ—
Не Даніилъ въ оврагѣ львиномъ:
Вѣрнѣе—левъ межъ обезьянъ,
Иль конь Арабскій—„альгазанъ" [2])
Въ смиренномъ табунѣ ослиномъ!

---

[1]) Діонисій Галикарнасскій, авторъ „Римскихъ древностей".
[2]) См. *Boiste*, alhazan: étalon, cheval courageux et de bonne race.

П. П. Каратыгинъ-сынъ напрасно считаетъ это стихотвореніе поддѣлкой и озаглавливаетъ его: Апокрифическое стихотвореніе. По манерѣ и по стиху это, конечно, подлинная піеса Пушкина, новое, неизвѣстное доселѣ, сатирическое посланіе изъ эпохи Кишиневской жизни поэта. Тамъ же г. Каратыгинъ сообщилъ превосходную эпиграмму Пушкина, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанную и мнѣ не попадавшую никогда на глаза. Въ обширной своей монографіи „Пушкинъ въ южной Россіи" (Русскій Арх. 1866 г., стр. 1125) г. Бартеневъ [3]) приводитъ двустишіе Пушкина:

Михаилъ Иванычъ Лексъ,
Прекрасный человѣкъ-съ!

Но немногимъ извѣстны его стихи на того же М. И. Лекса, написанные въ тридцатыхъ годахъ, когда Лексъ занималъ какую-то важную должность по министерству внутреннихъ дѣлъ:

Была пословица у Римскаго народа:
Sit dura lex—sed lex; у насъ не такъ:
У насъ и dura lex и Лексъ дуракъ!

Эти стихи С. А. Соболевскій написалъ въ альбомѣ К. П. Брюлова, ручаясь ему, что они Пушкинскіе".

Изъ стихотвореній 1821 г. г. Ефремовъ исключилъ извѣстное четверостишіе Пушкина; „Павлу Иван. Пестелю", считая его, безъ объясненія почему, не принадлежащимъ поэту.

Снесемъ иль нѣтъ главу свою,
Изъ полновѣснаго стакана
Твое здоровье, Пестель, пью
И рвусь, и злюся на тирана...

О свиданіи, при которомъ сказанъ этотъ экспромптъ, говорится г. Бартеневымъ и г. Липранди въ Русскомъ Архивѣ 1866 г., № 8 и 9.

Прелестное стихотв. 1822 г. „Птичка" (Въ чужбинѣ свято наблюдаю) приведено въ лучшей редакціи, по подлинной рукописи, въ „Русской Старинѣ" 1880 г. (Іюль), уже по выходѣ въ свѣтъ изд. Ефремова.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны
(вм: „выпускаю" и „при свѣтломъ".)

---

[3]) Въ статьѣ Каратыгина эта монографія приписана г. Анненкову.

Я сталъ доступенъ утѣшенью:
Зачѣмъ на Бога мнѣ роптать,
(вм: За что на Бога и пр.)
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?
(вм: Я могъ свободу даровать).

Въ эпиграммѣ „на Д. П. Северина", 1822 г., подъ заглавіемъ „Жалоба" (Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ) слѣдуетъ исправить 5-й стихъ, во всѣхъ изданіяхъ печатаемый неправильно:

Потомку предковъ благородныхъ....
(вм: Потомокъ предковъ и пр.)

Любопытно слѣдующее примѣчаніе (Русск. Арх. 1876 г. кн. 3) о лицѣ, на которое написана эпиграмма: „Д. П. Северинъ, впослѣдствіи посланникъ въ Мюнхенѣ, происходилъ отъ Нѣмцевъ. Будучи родственникомъ, по первой своей супругѣ съ А. С. Стурдзою, онъ пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ встрѣтился съ Пушкинымъ, который впослѣдствіи жалѣлъ объ этой сорвавшейся у него съ языка эпиграммѣ, такъ какъ Северинъ былъ человѣкъ достойный всякаго уваженія".

Къ 1823 году относится извѣстный по спискамъ „Царь Никита",—простонародная сказка. Объ этой пьесѣ г. Ефремовъ не упоминаетъ нигдѣ ни единымъ словомъ. Между тѣмъ еще въ Библіограф. Запискахъ 1858 г. № 4, стр. 106—107, при одномъ изъ писемъ Пушкина къ своему брату Льву и Плетневу, отъ 15 Марта 1825 г., помѣщенъ 21 стихъ (съ пропускомъ одного) начала сказки, въ выноскѣ къ словамъ Пушкина объ изданіи книги его стихотвореній: „60 піэсъ! Довольно ли будетъ для 1-го тома? Не прислать ли вамъ для наполненія «Царя Никиту и 40 его дочерей?» Затѣмъ въ одномъ изъ заграничныхъ изданій Пушкина 1861 г. помѣщена цѣликомъ вся пьеса.

Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ
Сорокъ Ангеловъ небесныхъ,
Чудо сердцемъ и душой!
Что за ножка! Боже мой!
А головка, темный волосъ!
Чудо глазки, чудо голосъ!

Въ концѣ слѣдующее четверостишіе, встрѣченное мною только въ одномъ заграничномъ изданіи сказки (1861 г.) и направленное Пушкинымъ противъ упрековъ, можетъ быть, въ неумѣстности его шутки:

Многіе меня поносятъ,
И теперь, пожалуй, спросятъ:
Глупо такъ зачѣмъ шучу?
Что за дѣло имъ?—хочу.

Другой заграничный издатель сочиненій Пушкина (2-е изд., Berlin 1870 г.) считаетъ не приведенную здѣсь остальную часть сказки (4—8 гл.) возстановленной только по памяти, съ искаженіемъ стиховъ Пушкина, но признаетъ все таки нѣкоторые стихи чисто-Пушкинскими, „горящими подобно алмазу среди навозной кучи". Сильно сказано, но не справедливо: приводимое имъ окончаніе піесы списано съ плохаго экземпляра сказки, съ неточными варіантами нѣкоторыхъ стиховъ. Незнаніе лучшихъ стиховъ вводитъ издателя въ заблужденіе, относительно будто-бы непринадлежности этихъ стиховъ Пушкину.

Въ стихотвореніи того же 1823 г. „Сказали разъ царю, что наконецъ", послѣдній стихъ имѣетъ варіантъ, неупоминаемый г. Ефремовымъ:

И въ самой подлости осанку благородства
(Вм.: оттѣнокъ благородства)

Г. Ефремовъ говоритъ въ примѣчаніи: „Стихотвореніе написано въ самомъ концѣ 1823 г., по поводу извѣстія Шатобріана о плѣнѣ, а не о казни Ріего, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, при чемъ М. В. воскликнулъ: „Quelle heureuse nouvelle". Свѣдѣнія объ этомъ сообщены въ „Запискахъ Басаргина". (XIX Вѣкъ. Москва 1872, т. 1). Казнь Ріего была совершена въ Ноябрѣ 1823 г. Но могъ ли Пушкинъ не знать подлинныхъ словъ? Или могла ли имѣть успѣхъ эпиграмма съ невѣрно-переданнымъ фактомъ?

Въ стихотвореніи того же 1824 г. „Городъ Кишиневъ" (изъ письма къ Ф. Ф. Вигелю) пропускъ въ серединѣ пьесы мнѣ неизвѣстенъ, но послѣдніе четыре стиха должны быть исправлены такъ:

А здѣсь, какъ бы на зло судьбѣ,
Ни сводни (вм. свахи), ни книгопродавца,
И развѣ вечеркомъ (вм.: вечеромъ) къ тебѣ
Придутъ два милые красавца.

Въ прекрасномъ стихотвореніи того же года: „Къ морю" (Прощай, свободная стихія), которымъ Пушкинъ прощался съ моремъ и Югомъ Россіи, будучи сосланъ въ глушь села Михайловскаго, г. Ефремовъ не отмѣчаетъ нѣсколькихъ любопытныхъ варіантовъ слѣдующихъ стиховъ:

Скользитъ безпечно средь зыбей....
(вм. отважно средь зыбей)
Реви, волнуйся непогодой..
(вм. Шуми, взволнуйся непогодой)
Судьба земли повсюду та же...
(Судьба людей и пр.)
И долго, долго помнить (вм. слышать) буду
Твой шумъ (вм. гулъ) въ вечерніе часы.

Не переданы также варіанты и въ посланіи „Къ Языкову“ (Издревле сладостный союзъ), того же года, въ слѣдующихъ стихахъ:

Я вышелъ раннею зарей...
(вм. утренней порой)
Понесъ смиренный посохъ мой...
(вм. тяжелый посохъ мой)
Давно я бурями ношусь..
(вм. Давно безъ крова я ношусь)
Объ милой Африкѣ своей....
(вм. О дальней Африкѣ своей)

Въ двухъ извѣстныхъ превосходныхъ посланіяхъ „Къ Цензору“, написанныхъ въ томъ же 1824 г., слѣдовало бы непремѣнно обозначить варіанты, между которыми есть важные:

Первое посланіе къ цензору.

(Угрюмый сторожъ Музъ, гонитель давній мой)
Не бойся, не хочу, прельщенный славой ложной....
(вм. мыслью ложной)
Ты вѣчно разбирать обязанъ ихъ грѣхи...
(вм. обязанъ за грѣхи)
Нашъ цензоръ—мученикъ! Порой захочетъ онъ...
(вм. Такъ! цензоръ мученикъ, и пр.)
Не преступаетъ онъ начертанныхъ уставовъ...
(вм. Не преступаетъ самъ и пр.)
Онъ другъ писателей, предъ знатью не труслив....
(вм. Онъ другъ писателю, и проч.)
То, славу Русскую и Русскій умъ любя...
(вм. То, славу Русскую и здравый умъ любя)
И если въ головѣ не достаетъ царя...
(вм. И службою своей ты нуженъ для царя)

Этотъ послѣдній варіантъ, конечно, есть настоящій Пушкинскій первоначальный стихъ, и долженъ стоять въ текстѣ посланія, вм. теперь напечатаннаго, которому только мѣсто въ примѣчаніи. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ послѣднему, слѣдующему за нимъ, стиху посланія:

Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

Второе посланіе къ цензору.

(На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ)
А, благо, мнѣ читать теперь большой досугъ...

Это настоящій стихъ, лучше выражающій мысль, вм. напечатаннаго слѣдующаго:

Теперь же мнѣ читать охота и досугъ.

Одинъ среди вельможъ онъ Русскихъ Музъ любилъ...
(вм. Одинъ въ толпѣ вельможъ, и пр.)
Отъ хлада нашихъ дней сберегъ онъ лавръ единый...
(вм. укрылъ онъ лавръ единый)
Мужъ чистый въ правилахъ, съ душою превосходной...
(вм. Мужъ твердый въ правилахъ, и пр.)
Я, съ перемѣною печатнаго правленія,
Отставки цензору, признаться, ожидалъ...

Эти два стиха, конечно, настоящіе, лучшіе варіанты, и должны замѣнить собою напечатанные теперь въ текстѣ неточные стихи:

Я, съ перемѣною несчастнаго правленья,
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ.

Въ стихотв. того же года: „Признаніе. Александрѣ Ивановнѣ Осиповой» (Я васъ люблю, хоть я бѣшусь) есть несомнѣнно пропущенные стихи, что̀ предполагалъ еще и г. Анненковъ. Они должны были бы помѣщаться въ срединѣ пьесы. Слѣдующіе три стиха, слышанные мною отъ Михаила Даниловича Деларю, лицеиста и знакомаго Пушкина (ум. въ Харьковѣ 1868 г.) относятся, по его словамъ, къ этой пьесѣ:

Тяжелъ, тяжелъ мой крестъ, Творецъ!
Но я несу его, смирясь:
Вѣдь сердце любитъ, не спросясь....

Стихотвореніе это дополняется также другимъ, помѣщеннымъ ниже у г. Ефремова подъ тѣмъ же годомъ (слѣдовало бы его напечатать вслѣдъ за стихотвореніемъ „Признаніе“):

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки, и проч.

Относится эта пьеса къ той же особѣ, обозначенной г. Ефремовымъ только буквами: „Къ А. И. О—й“.

1824-мъ годомъ заключается 1-й томъ изданія г. Ефремова. Въ него вошли также всѣ вышедшія до 1825 г. поэмы Пушкина: Русланъ и Людмила (1817—1820), Кавказскій Плѣнникъ (1821), Братья-разбойники (1821), отрывки изъ неоконченныхъ драмы и поэмы „Вадимъ“ (1822), Бахчисарайскій Фонтанъ (1822) и Цыганы (1824). Относительно текста ихъ у г. Ефремова я могу замѣтить весьма немногое. Во 2-й пѣснѣ „Руслана и Людмилы“, стр. 255, въ описаніи чуднаго сада Черномора, есть слѣдующіе стихи:

Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады;
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.

Послѣдній стихъ, у г. Ефремова и у всѣхъ прежнихъ издателей поэмы напечатанный одинаково, мнѣ кажется все таки нѣсколько изысканнымъ для Пушкина, при его извѣстной высокой простотѣ стиха. Замѣнивши въ этомъ стихѣ слово „вьются" другимъ, простымъ „льются", мы будемъ имѣть болѣе удачный варіантъ, вполнѣ соотвѣтствующій самому содержанію. Но Пушкинъ, повидимому, любилъ это слово и въ томъ же описаніи сада, нѣсколько стиховъ выше, помѣстилъ его совершенно умѣстно въ стихахъ:

Съ прохладой вьется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей...

Въ поэмѣ „Кавказскій Плѣнникъ" слѣдовало привести варіанты въ началѣ и въ концѣ „Посвященія Николаю Николаевичу Раевскому", слѣдующихъ стиховъ, совсѣмъ неупоминаемыхъ г. Ефремовымъ:

Когда мнѣ бѣдствія грозили...
Когда гроза и вихрь мой челнъ о камни били...
Я при тебѣ еще спокойство находилъ...
(вм. Я близъ тебя еще, и проч.)

(И въ концѣ „Посвященія")

Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣтъ...
(вм. Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ)

Томъ второй.

*

Прежде нежели буду продолжать мои замѣтки по поводу пьесъ настоящаго втораго тома (съ 1825 по 1831 г.), добавлю уже прежде сообщенное нѣсколькими новыми варіантами, отысканными мною въ моихъ записяхъ.

Въ поэмѣ 1821 года „Кавказскій Плѣнникъ", въ примѣчаніи у г. Ефремова приведенъ Италіянскій эпиграфъ изъ Пиндемонте, въ Русскомъ прозаическомъ переводѣ. Слѣдовало бы напечатать подлинные Итальянскіе стихи:

Oh felice chi mai non pose il piede
Fuori della natiiva sua dolce terra:
Egli il cor non lascio fitto in oggetti,
Che di più riveder non ha speranza,
E cio, che vive, morto non piange.

(О, счастливъ, кто никогда не преступалъ за границу сладостной земли собственнаго отечества: онъ не прилѣплялъ своего сердца къ предметамъ, которыхъ нѣтъ ему надежды увидѣть снова, и то чѣмъ живится любовь, не оплакиваетъ какъ умершее).

Въ шуточномъ стихотвореніи 1824 года „Дѣдушка игуменъ“ мнѣ кажется лучшимъ такой варіантъ послѣднихъ пяти стиховъ, который находится у г. Гербеля (Русскій Архивъ 1876 г., кн. 3):

Бабочкамъ-молодкамъ
Онъ ли строилъ куры?
Дѣвушкамъ-красоткамъ
Объяснялъ ли: куры
Отчего несутся?“.

Вмѣсто напечатанныхъ у г. Ефремова:

Дѣвушкамъ-красоткамъ
Онъ ли строилъ куры?
Бабушкамъ-devot'камъ
Говорилъ ли: куры, и пр. *)

Обратимся къ 1825 г. Г. Ефремовъ начинаетъ этотъ годъ, богатый произведеніями поэта, вполнѣ уже созрѣвшаго для творческой дѣятельности, превосходнымъ, энергическимъ его стихотвореніемъ „Андрей Шенье“ (Посвящено Н. Н. Раевскому). Въ немъ возстановленъ теперь вполнѣ и безъ ошибокъ тотъ пропускъ въ 43 стиха, который такъ долго оставался у насъ ненапечатаннымъ:

Привѣтствую тебя, мое свѣтило,
Я славилъ твой небесный ликъ,
и проч.

Но слѣдовало бы г. Ефремову упомянуть о слѣдующихъ варіантахъ. Въ началѣ пьесы:

Несу надгробные цвѣты...
(вм. Пѣвцу возвышенной мечты...)
И къ концу пьесы
Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
Ты, слава, звукъ пустой...
(вм. Ты, слово, и проч.) **)

Въ эпиграммѣ этого же года на Ѳ. Н. Глинку:

Нашъ другъ Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ, и пр.

Въ другихъ спискахъ, вмѣсто имени Глаголь, приводимомъ въ эпиграммѣ три раза, Глинка называется еще Ѳитой, по первой буквѣ имени его—Ѳедоръ.

Далѣе, къ удивленію моему, г. Ефремовъ помѣстилъ подъ 1825 г. начало сказки: „Царь Никита“, тоже, которое приведено у меня подъ 1823 г., но у него съ пропусками многихъ стиховъ. Это отнесеніе пьесы къ 1825 г.

---

*) По словамъ А. Н. Вульфа, эта шутка сочинена не Пушкинымъ. См. Р. Старина 1870, I, 404. *П. Б.*

**) Кромѣ того, въ спискахъ встрѣчается послѣ стиха „Перерожденіе земли“—другой стихъ: „Уже сіялъ твой мудрый геній“. Это указалъ намъ (какъ „и о дѣдушкѣ игуменѣ“) Андрей Николаевичъ Островскій. *П. Б.*

г. Ефремовъ основываетъ на неправильно понимаемомъ имъ мѣстѣ изъ письма Пушкина къ „брату Льву и брату Плетневу“, отъ 15 Марта 1825 г. (у г. Ефремова отъ 25 Марта—неточно). Толкуя имъ объ изданіи своихъ стихотвореній, Пушкинъ говоритъ въ заключеніе: „60 пьесъ довольно ли будетъ для I тома? Не прислать ли вамъ для наполненія *Ц. Никиту и 40 его дочерей?»* (Библіогр. Записки 1858 г., № 4). Поэтъ, конечно, шутитъ съ своими друзьями, предлагая напечатать эту, невозможную въ тогдашнее время для печати, сказку, о которой, какъ написанной Пушкинымъ еще въ Кишиневѣ, братъ его Левъ и Плетневъ уже знали, а никакъ не является она для нихъ новостью (какъ полагаетъ г. Ефремовъ) написанною въ первые мѣсяцы 1825 г. Г. Ефремовъ напрасно также считаетъ вторую половину, и гораздо бо̀льшую, сказки этой, согласно съ нѣкоторыми заграничными издателями ея, поддѣлкою или, по его словамъ, придѣлкою. Какъ я уже замѣтилъ выше, изучивши разные варіанты этой половины, онъ бы увидѣлъ въ этой части сказки много такихъ, чисто-пушкинскихъ стиховъ, которыхъ не можетъ поддѣлать никакой искусникъ. Если и не сохранилось, дѣйствительно, ни одного списка сказки съ подлинной рукописи Пушкина, то память многихъ современниковъ, знавшихъ тогда всего Пушкина наизусть, особенно извѣстная огромная память брата поэта, Льва Сергѣевича, который, разъ прочитавши или прослушавши пьесу, уже запоминалъ ее всю (а онъ зналъ наизусть всѣ важнѣйшія произведенія своего брата), конечно, могли намъ дать и всю подлинно-пушкинскую пьесу.

Помѣщена далѣе между стихотвореніями 1825 г. знаменитая пьеса: „Египетскія ночи“ (Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ), которая напечатана была впервые только послѣ смерти Пушкина, въ Современникѣ 1837 г., т. 8, въ концѣ повѣсти, написанной въ 1835 г. Ни въ одномъ изъ собраній стихотв. поэта она до тѣхъ поръ не помѣщалась. Съ 1825 г. стихотв. это лежало въ бумагахъ Пушкина, ожидая употребленія, нѣсколько разъ передѣлывалось и наконецъ достигло настоящаго своего вида. По замѣчанію г. Анненкова (Матеріалы для біографіи, гл. XI): „Въ тетради его (Пушкина) она исполнена такихъ помарокъ, что едва можно разобрать нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ. Только съ боку весьма четко написано: „Aurelius Victor“, Римскій писатель IV вѣка, который, однимъ замѣчаніемъ своимъ о Клеопатрѣ, подалъ Пушкину первую мысль стихотворенія. Къ этой пьесѣ поэтъ нашъ возвращался уже потомъ нѣсколько разъ“.

Другое превосходное стихотвореніе: „Женихъ“ (Три дня купеческая дочь), простонародная сказка (состоитъ изъ 23 строфъ), того же 1825 г., никогда также не помѣщалось у новѣйшихъ издателей поэта въ отдѣлѣ мелкихъ стихотвореній, а у г. Анненкова оно находится въ т. 3, въ отдѣлѣ: „Простонародныя Сказки“. По замѣчанію г. Анненкова (Матеріалы для біографіи, въ кон-

цѣ гл. 8), не приводимому г. Ефремовымъ, „можно полагать съ достовѣрностью, что изъ матеріаловъ, заготовленныхъ для „Разбойниковъ“ (въ 1822 г., въ Кишиневѣ), вышла въ послѣдствіи, въ 1825 г., пьеса: *Женихъ*, первый образецъ простонародной Русской сказки, написанной уже въ Михайловскомъ“. Г. Ефремовъ высказываетъ въ примѣчаніи только странное сомнѣніе въ „народности“ этой сказки.

Въ стихотвореніи: „Изъ письма къ князю П. А. Вяземскому“, 1825 г., пропущены слѣдующіе стихи, напечатанные въ цѣльномъ стихотв. въ Русскомъ Архивѣ 1874 г., стр. 421:

Бумаги берегу запасъ;
Натуги вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И то лишь за большою нуждой.
Но твой затѣйливый навозъ,
и пр.

Въ концѣ опущены слѣдующіе два стиха:

И духъ мой снова позываетъ
Ко испражненью прежнихъ дней.

Въ объясненіе стиховъ:

Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей....

слѣдовало въ примѣчаніи замѣтить, что гр. Д. И. Хвостовъ напечаталъ басню, гдѣ говорилъ о *зубастыхъ* голубяхъ.

Прелестное стихотвореніе: „19 Октября 1825 г.“ (Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ), въ которомъ Пушкинъ, въ день Лицейской годовщины, съ такой симпатіей вспоминаетъ о своихъ товарищахъ-друзьяхъ, напечатано у г. Ефремова, какъ и прежде у г. Анненкова, въ 18 строфахъ, и къ нимъ послѣ прибавлены, у г. Анненкова въ 7 томѣ, а у г. Ефремова тутъ же вслѣдъ за стихотв., откинутыя строфы. По моему счету, всѣхъ строфъ написано было Пушкинымъ 26, именно: откинуты были послѣ 1-й строфы четыре строфы (по точному счету слѣд. 2—5 строфа); послѣ 9 строфы (по точному счету 13-й) слѣдуетъ строфа: „Мы вспомнили бъ, какъ Вакху приносили“ и проч. (по моему счету 14-я). Г. Ефремовъ замѣчаетъ что „потомъ послѣдніе четыре стиха этой строфы были исключены, а первые перенесены во вторую половину строфы“; она начиналась обращеніемъ къ Малиновскому (Ив. Вас.):

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты нашъ козакъ и пылкій, и незлобной?
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?
Мы вспомнили бъ, и проч.“

Мнѣ кажется, что Пушкину не для чего было исключать прекрасное обращеніе къ И. И. Пущину и что приведенное обращеніе къ Малиновскому есть новая (безъ конца) строфа пьесы, по общему счету 15-я. Послѣ 4-го стиха 16-й строфы (по общему счету 22-й) слѣдуютъ четыре стиха:

Златые дни, уроки и забавы, и проч.

вмѣсто напечатанныхъ четырехъ стиховъ:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу, и пр.

Эти же послѣдніе стихи должны быть помѣщены послѣ первыхъ четырехъ стиховъ новой строфы, по общему счету 24-й:

Куницыну дань сердца и вина! и проч.

Наконецъ, откинутая строфа (по общему счету 23-я) лишена у г. Ефремова двухъ стиховъ, которые здѣсь возстановляемъ по г. Анненкову (т. 7):

Ура, нашъ Царь!... Такъ выпьемъ за Царя!
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

Подъ 17 Апрѣля 1825 г., у г. Ефремова напечатана слѣдующая шутка-эпиграма:

А—ѣ Н—ѣ В—ъ.

(Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ)

Почтенія, любви и прежней дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди, и сзади!

Въ примѣчаніи ссылка на „Библіогр. Записки 1858 г. № 1“, письмо Пушкина къ брату и говорится, что это варіантъ въ честь M-lle N, а первоначальный экспромтъ записанъ такъ:

Семейственной любви и дружбы жаркой ради,
Хвалю тебя, сестра, и спереди, и сзади.

Ссылка г. Ефремова на „Библіогр. Записки“ невѣрна. Разсмотрѣвъ всю переписку Пушкина съ братомъ, я не нашелъ въ „Библіогр. Зап.“ ничего подобнаго. Они напечатаны были при новомъ изданіи писемъ Пушкина (Русская Старина 1879 г., Октябрь, въ статьѣ: А. С. Пушкинъ, редактированной самимъ г. Ефремовымъ) и отрывокъ изъ указаннаго письма изложенъ такъ: „Вотъ тебѣ мой вчерашній imp (r) omptu:

Семейственной любви, и проч.

(съ измѣненнымъ окончаніемъ изъ втораго стиха). . . . не спереди, а сзади. Сожги же это, показавъ ей. — Variantes en l'honneur de M-lle N N:

Почтенія, любви, и пр.

(съ тѣмъ же измѣненіемъ конца втораго стиха): . . . .

. . . Не спереди, а сзади.

„M-lle N N находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ, Honny soit, etc".

1825 г. заключается помѣщенными въ немъ, написанными въ этомъ году великимъ поэтомъ, пьесами: „Борисъ Годуновъ", „Графъ Нулинъ" и „Сцены изъ Фауста". Въ дальнѣйшемъ помѣщеніи, по годамъ сочиненія, поэмъ и драматическихъ произведеній Пушкина во 2 томѣ, стоятъ: „Полтава" (1828 г.) „Галубъ" (1829 г.), „Домикъ въ Коломнѣ", „Скупой Рыцарь", „Моцартъ и Сальери", „Каменный гость" и „Пиръ во время чумы" (1830 г.) Г. Ефремовъ строго преслѣдуетъ свою цѣль—дать собраніе сочиненій Пушкина въ строгохронологическомъ порядкѣ, не смотря на пестроту изданія, въ которомъ, напримѣръ, за мелкимъ стихотвореніемъ вы сразу переходите къ „Борису Годунову". Но нѣтъ правила, какъ говорятъ, безъ исключенія, и г. Ефремовъ нарушилъ строгій свой порядокъ, не напечатавъ до сихъ поръ ни одной главы, или пѣсни „Евгенія Онѣгина"; а время написанія каждой главы этого знаменитаго романа, весьма извѣстно: 1-я и 2-я пѣсня (1823 г.), 3-я—(1824 г.), 4-я (1825 г.), 5-я (1825—26 г.), 6-я (1826 г.), 7-я (1827—28 г.), предполагаемая, по вполнѣ не изданная, 8-я (Странствіе 1829 г.), и бывшая 9-я, (теперь 8-я, начатая 24 Декабря 1829 г. и оконченная 25 Сент. 1830 г.). И такъ, весь „Евгеній Онѣгинъ" долженъ былъ бы войти уже въ вышедшіе два тома сочиненій Пушкина, но почему-то г. Ефремовъ не рѣшился разрознить отдѣльныя пѣсни романа, хотя первыя изъ нихъ и послѣднія уже во многомъ отличны, по своему характеру и значенію, вслѣдствіе все болѣе и болѣе развивавшагося таланта поэта.

Въ извѣстномъ, полномъ высокой духовной поэзіи, стихотвореніи 1826 г. „Пророкъ" (Духовной жаждою томимъ) слѣдовало бы г. Ефремову замѣтить въ примѣчаніи, что мотивъ пьесы взятъ поэтомъ изъ книги пророка Исаіи, глава 6, и привести варіантъ послѣднихъ четырехъ стиховъ, въ первоначальномъ видѣ, сообщенный А. П. Пятковскимъ въ замѣткѣ: Пушкинъ въ Кремлевскомъ дворцѣ 1826 г. (Русская Старина 1880 г., Мартъ, стр. 674).

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись и пр.

Въ стихотвореніи 1827 г. „Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ" находятся слѣдующіе стихи:

Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!

Слѣдовало бы замѣтить въ примѣчаніи, что это четверостишіе находится, въ измѣненномъ видѣ, въ 52 строфѣ главы 7-й „Евгенія Онѣгина“ (написанной въ 1827—28 г.):

Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томенъ взоръ ея чудесной!

Между стихотвореніями того же 1827 г. помѣщено „Посланіе въ Сибирь“ (Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ), которое появилось у насъ въ печати въ первый разъ только недавно (Русскій Архивъ 1874 г., № 9), при „Запискахъ Н. И. Лорера“. Слѣдовало бы въ примѣчаніи помѣстить цѣликомъ слѣдующую замѣтку, тамъ же напечатанную. „Какъ извѣстно, Пушкинъ отнюдь не сочувствовалъ дѣлу Декабристовъ и осуждалъ ихъ замыслы; но ко многимъ изъ нихъ лично сохранялъ онъ неизмѣнную привязанность. Какъ поэтъ, какъ человѣкъ минуты, онъ не отличался полною опредѣлительностію убѣжденій. Стихи эти были принесены въ Москвѣ, въ началѣ 1825 г., самимъ Пушкинымъ Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой, передъ отъѣздомъ ея въ Сибирь къ ея супругу. Прощаясь съ нею, Пушкинъ такъ крѣпко сжалъ ея руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда онъ къ ней вошелъ“. Это стихотвореніе имѣетъ связь съ помѣщеннымъ ниже въ томъ же году стихотвореніемъ „19 Октября. Товарищамъ молодости“. (Богъ помочь вамъ друзья мои). Къ этому стихотворенію есть (по мнѣнію г. Ефремова, незначительный только варіантъ въ концѣ) слѣд. варіанты:

И въ счастьи, и въ житейскомъ горѣ...
(вм. И въ буряхъ, и пр.)
Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ...
(вм. Въ краю чужомъ, и проч.)
И въ смрадныхъ (вар. темныхъ) пропастяхъ земли...
(вм. И въ мрачныхъ, и проч.)

Послѣдній стихъ ясно говоритъ о декабристахъ, сосланныхъ на каторгу.

Вотъ отвѣтъ на эти энергическіе стихи Пушкина къ декабристамъ, написанный молодымъ, даровитымъ поэтомъ—декабристомъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, на кончину котораго на Кавказѣ написалъ такое прекрасное стихотвореніе Лермонтовъ (1839 г. „Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ“). Стихи эти въ наше время должны уже имѣть только историческое значеніе:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ .....
Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя—
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.
Мечи скуемъ мы изъ цѣпей,
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на ....
И радостно вздохнутъ народы.

Къ 1827 г. еще отнесено стихотв., или романсъ,—но только въ примѣчаніи у г. Ефремова, напрасно сомнѣвающагося въ принадлежности его Пушкину: „Я очарованъ былъ прекрасной". Этотъ первый стихъ читается иначе въ альманахѣ: Эвтерпа 1831 г., что не указано г. Ефремовымъ:

Я палъ предъ алтаремъ прекрасной....

Два стихотворныхъ отрывка, составляющіе собственно одно стихотвореніе 1828 г. „Счастливъ, кто избранъ своеправно" и „Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ", относятся, по всей вѣроятности къ тому же лицу, къ которому написана помѣщенная выше въ томъ же году пьеса: „Портретъ" (Съ своей пылающей душой), т.-е. къ графинѣ Аграф. Ѳедор. Закревской.

Подъ 1828 же годомъ напечатана шутка-пародія: „Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье", написанная рукою Пушкина подъ заглавіемъ: „Рефутація г. Беранже", на его пѣсню T'en souviens tu, disait un capitaine. Г. Ефремовъ говоритъ въ примѣчаніи, что это пѣсня не Беранже, а Émile Debraux и первый ея стихъ приводитъ такъ: Soldat, t'en souviens tu, disait un capitaine. Странно, что Пушкинъ и товарищи его приписывали ее Беранже. Не имѣя подъ рукою полнаго собранія сочиненій Беранже, не могу рѣшить этого вопроса. Г. Ефремову слѣдовало бы сдѣлать слѣд. сообщеніе объ обстоятельствахъ сочиненія этой весьма остроумной шутки и помѣстить ея варіанты. Эта пародія была пропѣта на Лицейской годовщинѣ, которую праздновали въ Петербургѣ у Тыркова, у котораго собрались лицейскіе товарищи: Дельвигъ, Илличевскій, Яковлевъ, бар. Корфъ, Стевенъ, Комовскій и Пушкинъ, написавшій и протоколъ этой сходки (онъ напечатанъ въ изданіи Геннади, т. 4).

Варіанты и дополненія пьесы, не указанные г. Ефремовымъ:

Ты помнишь ли, о (вм. ахъ) ваше благородье,
Мусью (вм. е) Французъ, г...... (вм. вставленнаго, Ефремовскаго: какой-то) капитанъ.
Что помнитъ все у насъ простонародье,
(вм. Какъ помнятся у насъ въ простонародьи)

8

Какъ били васъ Французовъ-бусурманъ?
(вм. Надъ нехристемъ побѣды Россіянъ)
Хоть это намъ, и проч.

(послѣдній стихъ куплета).

Мусью Французъ . . . . (непечатныя слова)
(вм. Ты помнишь ли, скажи? . . . . (тѣже слова)

(во второмъ куплетѣ):

Ты помнишь ли, какъ за горы Суворовъ,
Перешагнувъ, напалъ на васъ въ расплохъ?
(вм. Перемахнувъ, и проч.)

(въ третьемъ куплетѣ):

Ты помнишь ли, какъ всю на насъ Европу
(вм. Ты помнишь ли, какъ всю пригналъ Европу)
Привелъ съ собой вашъ Бонапартъ-буянъ?
(вм. На насъ однихъ вашъ, и проч.)
Видали мы тогда Французовъ.....
(вар. Французовъ видѣли тогда мы многихъ....)
Да и твою, г...... капитанъ.

(въ четвертомъ куплетѣ):

А помнишь ли, какъ были мы въ Парижѣ,
(вм. Ты помнишь ли, и пр.)
Гдѣ нашъ солдатъ (вар. капралъ) и полковой нашъ попъ
(вм. Гдѣ нашъ козакъ иль, и проч.)
Въ Palais-Royal, къ винцу подсѣвъ поближе,
(вм. Морочилъ васъ, подсѣвъ къ винцу поближе)
Все вашихъ женъ похваливалъ да...

(пропущено у г. Ефремова).

Перехожу къ стихотвореніямъ 1830 г. Въ этомъ году Пушкинъ написалъ нѣсколько великихъ поэтическихъ вещей, какъ „Каменный гость“, „Пиръ во время чумы“, а также и нѣсколько весьма колкихъ эпиграммъ на извѣстнаго печальною извѣстностью—Булгарина. Главная, сдѣлавшаяся быстро всѣмъ извѣстною, эпиграмма на него: „Не то бѣда, что ты Полякъ“. Лучшій варіантъ ея не тотъ, который напечатанъ г. Ефремовымъ, а слѣдующій:

Не то бѣда, что ты Полякъ:
Костюшко — Ляхъ, Мицкевичъ — Ляхъ;
По мнѣ, пожалуй, будь Татаринъ
(Вм. Пожалуй, будь себѣ Татаринъ)
И въ томъ не вижу я вреда,
(вм. И въ томъ не вижу я стыда)
Будь Жидъ — и это не бѣда:
Бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ.
(вм. Но то бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ).

Эта эпиграмма, какъ только разнеслась по Петербургу, Булгаринъ самъ напечаталъ ее въ своемъ „Сынѣ Отечества“ 1830 г., № 17, присовокупивъ

отъ себя, что онъ надѣется этимъ угодить почитателямъ Пушкина, и что онъ, Булгаринъ, своими критиками дѣйствительно бѣда и гроза для писателей. „Правда—бѣда, по кому? Не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатинымъ и т. п?“ Къ этому сообщенію добавлю еще слѣдующее: тогда же Булгаринъ разсказывалъ, что этотъ № „Сына Отечества“ былъ поднесенъ Государю Бенкендорфомъ, и что Императоръ Николай надъ замѣткою Булгарина собственноручно написалъ: „Благородное мщеніе!“—Затѣмъ въ концѣ 2-го тома у г. Ефремова помѣщены еще три эпиграммы и послѣдняя четвертая строфа пятой эпиграммы, того же 1830 г. Вторая начинается стихомъ: „Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь“. Третья: „Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ“; въ этой эпиграммѣ предпослѣдній стихъ теперь читается: „Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ“; но прежде, цензура, позволяя Пушкину называть Булгарина Авдѣемъ Флюгаринымъ, не позволяла называть его: „Видокъ Фигляринъ“. Четвертая эпиграмма: „Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ моралистъ“, напечатана, какъ и у Анненкова въ 7 т. Первые три куплета пятой эпиграммы, не приводимые г. Ефремовымъ, слѣдующіе:

Булгаринъ — вотъ Полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ Сарматовъ кровь.
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Сильна къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ Русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Ходилъ онъ подъ орломъ Французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ:
Патріотическій предатель,
Растрига, самозванецъ сей.
Уже не воинъ, а писатель,
Ужъ Русскій, къ сраму нашихъ дней.

Сочиненіе этихъ трехъ куплетовъ приписывается также кн. Вяземскому, или Баратынскому; но четвертый, приведенный г. Ефремовымъ, несомнѣнно Пушкинскій:

Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И Русскихъ братствомъ запятналъ.

Кромѣ этихъ, напечатанныхъ у г. Ефремова эпиграммъ, есть еще нѣсколько эпиграммъ Пушкина на Булгарина, которыя и приведу здѣсь:

Лелѣешь ты свои красы:
(вар. Радѣя за свои красы)
Ты на лицо румяна сыплешь,
Ты брѣешь бороду, усы,
Ты волоса на тѣлѣ щиплешь;

Все это для жены твоей
(Ты къ ней любовью пламенѣешь),
Такъ, вѣрю я, мой другъ Ѳаддей,
Но для кого ты ..... брѣешь?

Всѣ говорятъ: „онъ Вальтеръ-Скоттъ“,
Но я поэтъ—не лицемѣрю:
Я соглашусь (вар. Согласенъ я)—онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ--не вѣрю!

Ѳаддей роди „Ивана“
„Иванъ“ роди „Петра“:
Отъ дѣдушки - болвана
Какого жъ ждать добра?

„Иванъ Ивановичъ Выжигинъ“ и сынъ его „Петръ Ивановичъ Выжигинъ“—два романа Ѳаддея Булгарина.

Наконецъ, извѣстная эпиграмма: „Книгопродавцу Смирдину“:

Къ Смирдину какъ ни зайдешь,
Ничего не купишь:
Или въ Греча попадешь,
(вар. Иль Сенковскаго найдешь)
Иль въ Булгарина наступишь.

Еще одно четверостишіе, которымъ заключается извѣстная пьеса Пушкина того же 1830 г. „Моя родословная или Русскій мѣщанинъ“ (Смѣясь жестоко надъ собратомъ), есть также эпиграмма надъ Булгаринымъ:

Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный,
Что я въ дворянствѣ — мѣщанинъ;
Кто же онъ въ семьѣ своей презрѣнной?
Онъ — на Мѣщанской дворянинъ.

Это четверостишіе я привожу не какъ выписку изъ изданія г. Ефремова, а какъ варіантъ, лучшій, чѣмъ имъ приводимый и ему неизвѣстный, такъ какъ онъ не сообщаетъ никакихъ варіантовъ въ примѣчаніи къ стихотворенію „Моя Родословная“.

Остановимся теперь на чудесномъ стихотвореніи Пушкина 1830 г. „Стансы“ (Въ часы забавъ иль праздной скуки), написанные имъ въ отвѣтъ извѣстному митрополиту Московскому Филарету. Дѣло въ томъ, что 26 Мая 1828 г., въ день своего рожденія, Пушкинъ написалъ слѣдующее, полное отчаянія и горя, стихотвореніе:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ тѣ мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?....
Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Стихотвореніе было напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 г. и вызвало указанное высокое духовное лицо, знавшее конечно, хорошо, знаменитаго уже поэта, на энергическую поучительную передѣлку стиховъ его, превосходную по своему чисто-религіозному языку („передѣлка на религіозный ладъ“, по небрежному замѣчанію г. Ефремова, не потрудившагося привести эту передѣлку въ своемъ изданіи, изъ изданія г. Анненкова).

Привожу здѣсь это поученіе Филарета въ лучшемъ варіантѣ, чѣмъ какъ оно приведено г. Анненковымъ, который взялъ его изъ журнала „Звѣздочка“ 1848 г., № 10. Оно напечатано недавно М. Н. Катковымъ, въ прибавленіи къ № 155 Московскихъ Вѣдомостей 1880 г. (Открытіе памятника Пушкину 6 Іюня 1880 г.)

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана;
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью
(вм. Душу самъ наполнилъ страстью)
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забвенный мною,
(вм. Вспомнись мнѣ, забытый мною)
Просіяй сквозь сумракъ думъ!
(вм. Просіяй сквозь мрачныхъ думъ),
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ!
(вм. Сердце чисто, правый умъ).

Пораженный такимъ участіемъ Филарета, Пушкинъ 19 Января 1830 г. пишетъ ему извѣстные чудесные стансы свои, изъ которыхъ привожу здѣсь два послѣдніе куплета и въ послѣднемъ раскрываю кстати, до сихъ поръ ни одному издателю неизвѣстный, подлинный текстъ, такъ какъ прежде было скрываемо имя того лица, къ коему написаны были эти стансы. Сообщеніемъ мнѣ этой поправки я обязанъ упомянутому мною уже прежде, лицеисту М. Д. Деларю, знавшему лично великаго поэта:

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
(вм. послѣдн. слова печатается всегда: палима)
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Филарета
(вм. Филарета печатаютъ всегда: Серафима)
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Превосходное стихотвореніе, съ передѣланнымъ послѣднимъ куплетомъ и безъ означенія лица, къ кому относится, было тогда же напечатано въ Литературной Газетѣ 1830 г., № 12.

Подъ 1830 г. г. Ефремовъ помѣстилъ особымъ стихотвореніемъ, взявши его у г. Анненкова (изъ 7 тома), окончаніе молодаго произведенія Пушкина 1816 г. „Христосъ Воскресъ! питомецъ Феба", что указано мною уже раньше. У г. Ефремова стихотвореніе это помѣщено подъ заглавіемъ „Желаніе" (В. Л. Пушкину) въ 1816 г. Не зная, что приводимое имъ подъ 1830 г. стихотвореніе:

О муза пламенной Сатиры!
Пріиди на мой призывный кличъ! и проч.

есть окончаніе только извѣстнаго ему стихотворенія, онъ упрекаетъ г. Анненкова въ примѣчаніи, что тотъ не далъ „ни малѣйшихъ поясненій, которыя въ этомъ случаѣ были бы необходимы, ибо это стихотвореніе приписывается въ рукописныхъ сборникахъ Баратынскому, а не Пушкину". Всѣ эти сомнѣнія и упреки г. Ефремова должны теперь прекратиться; только ему слѣдуетъ сдѣлать слѣдующія поправки въ этомъ концѣ пьесы, сдѣлавшемся у него какимъ-то таинственнымъ, новымъ стихотвореніемъ:

Не безотвѣтнымъ риѳмачамъ,
(вм. И не поэтамъ мирныхъ дамъ)
Миръ вамъ несчастные поэты!
(вм. смиренные)
Миръ вамъ смиренные глупцы!
(вм. несчастные)
Но еслиже кого забуду—
(вм. А еслиже и проч.).

Стихи Пушкина того же 1830 г. къ „Невѣстѣ" напечатаны у г. Ефремова въ двухъ двустишіяхъ, между тѣмъ они составляютъ одну пьесу, какъ приведено у Н. Гербеля, и съ лучшимъ варіантомъ втораго стиха (Русскій Архивъ 1876, кн. 3):

Я влюбленъ, я очарованъ,
Я совсѣмъ (вм. Словомъ), *огончарованъ.*
Съ утра до вечера за нею я стремлюсь,
И встрѣчъ нечаянныхъ и жажду, и боюсь.

Есть и еще варіантъ первыхъ двухъ стиховъ:

Я восхищенъ, я очарованъ,
Короче—я *огончарованъ!*

Къ этой же особѣ, т.-е. Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, съ которой скоро Пушкинъ былъ обвѣнчанъ, 18 Февраля 1831 г., въ Москвѣ, относится тогда же написанное превосходное стихотвореніе: „Красавица". (Въ альбомъ Н. Н. Гончаровой):

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей, и проч.

Красавица—жена Пушкина, какъ извѣстно, очень любила блистать своей красотой на великосвѣтскихъ и придворныхъ балахъ и окружать себя многочисленными поклонниками. Приведу здѣсь изъ моихъ записей слѣдующую замѣтку о ней съ эпиграммой Пушкина. „1836 годъ—это было то время въ жизни Пушкина, когда его встрѣчали на великосвѣтскихъ раутахъ и балахъ всегда унылаго и задумчиваго; это было то время, когда на какомъ-то костюмированномъ балѣ, кажется, у графини А. К. Воронцовой-Дашковой, гдѣ его Наталья Николаевна, въ костюмѣ кометы, подошла къ нему, окруженная толпой блестящихъ молодыхъ поклонниковъ, и сказала ему по-русски: „Что задумался, мой поэтъ, совсѣмъ не по-масляничному?" Онъ ей отвѣчалъ:

Для твоего поэта
Насталъ Великій Постъ.
Все мнѣ мила моя комета,
Несносенъ мнѣ ея лишь хвостъ!
(вар. Но тошенъ мнѣ и проч.)

Есть еще два варіанта этой эпиграммы; въ одномъ послѣдніе два стиха короче:

Люблю тебя, комета,
Но не люблю твой хвостъ!

У Н. Гербеля эти два стиха разростаются уже въ четыре (Русскій Архивъ 1876 г., кн. 3):

Не ожидай, чтобъ въ эти лѣта
Я былъ такъ простъ!
Люблю тебя, моя комета;
Но не люблю твой длинный хвостъ!

Продолжаю свои сообщенія и относительно нѣкоторыхъ пьесъ остальныхъ годовъ поэтической дѣятельности Пушкина, чтобы покончить теперь же

съ моей задачею. Все, дальнѣйше излагаемое мною, можетъ пригодиться для г. Ефремова, при изданіи имъ остальныхъ томовъ Пушкина.

Къ 1832 г. относятся два стихотворенія Пушкина, написанныя имъ для „Сценъ изъ рыцарскихъ временъ“: романсъ „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“ и пѣсня „Воротился ночью мельникъ“. Изъ этихъ стихотвореній, „Романсъ“ былъ помѣщенъ г. Анненковымъ въ томѣ III, подъ 1832 г., но въ изд. г. Геннади совсѣмъ его нѣтъ. Романсъ о рыцарѣ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ у г. Анненкова (съ посмертнаго изданія 1841 г.), рѣшительно непонятенъ читателю по своему содержанію. Не видно, кому же служилъ, или поклонялся этотъ странный средневѣковой рыцарь?

Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непостижное уму—
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердцѣ врѣзалось ему.
Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ:
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Для разъясненія этихъ стиховъ пьесы, которой подлинный текстъ, писанный рукою самого поэта, вѣроятно, будетъ найденъ, я приведу теперь одно мѣсто изъ статьи, помѣщенной въ Современникѣ 1866 г., Февраль, стр. 305, подъ заглавіемъ: „Уваженіе къ женщинамъ“, ради приводимой въ ней неизданной строфы изъ этого романса, но не ради объясненій неизвѣстнаго автора (статья безъ подписи). „Въ культѣ Маріи, который такъ развился въ средніе вѣка, хотятъ видѣть тоже какую-то связь съ идеальнымъ служеніемъ женщинамъ“. Это обыкновенно объясняется цвѣтистыми фразами: „Ореолъ съ головы Маріи какъ бы перенесенъ на голову каждой женщины“, и т. под. Рыцарь Пушкина бымъ гораздо послѣдовательнѣе. Какъ извѣстно, онъ имѣлъ „непостижное уму видѣніе“.

Путешествуя въ Женеву,
Онъ увидѣлъ у креста
На пути Марію Дѣву,
Матерь Господа Христа.

„Но вмѣсто того, чтобъ предаться „служенію женщинамъ“,—

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ.
и проч.

„Если и были у рыцарства какіе-то возвышенные идеалы, то ихъ нечего было искать въ жизни. Жизнь не могла удовлетворять заоблачныхъ фантазій

и претворяла ихъ въ очень земную практику. Рѣдки были, конечно, Пушкинскіе рыцари, но не чаще встрѣчались и такія даже, какъ напримѣръ возлюбленная Тоггенбурга, или какъ знаменитая Нѣмецкая пророчица и ясновидящая 12 вѣка Гильдегарда". Къ этой послѣдней, приведенной въ статьѣ „Современника" и напечатанной и у г. Анненкова, строфѣ, существуетъ другой совершенно вариантъ, или новый куплетъ, уже въ шуточномъ тонѣ, который сообщилъ мнѣ, ручаясь за вѣрность, покойный лицеистъ, вышеупомянутый М. Д. Деларю:

Цѣлый вѣкъ онъ не молился
И не соблюдалъ поста,
Цѣлый вѣкъ все волочился....

Въ дальнѣйшихъ строфахъ романса есть слѣдующая строфа:

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

Буквы: А. М. Д., конечно, должны означать начальныя буквы словъ: Alma Mater Dei.

Превосходная пьеса эта заключается слѣдующими тремя строфами, съ содержаніемъ вполнѣ понятнымъ, послѣ всего сказаннаго:

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,—
„Lumen coeli, sancta rosa!"
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И, какъ громъ, его угроза
Поражала Мусульманъ...
Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ, строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Между стихотвореніями Пушкина 1836 г. остановлюсь на слѣдующихъ, по нѣкоторымъ поводамъ.

Пушкинъ всегда живо сочувствовалъ проявленіямъ Русскаго творчества въ разныхъ его сферахъ: въ историческихъ сочиненіяхъ, литературѣ, художествахъ и музыкѣ. Карамзинъ своей исторіей вдохновилъ его чудной трагедіей „Борисъ Годуновъ". Онъ радовался и прославлялъ своими чудными стихами вновь являвшіяся чисто—русскія художественныя произведенія, напр. статую скульптора Пименова, и знаменитаго Глинку, за его оперу „Жизнь за Царя". Въ Октябрѣ 1836 г. на выставкѣ въ Академіи Художествъ находились двѣ ста-

туи: Мальчикъ, играющій въ бабки, Н. Пименова, и Мальчикъ, играющій въ свайку, А. Логановскаго. При первомъ свиданіи съ Пименовымъ, Пушкинъ, въ энергическомъ порывѣ и съ навернувшимися на глазахъ слезами, взявъ въ обѣ руки руку ваятеля, сказалъ громко: „Слава Богу, наконецъ и скульптура на Руси явилась народною". (Примѣч. у Геннади. т. I. изд. 2-е, стр. 520). Вотъ его двѣ пьесы на указанныя статуи.

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ онъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздайся, народъ любопытный,
Врозь разступись: не мѣшай Русской удалой игрѣ.

Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ—тѣшится быстрой игрой!
Вотъ и товарищъ тебѣ, дискоболъ! Онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать.

Приведу здѣсь и стихи, сочиненные въ честь Глинки Пушкинымъ и другими, послѣ перваго, имѣвшаго большой успѣхъ, представленія „Жизни за Царя", 27 Ноября 1836 г. Боюсь безъ этого, что они не будутъ замѣчены г. Ефремовымъ и не попадутъ въ собраніе сочиненій поэта.

Въ „Запискахъ М. И. Глинки" (Русская Старина 1870 г., изд. 3-е, т. 2, стр. 311—312), читаемъ:

„Канонъ, слова Пушкина, Жуковскаго, кн. Вяземскаго и гр. Вельегорскаго, музыка кн. В. Ѳ. Одоевскаго и М. И. Глинки. Музыка положена на четыре голоса. Напечатано въ Спб. 15 Дек. 1836 г., въ листъ."

ПУШКИНЪ.

Пой въ восторгѣ, Русскій хоръ!
Вышла новая новинка!
Веселися Русь! Нашъ Глинка—
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ.

За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея-Глинку —
Отъ Неглинной, отъ Неглинной—до Невы!

ЖУКОВСКІЙ.

Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвейну, глинтвейну—стаканъ!

ГРАФЪ ВЕЛЬЕГОРСКІЙ.

Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ; но ужъ Глинку
Затоптать, топтать, топтать не можетъ въ грязь!

ПУШКИНЪ.

Пой въ восторгѣ Русскій хоръ!
Вышла новая новинка!
Веселися Русь! нашъ Глинка—
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ.

„Шутка эта напечатана съ нотами. Написано было на обѣдѣ, 13 Дек. 1836 г. у Александра Всеволодовича Всеволожскаго".

Обращаюсь наконецъ къ весьма недавней большой новинкѣ, неожиданно поразившей меня да и многихъ другихъ—это именно опубликованіе подлинной, съ рукописи Пушкина, 4-й строфы стихотворенія: „Памятникъ" (Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной), строфы, ярко выражающей истинное profession de foi великаго нашего поэта. Дѣло вотъ въ чемъ. Пять строфъ стихотв. „Памятникъ" появились впервыя въ посмертномъ изд. его сочиненій 1841 г., но, какъ теперь выяснилось, были напечатаны въ измѣненной редакціи, по крайней мѣрѣ та 4-я строфа, которая именно указываетъ на то значеніе поэтической дѣятельности Пушкина для народа, которымъ онъ особенно гордился и считалъ своей истинной заслугой, та строфа и была передѣлана, смягчена, почти совсѣмъ измѣнена, конечно, Жуковскимъ, сдѣлавшимъ это по условіямъ печатнымъ того времени и по своему взгляду и вкусу. Такъ была напечатана тогда эта строфа, и послѣ находилась во всѣхъ изданіяхъ, и вырѣзана наконецъ на пьедесталѣ памятника поэта въ Москвѣ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Эти стихи такъ хорошо рисуютъ доброту и души и стиховъ, но не Пушкина, а самого Жуковскаго, и мнѣ вспоминается совершенная параллель этой строфѣ, извѣстная „Надпись къ портрету Жуковскаго", слѣдующее стихотвор. Пушкина 1818 г.:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Нѣтъ, не то сказалъ о себѣ Пушкинъ! Какъ видно изъ рѣчи П. И. Бартенева, произнесенной имъ при праздновапіи постановки памятника поэту въ Москвѣ и напечатанной имъ въ Русскомъ Архивѣ 1880 г., часть 2, строфа эта такова:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ.

21 Августа 1836 г.

Читатель самъ пойметъ глубокое различіе двухъ редакцій этой чудесной строфы и пожелаетъ, конечно, какъ и я, чтобы возстановленная нынѣ настоящая строфа поэта замѣнила теперь вырѣзанную на памятникѣ надпись. Самъ Пушкинъ будетъ въ ней говорить ясно смотрящему на его статую и читающему надпись, народу, что̀ онъ славилъ своими пѣснями и чего добивался для него, и тогда народъ пойметъ, за что поставленъ ему памятникъ.

*

Нѣсколько словъ относительно дальнѣйшаго печатанія большихъ стихотворныхъ произведеній Пушкина: поэмъ, сказокъ и пѣсенъ западныхъ Славянъ. Нельзя не указать, съ величайшимъ сожалѣніемъ, на пропуски значительныхъ мѣстъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ 1833 г., во второй части, именно въ обращеніяхъ бѣдняка Евгенія къ статуѣ Петра Великаго. Эти мѣста были исключены, конечно, Жуковскимъ, при печатаніи поэмы въ Современникѣ 1837 г., т. 5. Только немного стиховъ изъ этихъ мѣстъ были возстановлены впослѣдствіи:

Куда ты скачешь, гордый конь
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты, надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной,
Россію вздернулъ на дыбы....
„Добро, строитель чудотворный!“
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ...
Ужо тебѣ!“.....

Недавно, въ одномъ изъ журналовъ нашихъ (не могу припомнить, гдѣ) помѣщены были воспоминанія о томъ, какъ Пушкинъ, на одномъ вечерѣ у знакомыхъ, читалъ длинное, неизвѣстное въ печати, мѣсто изъ этой поэмы, и какъ всѣ слушатели поражены были силою стиха и смѣлостью содержанія читаннаго. Будемъ надѣяться, что не пропадетъ безслѣдно этотъ чудный отрывокъ.—Въ поэмѣ „Анджело“ того же 1833 г. (переложеніе въ эпическій разсказъ Шекспировой драмы: Мѣра за мѣру), есть вычеркнутыя цензурою мѣста, при печатаніи поэмы въ альманахѣ Смирдина „Новоселье“ на 1834 г.; но эти мѣста можно, по крайней мѣрѣ, замѣнить, въ примѣчаніяхъ, по Шекспиру (лучше по прозаическому буквальному переводу его Кетчеромъ, часть 7. Москва 1873).—Существуютъ, къ большому сожалѣнію, пропуски также въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, не пополненные даже и г. Анненковымъ, имѣвшимъ въ рукахъ рукописи всѣхъ главъ романа, именно остаются совершенно неизвѣстными пропуски: въ гл. III, строфѣ 3, въ гл. VI, стр. 15, 16 и 38, и въ гл. VIII, стр. 2 и 25.—Очень любопытно также было бы добыть пропуски въ превосходной пьесѣ Пушкина: „Бонапартъ и Черногорцы“ (девятой пьесѣ въ Пѣсняхъ Западныхъ Славянъ):

„Черногорцы! Что̀ такое?“
Бонапарте вопросилъ:
„Правда ль, это племя злое
Не боится нашихъ силъ?“ и проч.

Пропуски находятся послѣ 4-й и 5-й строфы, и непонятно, что такое могло быть зачеркнуто цензурою?

Сообщаю здѣсь, въ заключеніе моего обозрѣнія стихотвор. Пушкина, еще три слѣдующія произведенія, приписываемыя нашему поэту, по стиху и манерѣ, по всей вѣроятности, ему принадлежащіе; напечатаны они въ двухъ заграничныхъ изданіяхъ 1859 и 1861 годовъ.

Друзьямъ, на выступленіе гвардіи.

Часъ битвъ насталъ, гроза гремитъ,
Друзья, къ знаменамъ поспѣшите;
Съ щитомъ сомкнувши твердый щитъ,
Въ десницу грозный мечъ примите.
Теките снова въ путь побѣдъ,
Труба васъ къ славѣ призываетъ!
Россъ двинулся,—и цѣлый свѣтъ
Молчитъ, трепещетъ и внимаетъ!
Невѣдомо куда идутъ
Полки, испытанные въ брани,
Противъ кого огонь несутъ
И мечъ пріяли въ мощны длани.
Не снова ль плѣнникъ средь зыбей
Европѣ рабствомъ угрожаетъ?
Не снова ль лучъ свободныхъ дней
Блеснувъ Спартанцамъ—угасаетъ?
Коль такъ, благословляю васъ!
Тѣнь Леонида, Мильтіада—
Возрадуйтесь: ударитъ часъ,
И въ прахъ падетъ деспотъ Царьграда.
Какой тиранъ дерзнетъ возстать
Противъ стремленія народа?
Тамъ можно ль цѣпи налагать,
Гдѣ рабство—смерть, гдѣ жизнь—свобода?
Друзья, пускай вашъ острый мечъ
Враждебной кровью обагрится...
Тому отрада въ землю лечь,
Кто за свободу ополчится...

При этой пьесѣ находится замѣтка, что „Стихотвореніе это получено отъ И. И. Пущина, который приписываетъ его Пушкину“.

По прочтеніи Байронова „Каина“.

Я здѣсь одинъ,—меня отвергли братья,
Имъ непонятна скорбь души моей;
Пугаетъ ихъ на мнѣ печать проклятья,
А мнѣ противны звуки ихъ цѣпей.
Кляну ихъ рай, подножный кормъ природы!

Кляну твой бичъ, безумная судьба!
Кляну мой умъ—рычагъ моей свободы
Свободы жалкой бѣглаго раба!
Кляну любовь мою, кляну святыню,
Слѣпой мечты безчувственный кумиръ,
Кляну тебя, безплодную пустыню,
Въ зачатіи Творцомъ проклятый міръ.

Эта пьеса написана, вѣроятно, во время жизни поэта въ Кишиневѣ.

Молитва.

(ПЕРЕЛОЖЕНІЕ МОЛИТВЫ: „ОТЧЕ НАШЪ").

Я слышалъ—въ келіи простой
Старикъ, молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
„Отецъ людей! Отецъ небесный!
Да имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да придетъ царствіе Твое!
Да будетъ воля Твоя съ нами,
Какъ въ небесахъ, такъ на земли!
Насущный хлѣбъ намъ ниспошли
Твоею щедрою рукою!
И, какъ прощаемъ мы людей,
Такъ насъ, ничтожныхъ предъ Тобою,
Прости, Отецъ, своихъ дѣтей!
Не ввергни насъ во искушенья,
И отъ лукаваго прельщенья
Избави насъ...."
Передъ крестомъ
Такъ онъ молился. Свѣтъ лампады
Мерцалъ чуть-чуть издалека...
А сердце чаяло отрады
Отъ той молитвы старика.

Позволяю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній относительно общаго характера изданія г. Ефремова. Въ примѣчаніяхъ своихъ онъ слишкомъ часто обращается къ г. Анненкову съ какою-то насмѣшкою и враждебностью, указывая его ошибки или недосмотры, упрекаетъ его въ очищеніи Пушкина самимъ, помимо цензуры и т. п. Это замѣчено было до меня, недавно рецензентомъ изданія г. Ефремова въ Русскомъ Вѣстникѣ. Но изданіе г. Анненкова вышло въ 1855—57 гг. и, по тому времени, оно было очень осторожно въ цензурномъ отношеніи; за то оно отличается такими достоинствами, съ которыми и всѣ позднѣйшія изданія, не исключая и г. Ефремова, не могутъ сравниться. Не говоря уже о его превосходной оцѣнкѣ жизни поэта и поэтическаго достоинства его произведеній, основанной на близкомъ знаком-

ствѣ съ предметомъ, выразившемся въ двухъ трудахъ по біографіи Пушкина (почти единственныхъ въ этомъ родѣ) и нерѣдко въ самихъ примѣчаніяхъ къ пьесамъ, у него масса прекраснаго библіографич. матеріала, какъ въ этихъ примѣчаніяхъ, такъ и въ его біографическихъ книгахъ. Оттуда черпалъ изобильно г. Ефремовъ, оттуда частью черпалъ и я въ своихъ замѣткахъ, дополняя г. Ефремова. Ошибки, въ которыхъ упрекаетъ г. Анненкова теперешній издатель Пушкина, были неизбѣжнѣе, при первомъ солидномъ изданіи поэта, впервые тогда явившемся; ошибки же г. Ефремова, которыхъ не мало, неизвинительнѣе, такъ какъ онъ идетъ уже по проложенному пути. Г. Анненковъ сдѣлалъ свое дѣло отлично. Теперь слѣдуетъ довершить его дѣло— издать Пушкина безукоризненно, и достигать этого слѣдующими двумя путями. Вопервыхъ—добывать подлинный текстъ произведеній поэта, гдѣ только возможно, и никакъ не относиться равнодушно къ варіантамъ и черновымъ пробамъ стиховъ, потому что въ этихъ-то варіантахъ, какъ могъ уже, полагаю, убѣдиться г. Ефремовъ, нерѣдко и кроется подлинный, вполнѣ соотвѣтствующій смыслу пьесы, текстъ. Во-вторыхъ, каждую пьесу или отдѣльныя ея мѣста, слѣдуетъ снабжать примѣчаніями, большаго развитія, чѣмъ иногда встрѣчается у г. Ефремова, который слишкомъ кратко передаетъ обстоятельства, при которыхъ написана пьеса, или поводъ, цѣль ея и т. п. По моему, эти примѣчанія иногда такъ важны, что читатель, безъ нихъ, прочтетъ пьесу и самаго существеннаго въ ней не пойметъ. Поэтому, мнѣ кажется, было бы раціональнѣе не забрасывать въ одну кучу примѣчанія на конецъ книги, гдѣ, право, иногда, съ трудомъ сыщешь ихъ, а помѣщать ихъ каждое при своей пьесѣ, внизу страницъ; тутъ же должны быть непремѣнно и варіанты.

Только слѣдуя указанному пути, и, прибавлю еще, стараясь, по возможности, печатать пьесы Пушкина съ ихъ подлинниковъ, съ сохраненіемъ его правописанія, что и дѣлалъ отчасти г. Анненковъ (въ буквахъ, напр. большихъ, прописныхъ, въ словахъ не собственныхъ, но олицетворяющихъ, по идеѣ поэта, извѣстныя существа, въ народныхъ оборотахъ и пр.), образцомъ чего можетъ служить самимъ г. Ефремовымъ напечатанное въ Русской Старинѣ: „Посланіе къ П. В. Всеволожскому",—только тогда изданіе сочиненій Пушкина будетъ названо вполнѣ безукоризненнымъ. Я убѣжденъ, что такое неизбѣжное изданіе должно будетъ скоро вновь появиться.

Г. С. Чириковъ.

1880 г.
Харьковъ.

*

От А. Н. Островскаго изъ Казани получена нами слѣдующая замѣтка:

Карту, приложенную къ шестому тому новаго изданія сочиненій Пушкина, лучше бы вовсе не прилагать. Она исполнена погрѣшностей и только путаетъ читателей Исторіи Пугачевскаго бунта. Такъ напр.

1) Рѣка Иргизъ названа Еруслапомъ, а Еруслапъ оставленъ безъ названія.

2) Рѣки: Самара, притокъ Волги, и Сакмара, притокъ Урала, соединены въ одну рѣку, впадающую въ Волгу!

3) Станица Чернорѣченская показана на мѣстѣ Переволоцкой.

4) У рѣки Илека показано два устья, изъ которыхъ одно (не существующее) выше города Оренбурга. За рѣку здѣсь принята пограничная черта Европейской Россіи.

5) Деревня Юзѣево, извѣстная по сраженію, происходившему подъ ней. совсѣмъ опущена.

*

М. В. Юзефовичъ изъ Кіева пишетъ намъ:

„Въ статьѣ моей о Пушкинѣ *) сдѣлана ошибка: въ приведенной строфѣ о Байронѣ сказано:

Какъ ты глубокъ, могучъ и мраченъ,
Какъ ты ничѣмъ *не одолимъ.*

По справкѣ съ моимъ подлинникомъ оказалось: ничѣмъ *не укротимъ.*

Вотъ какъ у Пушкина каждое слово обдумано и точно выражаетъ мысль: разумъ человѣческій одолѣлъ океанъ, но не укротилъ его“.

---

*) Руск. Архивъ, 1880, III, стр. 442.

РУКОПИСИ А. С. ПУШКИНА *).

III.

Изъ Кишиневскихъ тетрадей.

(Тетрадь 2, л. 36).

Посреди разныхъ черновыхъ набросковъ находится нѣсколько строфъ съ описаніемъ Кишиневскихъ дамъ. Приводимъ что̀ возможно.

Раззѣвавшись отъ обѣдни,
Къ К(атаказп) ѣду въ домъ.
Что̀ за Греческія бредни,
Что̀ за Греческой содомъ.
Подогнувъ подъ *платье* ноги,
За вареньемъ, средь прохладъ
Какъ Египетскіе боги,
Дамы прѣютъ и молчатъ.

*

Здравствуй, круглая сосѣдка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плѣшива, ты глупа.
Говорить съ тобой нѣтъ мочи.
Все прощаю, Богъ съ тобой!
Ты съ утра до темной ночи
Рада въ банкъ играть со мной.

*

Вотъ Еврейка съ Тадарашкой.
Пламя пышетъ въ подлецѣ....
Пѣна на его лицѣ.
Весь отъ ужаса хладѣю,
Ахъ Еврейка, Богъ убьетъ!....

*

*) См. выше стр. 3.

Ты наказана сегодня,
И тебя простилъ Амуръ.
О чувствительная сводня,
О краса Молдавскихъ дуръ!....

*

Ты умна, велерѣчива,
Кишиневская Жанлисъ,
Ты бѣла, жирна, шутлива,
Черноокая Тарсисъ;
Не хочу судить я строго,
Но къ тебѣ не льнетъ душа,
Такъ послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша.

* *
*

(Тамъ же л. 37).

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
Пировъ и радости блистательный пѣвецъ.
Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки,
Раздолье ухарскихъ пировъ,
И пылкую потѣху драки,
И завитки своихъ усовъ.
Походную сдувая пыль,
Ты славилъ, лиру не настроя,
Любовь и мирную бутыль....

* *
*

Вотъ Муза, рѣзвая болтунья,
Которую ты такъ любилъ.
Она раскаялась шалунья:
Придворный тонъ ея плѣнилъ.

* *
*

A son amant Julie sans résistance
Avait cedé, mais lui pâle et perclus
Se demenait, enfin n'en pouvant plus,
Tout essoufflé tira.... sa révérance.
Parlez, monsieur, pourquoi donc mon aspect
Vous glace-t-il? M'en direz vous la cause?
Est-ce dégoût?—Mon dieu, c'est autre chose.
—Est-ce l'amour?—Non, excès de respect.

* *
*

(л. 40.)

Казармы нравятся имъ больше.
Но ты, который не знавалъ военной жизни съ роду,
Зачѣмъ перенимать пустую моду?

—Какая нужда въ томъ? Въ кругу своемъ они
О дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жомини.
—Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ какъ ты родился;
Ты шлафрокомъ однимъ, да трубкою плѣнился.
Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ,
Гдѣ вѣчно не курятъ и долженъ быть одѣтъ.

* *
*

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ.
Ты боленъ: это не мечты.
И то-то, братецъ, будешь съ носомъ,
Когда безъ носу будешь ты.

* *
*

(л. 42.)

Тадарашка въ васъ влюбленъ
И для вашихъ ножекъ,
Говорятъ, зоводитъ онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ.
Намъ приходитъ нелегко!
Какъ неосторожно!
Охъ, на дрожкахъ далеко
Вамъ уѣхать можно.

* *
*

(л. 44).

18 Juillet 1821.
Nouvelle de la mort de Napoléon.
Bal chez l'archévêque arménien.

* *
*

(л. 47.)

(Августъ 1821)

Дивлетъ Гирей задумчиво сидитъ,
Драгой янтарь въ устахъ его дымится.

* *
*

(л. 49.)

Въ геенпѣ праздникъ.

Гдѣ свищутъ адскіе бичи,
Гдѣ море адское клокочетъ,
Гдѣ, грѣшника внимая стонъ,
Ужасный сатана хохочетъ.

* *
*

(л. 60.)

В(адимъ).

Рогдай, я ждалъ тебя! Скорѣй, какую вѣсть
О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принесть?
Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа.
Жива ль въ ихъ памяти Славянская свобода?

Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?
(Достойны вѣчнаго проклятія судьбы).

Р(огдай).

Вадимъ, надежда есть! Народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый.
Съ досадою влачитъ позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ:
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.

* *
*

Петръ I-й не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія. Геній его вырывался за предѣлы своего вѣка; ибо, довѣряя своему могуществу, онъ почиталъ его неприкосновеннымъ. Всеобщее рабство и безмолвное повиновеніе. Всѣ состоянія были равны предъ его палкой. Мы видимъ заговоры противъ жизни государя, но не противу его власти. Послѣ же смерти великаго человѣка, страхъ, напечатлѣнный его владычествомъ, начинаетъ исчезать. Аристократія неоднократно старается ограничить государей; но хитрость торжествуетъ надъ честолюбіемъ, и самодержавіе остается неприкосновеннымъ.

*

Эпиграфъ къ одѣ Наполеону.

Ingrata Patria.

* *
*

Но хладъ покоя
Счастливца душу возмущалъ.
Идетъ на Русь.
И міру вѣчную свободу
Съ утесовъ Эльбы завѣщалъ.

* *
*

(л. 66.)

Въ лѣто 5 отъ Липецкаго потопа жалобный сверчокъ *) на лужицѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣлъ и плакалъ, воспоминая тебя Арзамасъ, Іерусалимъ ума и вкуса. Живо представлялись ему ваши отсутствующія превосходительства, и въ печали сердца своего онъ положилъ увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки.

*) Прозвище Пушкина въ Арзамасскомъ литературномъ обществѣ.

(л. 68.)

Съ Турецкаго.

Даруетъ небо человѣку
Часы отрадъ въ замѣну бѣдъ.
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Меку
На старости суровыхъ лѣтъ.

—

Блаженъ кто на брегу Дуная
(Кто Русскихъ поражая)
Собой умножитъ падшихъ рядъ:
Къ нему навстрѣчу дѣвы р̓ая
Толпою страстной полетятъ.

—

Но всѣхъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Въ прохладѣ тайнаго гарема
Обниметъ радостно тебя.

Изъ книги въ черной кожѣ. На внутренней сторонѣ переплета: № 4.

„27 Мая 1822 Кишиневъ. Alexieff. Пушкинъ“.

Начинается:

„Отрывокъ“

Ты сердцу непонятный мракъ...
И взоромъ бездну измѣряя,
Дрожитъ, шатается.
Вотще оплота ищетъ онъ:
Въ очахъ все меркнетъ, исчезаетъ,
И обморокъ, какъ смертный сонъ,
На край горы его бросаетъ.
Но если духъ безсмертенъ мой...
Онъ мой, онъ вѣченъ образъ милой
Что̀ безъ него душа моя?...
Что̀ съ умиленьемъ посѣщаютъ
Мѣста, гдѣ жизнь была милѣй.

На обор. 4-й стр.

28 Мая. Ночью.
„Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ.“ *)
Съ боку „Евгеній Онѣгинъ. Поэма въ“

* * *

*) И такъ „Евгеній Онѣгинъ“ начатъ ночью 28 Мая 1822 года, въ Кишиневѣ.

И могъ онъ даже въ самомъ дѣлѣ
Вести . . . . . . споръ о Benjamen,
О Карбонарахъ, о Парни,
Объ генералѣ Жомини.
Онъ зналъ Нѣмецкую. . . . .
По книгѣ г-жи де Сталь
И приводилъ ихъ очень кстати.
Садился онъ за клавикорды
И бралъ на нихъ одни аккорды.
Какъ онъ умѣлъ наединѣ...
Но скромну быть пора бы мнѣ.

—

Вошелъ и пробка въ потолокъ!
Il vol au vent и vinaigrette.

—

По всей Европѣ въ наше время
Между воспитанныхъ людей
Не почитается за бремя
Отдѣлка нѣжная ногтей;
И нынче воинъ, и придворный,
Поэтъ, и либералъ задорный,
И сладкій дипломатъ
Готовъ.

После этого, на стр. 12-й. (Про Ѳ. Ѳ. Матюшкина):

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый.
Спокойной пристани давно ли ты достигъ?
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обвѣтшалой:
Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый.

Потомъ идутъ опять наброски Онѣгина.

Кокетства, странности такой,
Не понималъ философъ мой.
Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей.

—

По длинной улицѣ рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый разливаютъ свѣтъ
И радугу на снѣгъ наводятъ.

Жандармы гонятъ кучеровъ.
...До утра жизнь его полна,
Однообразна и пестра.
И завтра тожъ что и вчера.

Послѣ этого:

Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?

На оборотѣ 16 листа, черновое письмо къ неизвѣстному лицу:

Je réponds à votre P. S., comme à ce qui intéresse surtout votre vanité. Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là. M. S. n'est pas encore de retour à Odessa; je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre. Comme ma passion a baissé de beaucoup et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs, j'ai réfléchi, c'est à dire que je ne montrerai pas votre épitre à m. de S., comme j'en avais d'abord l'intention, en ne lui cachant que jettais sur vous l'intérêt d'un caractère byronique, et voici ce que je me suis proposé. Votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables. En révanche j'y ai préparé tout au long une belle réforme dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avantage que vous en avez pris sur moi dans votre lettre. J'y commence par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job. Je vois votre vanité et votre passion à travers l'affectation de votre cynisme etc. Le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet. Mais comme vous êtes toujours mon maître en fait de moral, je vous demande pour tout cela votre permission et surtout vos conseils. Mais dépêchez vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles. Votre frère m'a dit que Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux. Mais votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dans vos douleurs. M-r votre oncle qui est un cochon, comme vous savez, a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une lettre.

Далѣе опять Онѣгинъ, вся первая пѣснь до конца:

И собери мнѣ славы дань
Кривые толки, шумъ и брань.

Octobre 22
1823.
Odessa.

Черновое письмо изъ Одессы въ Кишиневъ къ Вигелю.

Проклятый городъ Кишиневъ,
Тебя бранить языкъ устанетъ.
Когда нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ конечно грянетъ
И не найду твоихъ слѣдовъ.
Я слишкомъ съ библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ:
Содомъ, мы знаемъ, былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостепріимными домами
И прародительскимъ грѣхомъ.
На всякій случай, милый другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Явлюсь къ тебѣ . . . . .
Своей бесѣдою служить я радъ
Стихами, прозой, всей душою;
Но, Вигель, пощади мой....

«Это стихи, слѣдственно шутка. Не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Филиппъ Филипповичъ. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ я скучалъ три года. Желаю вамъ разсѣяться хоть на минуту и сообщаю вамъ свѣдѣнія, которыя вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв. Изъ трехъ, думаю, годенъ къ употребленію въ пользу.... меньшой: онъ спитъ въ одной комнатѣ съ братомъ Михаиломъ. Изъ этого можете вывести важныя заключенія. Предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію. Старшій братъ, какъ вы и замѣтили, глупъ какъ... жезлъ. Обнимите ихъ отъ меня дружески и также скажите имъ, что Пушкинъ цалуетъ ручки *Майгинъ* и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣдѣній. Пульхеріи В. объявите за тайну, что я влюбленъ въ нее безъ памяти и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ въ подражаніе другу Завальевскому. Полторацкимъ поклонъ и старая дружба. Алексѣеву тоже и еще что нибудь. Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его. У насъ холодъ, грязь. Обѣдаемъ славно. Я пью какъ Лотъ Содомскій.... Недавно выдался намъ молодой денекъ. Я былъ президентомъ попойки».....

Далѣе начинается вторая пѣснь Онѣгина:

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній и пр.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостинной штофныя обои,

Царей портреты на стѣнахъ
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ ужъ вѣтшаетъ,
Но въ томъ и нужды было мало
Скупому дядѣ...

*

Тутъ же (л. 26).

Свободы сѣятель пустынной. . . .
. . . . Старикъ, имѣя много дѣлъ....

—

Онѣгинъ шкапы отворяетъ,
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ нашелъ онъ цѣлый строй
Бутылокъ съ яблочной водой
И календарь осьмаго года.

—

Въ своей деревнѣ той порой
Другой помѣщикъ поселился.
Онъ изъ Германіи свободной
Привезъ учености плоды,
Неосторожныя мечты,
Духъ пылкій, прямо благородный....
И сердца неподдѣльный жаръ,
И геній власти надъ умами.
Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ Цирцей;
Поклонникъ истиннаго счастья,
Не славилъ сѣти сладострастья,
Какъ тотъ, чья хладная душа,
Постыдной нѣгою дыша,
Добыча вредныхъ заблужденій,
Добыча пагубныхъ страстей,
Преслѣдуетъ въ тоскѣ своей
Однѣ картины наслажденій
И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ
Безумно обнажаетъ ихъ....
Пѣвцы слѣпаго упоенія,
Напрасно вѣтренная младость
Хранитъ и въ сердцѣ и въ устахъ
Стиховъ изнѣженную сладость
И на ухо стыдливыхъ дѣлъ
Ихъ шепчетъ, робость одолѣвъ....
Пѣвцы любви, скажите сами,
Какое ваше ремесло?

Передъ судилищемъ Паллады
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды:
Потомство въ нихъ откажетъ вамъ....
Прилична ль гордому поэту
Промышленность?....
Но вамъ дороже, знаю самъ,
Слеза съ улыбкой пополамъ;
Для васъ ничтоженъ гласъ молвы,
Но мнѣ невольно милы вы.
Не вамъ чета былъ строгій Ленскій:
Его творенья мать конечно
Велѣла бъ дочери читать.

«La mère en prescrira la lecture à sa fille».

«Стихъ Пирона вошелъ въ пословицу. Замѣтимъ, что Пиронъ (кромѣ своей Метрики) хорошъ только въ такихъ стихахъ, о которыхъ невозможно намекнуть, не оскорбляя благопристойности».

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный;
Но пѣснь его была чиста,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ безоблачной небесъ равнинѣ....

И защититъ она, Богъ мой!
„Коль хочешь знать, я Купидонъ“...

Въ прогулкѣ ихъ уединенной
О чемъ ни заводили споръ!
Судьба души, судьба вселенной,
На что̀ ни обращали взоръ!
И предразсудки вѣковые,
И тайны гроба роковыя
Царей . . . . въ свою чреду
Все подвергалось ихъ суду.

* *
*

Ужасный день, когда твои небесны очи
Покроются туманомъ вѣчной ночи,
Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста,
И снидешь ты въ тѣ мрачныя мѣста,
Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіютъ мощи хладны.
Но я, донынѣ твой поклонникъ жадный,
Въ обитель смертную сойду я за тобой
И сяду близъ тебя печальный и нѣмой,
И ноги хладныя....

Лампадою твой милый трупъ я освѣщу,
Мой взоръ движенія не встрѣтитъ;
Коснуся ногъ, къ себѣ ихъ на колѣни
Сложу и буду ждать... Чего?
Чтобъ силою мечтанья моего....

*

Межъ ними все рождало споры:
Племенъ забытыхъ договоры....
Касался разговоръ порой
И Русскихъ иногда поэтовъ.
Владиміръ слушалъ, какъ Евгеній
Немилосердно поражалъ....

*

Мнѣ было грустно, тяжко, больно;
Но, одолѣвъ меня въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ.
Я сталъ взирать его очами;
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ.

* * *

Надеждою младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Могилу переживъ, уноситъ мысли вѣчны
И память и любовь въ пучины безконечны:
Клянусь, давно бы я покинулъ мрачный міръ,
Я самъ разбилъ бы жизнь—уродливый кумиръ.
Но тщетно гордой умъ. . . желаетъ:
Ничтожествомъ могила ужасаетъ.
Какъ! Ничего во мнѣ!....
Узналъ бы я предѣлъ свободныхъ наслажденій,
Предѣлъ, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна плыветъ въ небесной чистотѣ;
Но тщетно предаюсь плѣнительной мечтѣ. . . .
И я на жизнь гляжу печально вновь
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милой
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой.

*

Какія бъ чувства ни кипѣли
Въ его измученной груди,
Давно, на долго ль присмирѣли.
Проснутся — подожди.

Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненье,
Порывы, сладость, упоенье
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженъ и тотъ, кто ихъ не зналъ.

Съ боку: «3 Nov. 1823 u. в. d. M. R. *)»

Страсть къ банку! Ни любовь свободы,
Ни Ѳебъ, ни дружба, ни пиры,
Не отвлекли-бъ въ минувши годы
Меня отъ карточной игры.
Всю ночь до свѣта
Бывалъ готовъ я въ эти лѣта
Допрашивать судьбы завѣтъ,
На лѣво ль выпадетъ валетъ.
Уже раздался звонъ обѣденъ. . . .
Ужъ я не тотъ и хладнокровно
Не ставлю....
Замѣтя тайное *руте*.
Атанде, слово роковое,
Мнѣ не приходитъ на языкъ,
Отъ рпомы тоже я отвыкъ.
Что буду дѣлать между тѣмъ?
Всѣмъ этимъ утомился я.
На дняхъ попробую, друзья,
Хотя. . . . .
Пріятно въ первый разъ конечно
У ногъ любовницы младой
Вздыхать и вѣрить ей безпечно.

*

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны.
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно.
Собою жертвовать смѣшно.
Имѣть восторженное чувство
Простительно въ 17 лѣтъ.
Кто чувству вѣритъ, тотъ поэтъ
Иль хочетъ выказать искусство
Предъ легковѣрною толпой.
Что жъ мы такое? Боже мой!
Но добрый юноша, готовый
Высокій подвигъ совершить,

*) Мадамъ Ризничъ? П. Б.

Не будетъ въ гордости суровой
Стихи порочные твердить.
Но праведникъ изнеможденный
Въ цѣпяхъ, на казни осужденный,
Съ лампадой, брежжущей во тьмѣ,
. . . . не склонитъ
На свитокъ вашъ очей своихъ
И на стѣнѣ вашъ вольный стихъ
. . . . не начертитъ,
Грядущимъ узникамъ въ привѣтъ.

—

Такъ! Онъ любилъ какъ въ наши лѣта....
Такъ въ Ольгѣ милую подругу
Владиміръ видѣть привыкалъ.
Ни дура Англійской породы,
Ни своенравная мамзель
Наставницы въ Россіи . . . . .
Необходимыя досель
. . . . Ольгѣ милой.
Ѳадѣевна рукою хилой
Ея качала колыбель,
Слала ей дѣтскую постель
„Помилуй мя“ читать учила,
Бову разсказывать . . .
Поутру наливала чай
И баловала невзначай.

—

Всегда тиха, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела....
Сидѣла съ книгой у окна.

—

И Ѳебу и Ѳемидѣ
Полезно посвящая дни,
Доселѣ ѣздятъ по Тавридѣ
И проповѣдуютъ Парни....
Но куколъ даже въ эти годы
Татьяна въ руки не брала.
Она привыкла вмѣстѣ кушать,
Сосѣдей вмѣстѣ навѣщать,
По праздникамъ обѣдню слушать,
А въ будни цѣлый день зѣвать.

Послѣ этого слѣд. черновое письмо:

Oui, sans doute, je l'ai devinée, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite d'Odessa, ci-devant hermite de

Kicheneff. J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappelé tant de folies, de tourments, d'esprit, de grâce, de mazourka etc. Mon Dieu, que vous êtes cruelle, madame, de croire que je puis m'amuser là où je ne puis ni vous rencontrer, ni vous oublier. Hélas, aimable Maiguine, loin de vous, tout malaise, tout maussade, mes facultés s'anéantissent. J'ai perdu jusqu' au talent des carricatures, quoique la femme du pr. Mourouzi soit si bien digne d'en inspirer. Je n'ai qu'une idée, celle de revenir encore à nos pieds et de vous consacrer, comme le disait un bon homme de poète, le petit bout de moi qui me reste. Vous rappelez-vous de la correction que vous avez fait dans le tems. Mon Dieu, si vous la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa? Venez au nom du Ciel. Nous aurons, pour vous attirer, bal, opéra italien, soirées, concert, sigisbées, soupirants, tout ce qui vous plaira. Je contreferai le singe et je vous dessinerai m-de de Wor. dans les 8 postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin, je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en parole; car ma conduite a toujours été telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler. Cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée? Encore une foi, venez au nom du Ciel et pardonnez moi des libertés avec lesquelles j'écris à celle qui a trop d'esprit pour être prude, mais que j'aime et que je respecte.

Quant à vous, charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter (quoique par grand hazard elle ne fut point contrepointée), ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon dévouement et de mes regrets.

*

Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ....

И такъ далѣе:

Покамѣстъ упивайтесь ею
Сей легкой жизнію, друзья....

*

Когда желаніемъ и нѣгой утомленный
Я на тебя гляжу колѣнопреклоненный,
И ты меня обнимешь и съ утра
Ты лѣчишь поцалуемъ,
Дыханьемъ жаркихъ устъ,—
Счастливъ я и не завидую богамъ.

*

«Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ поклонъ и свое почтеніе. Я также обнимаю васъ изъ про-

занческой Одессы и не благодарю ни за что, но въ полной мѣрѣ цѣню ваше воспоминаніе и дружескія попеченія, которымъ обязанъ я перемѣною моей судьбы.

J'ose espérer qu'un exil de quatre ans ne m'a pas effacé de votre mémoire.

Надобно подобно мнѣ провести три года въ душной Азіатской . . . . чтобы цѣнить и невольной воздухъ Европейской. Теперь мнѣ ничего бы не доставало, еслибы не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня. Я сталъ скученъ и благоразуменъ.

Кстати о стихахъ. Я люблю ихъ изъ эгоизма. Вы желаете имѣть оду на смерть Наполеона. Она не хороша. Вотъ вамъ самыя сильныя строфы.

Это послѣдній либеральный бредъ. На дняхъ я закаялся и, смотря и на Западъ Европы, и вокругъ себя, обратился къ Евангельскому источнику и написалъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Іисусовой....»

Вѣроятно эти слова относятся до стиховъ: «Свободы сѣятель пустынный».

* * *

Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ,
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ.
Я сталъ взирать его очами;
Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ.

*

Жуковскій . . . . святой Парнаса чудотворецъ
.... царедворецъ.
Крыловъ разбитъ параличемъ.

8 Дек. 1823.

Оборотъ 41 листа:

И взоръ его носился
Отъ замка Грузина до башенъ Гибралтара...
Свободою Гишпанія кипѣла

*

Быть можетъ.......стихъ небрежный
Переживетъ мой вѣкъ мятежный.
Могу воскликнуть
Exegi monumentum я.

*

Я узнаю сіи примѣты,
Примѣты вѣрныя любви....
(Сіи предвѣстія любви).
Для призраковъ закрылъ я вѣжды.
Не я первой, не я послѣдній,
Но что-жъ! Въ гостинной иль въ передней
Равно читаютъ.....
Надъ книгою права ихъ равны.
Не я второй, не я послѣдній.
Ихъ судъ услышу надъ собой
Ревнивый строгой и тупой.

*

Je vous envoye, général, les 360 roubles que je vous dois depuis si longtems. Veuillez recevoir mes remercîments. Quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire. Le suis confus de n'avoir pu jusqu'à présent vous passer cette dette. La faute est que je creuvais de misère. Agréez, général, l'assurance de mon profond respect.

*

Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнялъ твои колѣни!
Прощальныя и горестныя пѣни!
Все кончено, я слышу твой отвѣтъ.
Обманывать себя не стану,
Тебя преслѣдовать не буду
И про тебя, быть можетъ, позабуду.
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

ПИСЬМА КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Декабриста князя С. Г. Волконскаго.

Князь С. Г. Волконскій, внукъ фельдмаршала князя Репнина и братъ супруги князя Петра Михайловича Волконскаго (столь близкаго къ императору Александру Павловичу) находился въ самой благопріятной обстановкѣ и по службѣ занималъ видное мѣсто во второй арміи. Въ Каменкѣ его увлекли и закружили. Въ 1823 году, на маневрахъ въ Тульчинѣ, Государь благодарилъ его за отличное состояніе ввѣренной ему дивизіи, но тутъ же замѣтилъ, что совѣтуетъ ему еще больше заниматься службою, нежели дѣлами его имперіи. По благородному характеру своему, отмѣнно живому и впечатлительному, это былъ человѣкъ очень пригодный Пестелю, который тогда раздувалъ недовольство въ южныхъ войскахъ и въ тоже время увѣрялъ государя въ антимонархическомъ направленіи Грековъ, поднявшихся противъ Турціи. Нижеслѣдующее письмо относится ко времени второй ссылки Пушкина и писано передъ женитьбою князя Волконскаго на М. Н. Раевской, обворожительной и многоодаренной женщинѣ, которую Пушкинъ зналъ по близкой своей связи съ ея братьями и которая такъ невѣрно изображена въ извѣстныхъ стихахъ Некрасова. Письмо князя Волконскаго показываетъ, какъ онъ умѣлъ цѣнить геніальнаго юношу-Пушкина. Черезъ два года потомъ, когда у князя Волконскаго умеръ первый сынъ, а самъ онъ отправленъ въ Сибирь, Пушкинъ написалъ прекрасные надгробные стихи, въ которыхъ сказано про младенца, что онъ „благословляетъ мать и молитъ за отца“. *П. Б.*

С.-Петербургъ, 18 Октября 1824.

Любезный Александръ Сергѣевичъ. При отъѣздѣ моемъ изъ Одессъ, я не думалъ, что не буду болѣе имѣть удовольствіе, по возвращеніи моемъ съ Кавказа, съ вами видѣться, и что баловникъ Музъ, преслѣдуемый судьбою въ гражданскомъ своемъ бытіи, будетъ предметомъ новыхъ гоненій.

Сосѣдство и воспоминаніе о великомъ Новгородѣ, о вѣчевомъ колоколѣ и объ осадѣ Пскова, будетъ для васъ предметомъ піитическихъ

занятій, а соотечественникамъ вашимъ трудъ вашъ—памятникомъ славы предковъ и современника.

Посылаю къ вамъ письмо отъ Мельмота [1]). Сожалѣю, что самъ не имѣю возможности доставить вамъ оное и подтвердить о тѣхъ сплетняхъ, кои Московскія вертушки вамъ настряпали. Неправильно вы сказали о Мельмотѣ, что онъ въ природѣ *ничего не благословлялъ* [2]). Прежде я былъ съ вами согласенъ, но по опыту знаю, что онъ имѣетъ чувства дружбы благородной и неизмѣнной обстоятельствами.

Имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы и увѣренъ будучи, что всякое доброе о мнѣ извѣстіе будетъ вамъ пріятнымъ, увѣдомляю васъ о помолвкѣ моей съ Маріею Николаевною Раевскою. Не буду вамъ говорить о моемъ счастіи.

Всѣ ваши знакомые весьма сожалѣютъ, что лишены удовольствія васъ видѣть и что вѣроятно мѣсто пребыванія вашего не можетъ вамъ дать мѣстнаго развлеченія.

Я сего числа ѣду въ Кіевъ. Надѣюсь прежде половины Ноября предъ алтаремъ совершить свою свадьбу. Пробуду нѣсколько времени въ Кіевѣ, буду въ помѣстьяхъ новыхъ моихъ родственниковъ. И тамъ, какъ и здѣсь, буду часто о васъ говорить, и общія воспоминанія о васъ будутъ въ вашу пользу. Поручаю себя вашей дружеской и благосклонной памяти.

Навсегда и неизмѣнно вамъ преданный Сергѣй Волконскій.

P. S. Извѣщаю васъ, что я помѣстилъ, по порученію отца *Величаваго Рогоносца*, сына его въ Царскосельскій Лицей.

А. А. Бестужева (Марлинскаго).

9-го Марта 1825.

Долго не отвѣчалъ я тебѣ, любезный Пушкинъ; не вини: былъ занятъ механикою изданія Полярной. Она кончается (т. е. оживаетъ), и я дышу свободнѣе, и приступаю вновь къ литературнымъ спорамъ. Поговоримъ объ *Онѣгинѣ*.

Ты очень искусно отбиваешь возраженія на счетъ предмета; но я не убѣжденъ въ томъ, будто велика заслуга оплодотворить тощее поле предмета, хотя и соглашаюсь, что тутъ надобно много искусства и труда. Чудо—привить яблоки къ соснѣ; но это бываетъ, это дивитъ, а все таки яблоки пахнутъ смолою. Трудно попасть горошинкой въ

---

[1]) А. Н. Раевскаго.

[2]) Раевскій, въ шутку, заявлялъ притязаніе, зачѣмъ у Пушкина въ „Демонѣ“ сначала было *благословить онъ не хотѣлъ*, а потомъ: *благословить онъ не умѣлъ*. Первое больше ему нравилось. *П. Б.*

ушко иглы; но ты знаешь награду, которую назначилъ за это Филиппъ! Между тѣмъ какъ убить въ высотѣ орла, надобно и много искусства, и хорошее ружье. Ружье—талантъ, птица—предметъ. Для чего-жъ тебѣ изъ пушки стрѣлять въ бабочку? Ты говоришь, что многіе геніи занимались этимъ, я и не спорю; но если они ставили это искусство выше изящной, высокой поэзіи, то вѣрно шутя. Слова Буало, будто хорошій куплетецъ лучше иной поэмы, нигдѣ уже нынѣ не находятъ вѣрующихъ; ибо Рубанъ, безталанный Рубанъ написалъ нѣсколько хорошихъ стиховъ. Но читаемую поэму напишетъ не всякой. Проговориться не значитъ говорить; блеснуть можно и не горя. Чѣмъ выше предметъ, тѣмъ болѣе надобно силы, чтобы обнять его, его постичь, его одушевить. Иначе ты покажешься мошкою на пирамидѣ, муравьемъ, который силится поднять яйцо орла. Однимъ словомъ, какъ бы ни былъ великъ и богатъ предметъ стихотворенія, онъ станетъ такимъ только въ рукахъ генія. Сладокъ сокъ кокоса; но для того, чтобъ извлечь его, потребна не ребяческая сила. Въ доказательство тому приведу и примѣръ: что̀ можетъ быть поэтичественнѣе Петра, и кто написалъ его сносно? Нѣтъ, Пушкинъ, нѣтъ: никогда не соглашусь, что поэма заключается въ предметѣ, а не въ исполненіи. Что свѣтъ можно описывать въ поэтическихъ формахъ, это несомнѣнно; но далъ ли ты Онѣгину поэтическія формы, кромѣ стиховъ? Поставилъ ли ты его въ контрастъ со свѣтомъ, чтобъ въ рѣзкомъ злословіи показать его рѣзкія черты? Я вижу франта, который душой и тѣломъ преданъ модѣ; вижу человѣка, которыхъ тысячи встрѣчаю на яву, ибо самая холодность, и мизантропія, и странность теперь въ числѣ туалетныхъ приборовъ. Конечно многія картины прелестны; но онѣ не полны. Ты схватилъ Петербургскій свѣтъ, но не проникъ въ него. Прочти Байрона; онъ, не знавши нашего Петербурга, описалъ его схоже, тамъ гдѣ касалось до глубокаго познанія людей. У него даже притворное пустословіе скрываетъ въ себѣ замѣчанія философскія, а про сатиру и говорить нечего. Я не знаю человѣка, который бы лучше его, портретнѣе его очеркивалъ характеры, схватывалъ въ нихъ новые проблески страстей и страстишекъ. И какъ зла, и какъ свѣжа его сатира! Не думай однакожъ, что мнѣ не нравится твой *Онѣгинъ*; напротивъ. Вся мечтательная часть прелестна, но въ этой части я не вижу уже Онѣгина, а только тебя. Не отсовѣтываю даже писать въ этомъ родѣ, ибо онъ долженъ нравиться массѣ публики; но желалъ бы только, чтобъ ты разувѣрился въ превосходствѣ его надъ другими. Впрочемъ мое мнѣніе не аксіома; но я невольно отдаю преимущество тому, что̀ колеблетъ душу, что̀ ее возвышаетъ, что̀ трогаетъ Русское сердце; а мало ли такихъ предметовъ, и они ждутъ тебя! Стоитъ ли вырѣзывать

изображенія изъ яблочнаго сѣмячка, подобно браминамъ Индѣйскимъ, когда у тебя въ рукѣ рѣзецъ Праксителя? Страсти и время не возвращаются, и мы не вѣчны!!!

Озираясь назадъ, вижу мое письмо испещреное сравненіями. Извини эту Глинкинскую страсть, которая порой мнѣ припадаетъ. Извини мою искренность; я солдатъ и говорю прямо, въ комъ вижу прямое дарованіе. Ты великой льстецъ на счетъ Рылѣева и также справедливъ, сравнивая себя съ Баратынскимъ въ элегіяхъ, какъ говоря, что бросишь писать отъ перваго поэмъ. Униженіе паче гордости. Я, напротивъ, скажу, что кромѣ поэмъ тебѣ ничего писать не должно. Только избави Боже отъ эпопеи. Это богатый памятникъ словесности, но надгробный. *Мы не Греки и не Римляне*, и для насъ *другія сказки надобны.*

О здѣшнихъ новостяхъ словесныхъ и безсловесныхъ немногое можно сказать. Онѣ очень не длинны по объему, но весьма по скукѣ. Скажу только, что Козловъ написалъ *Чернеца* и, говорятъ, не дурно. У него есть искры чувства, но ливрея поэзіи на немъ еще не обносилась, и не дай Богъ судить о Байронѣ по его переводамъ: это лордъ въ Жуковскаго пудрѣ. Н. Языковъ точно имѣетъ весь запасъ поэзіи, чувство и охоту учиться, но пребываніе его на родинѣ немного дало полету воображенію. Пьесы въ П. З. только что отзываются прежними его произведеніями. Чтò же касается до Бар—го, я пересталъ вѣровать въ его талантъ. Онъ исфранцузился вовсе. Его *Едда* есть отпечатокъ ничтожности, и по предмету, и по исполненію; да и въ самомъ Черепѣ я не вижу цѣлаго: одна мысль хорошо выраженная, и только. Конецъ-мишура. Байронъ не захотѣлъ послѣ Гамлета пробовать этого сюжета и написалъ забавную надпись, о которой такъ важно толкуетъ Плетневъ. Скажу о себѣ: я съ жаждою глотаю Англинскую литературу и душой благодаренъ Англинскому языку: онъ научилъ меня мыслить, онъ обратилъ меня къ природѣ, это неистощимый источникъ! Я готовъ даже сказать: il n'y a point de salut hors la littérature anglaise. Если можешь, учись ему. Ты будешь заплаченъ сторицею за труды. Будь счастливъ, сколько можно: вотъ желаніе твоего

Бестужева.

Княгини Зинаиды Волконской.

Moscou, ce 29 Octobre 1826.

Il y a plusieurs jours que j'ai mis de côté pour vous ces deux lignes, cher monsieur Pouchkine; mais j'ai oublié de vous les remettre: c'est que quand je vous vois, je deviens *marâtre.* „Jeanne“ a été faite pour mon théâtre; j'ai joué ce rôle et voulais en faire un opéra; j'ai dû finir au

milieu de la pièce de Schiller. Vous aurez une lithographie de ma tête en Giovanna d'Arco, d'après Bruni. Vous la mettrez sur la première page, et vous vous souviendrez de moi. Revenez-nous. L'air de Moscou est plus léger. Un grand poëte russe doit écrire ou dans les steppes ou à l'ombre du Kremlin, et l'auteur de Boris Godounoff appartient à la cité des czars. Quelle est la mère qui a conçu l'homme dont le génie est toute force, toute grâce, tout abandon; qui, tantôt sauvage, tantôt européen, tantôt Shakspeare et Byron, tantôt Arioste, Anacréon, mais toujours Russe, passe du lyrique au dramatique, des chants doux, amoureux, simples, parfois rudes, romantiques ou mordants, au ton grave et naïf de la sévère histoire!

Au revoir, bientôt, j'espère.

Princesse Zénéide Volkonsky.

Переводъ.

Москва, 29 Октября 1826.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я отложила для васъ эту пару строкъ, любезный Пушкинъ, и все забывала передать ихъ вамъ, а все отъ того, что когда вижу васъ, то становлюсь мачихой относительно своихъ собственныхъ чадъ. «Іоанна» была написана для моего театра; я исполняла эту роль и хотѣла передѣлать ее въ оперу; пришлось кончить на половинѣ Шиллеровой пьесы. Вы получите литографію съ моего (головнаго) портрета въ видѣ Джіованны д'Арко, писаннаго Бруни. Приложите ее къ первой страницѣ и воспоминайте меня. Возвращайтесь! Московскій воздухъ какъ будто полегче. Великому Русскому поэту подобаетъ писать или среди раздолья степей, или подъ сѣнію Кремля; творецъ „Бориса Годунова" принадлежитъ городу царей. Отъ какой матери родился человѣкъ, геній котораго весь сила, изящество, непринужденность, который, являясь то дикаремъ, то Европейцемъ, то Шекспиромъ и Байрономъ, то Аріостомъ или Анакреономъ, но всегда оставаясь Русскимъ, умѣетъ переноситься отъ лиры къ драмѣ, отъ пѣсенъ, то полныхъ любовной нѣги, то простодушныхъ, то подъ-часъ даже суровыхъ, то романтическихъ, то ѣдкихъ — къ важному и безъискусственному тону строгой исторіи! До скораго свиданія, надѣюсь. Княгиня Зинаида Волконская.

*

Отвѣтомъ на это письмо вѣроятно и было извѣстное посланіе, въ которомъ Пушкинъ уподобляетъ себя кочевой Цыганкѣ. *П. Б.*

П. Я. Чадаева.

I.

Eh bien, mon ami, qu'est devenu mon manuscrit? Point de nouvelles de vous depuis votre départ. J'ai d'abord hésité de vous écrire pour vous en parler, voulant, selon mon usage, laisser faire au tems son affaire; mais après réflexion, j'ai trouvé que pour cette fois le cas était différent. J'ai, mon ami, achevé tout ce que j'avais à faire, j'ai dit tout ce que j'avais à dire: il me tarde d'avoir tout cela sous la main. Faites donc en sorte, je vous prie, que je n'attende pas trop longtems mon ouvrage, et écrivez-moi bien vite ce que vous en avez fait. Vous savez de quoi il s'agit pour moi? Ce n'est point de l'effet ambitieux, mais de l'effet utile. Ce n'est pas que je n'eusse désiré sortir un peu de mon obscurité, attendu que ce serait un moyen de donner cours à la pensée que je crois avoir été destiné à livrer au monde; mais la grande préoccupation de ma vie, c'est de compléter cette pensée dans l'intérieur de mon âme et d'en faire mon héritage.

Il est malheureux, mon ami, que nous ne soyons pas arrivés à nous joindre dans la vie. Je persiste à croire que nous devions marcher ensemble et qu'il en aurait résulté quelque chose d'utile et pour nous et pour autrui. Ce retour m'est venu à l'esprit, depuis que je vais quelquefois, devinez où?—au club anglais. Vous y alliez, me disiez-vous; je vous y aurais rencontré, dans ce local si beau, au milieu de ces colonnades si grecques, à l'ombre de ces beaux arbres; la puissance d'effusion de nos esprits n'aurait pas manqué à se produire d'elle-même. J'ai éprouvé souvent chose semblable.

Bon jour, mon ami. Ecrivez-moi en russe; il ne faut pas que vous parliez d'autre langue que celle de votre vocation. J'attends de vous une bonne longue lettre; parlez-moi de tout ce que vous voudrez: tout m'intéressera venant de vous. Il faut nous mettre en train; je suis sûr que nous trouverons mille choses à nous dire. A vous et bien à vous, du fond de mon âme.

Tchadaieff.

17 juin (1831).

Переводъ. Что же однако сталось съ моей рукописью, другъ мой? Съ отъѣзда вашего нѣтъ отъ васъ вѣстей. Сперва было я не хотѣлъ писать вамъ по сему поводу, думая по моему обычаю предоставить дѣло времени; но,

поразмысливъ, нахожу, что на сей разъ иное дѣло. Я, мой другъ, окончилъ все, все высказалъ что̀ имѣлъ высказать; мнѣ бы теперь поскорѣй хотѣлось имѣть все это подъ руками. Постарайтесь же, пожалуйста, чтобы мнѣ не слишкомъ долго дожидаться своего труда и напишите мнѣ поскорѣе, что̀ вы съ нимъ подѣлали. Вамъ вѣдь извѣстно мое намѣреніе? Не эффектъ для самолюбія, а полезное дѣйствіе. Не то, чтобы я уже вовсе не желалъ немножко выйдти изъ моей безвѣстности: это помогло бы дать ходъ идеѣ, которую я считаю себя призваннымъ передать міру. Главный же мой интересъ въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы эту самую идею дополнить въ глубинѣ моей души и оставить ее въ наслѣдство послѣ себя.

Несчастіе, другъ мой, что не пришлось намъ съ вами тѣснѣе сойтись въ жизни. Я по прежнему стою на томъ, что мы съ вами должны были идти вмѣстѣ и что изъ этого вышло бы что нибудь полезное и для самихъ насъ, и для ближняго. Такой возвратъ мысли приходитъ мнѣ на умъ съ тѣхъ поръ, какъ я началъ ѣздить иногда, куда бы вы думали?—въ Англійскій клубъ. Вы говорили мнѣ, что тоже ѣзжали туда; тамъ я встрѣчалъ бы васъ. Въ этомъ столь прекрасномъ помѣщеніи, среди этихъ столь Греческихъ колоннъ, подъ тѣнью этихъ великолѣпныхъ деревьевъ, не преминула бы сама собою сказаться способность изліянія умовъ нашихъ. Я часто испытывалъ подобное.

Прощайте, другъ мой! Пишите мнѣ порусски: вамъ не подобаетъ говорить иначе, какъ на языкѣ вашего призванія. Жду отъ васъ очень длиннаго посланія; пишите мнѣ о чемъ хотите; все исходящее отъ васъ будетъ для меня интересно. Надо намъ разговориться; я увѣренъ, что найдемъ бездну вещей сказать другъ другу. Вашъ, весь вашъ, отъ глубины души

Чадаевъ.

17 Іюня 1831.

2.

Mon cher ami. Je vous ai écrit pour vous redemander mon manuscrit; j'attends réponse. Je vous avoue que j'ai hâte de le ravoir; renvoyez-le moi, je vous prie, au premier jour. J'ai lieu de croire que je puis incessamment en tirer partie, et lui faire voir le jour avec le reste de mes écritures.

N'auriez-vous pas reçu ma lettre? Vu la grande calamité qui nous afflige, cela ne serait pas impossible. On me dit que Tsarskoé-Sélo est intact. Je n'ai pas besoin de vous dire combien j'ai été heureux de l'apprendre. Pardonnez-moi, mon ami, de vous occuper de moi au moment où l'ange de la mort plane si effroyablement sur la contrée que vous habitez. Je ne l'aurais pas fait si vous habitiez Pétersbourg même; mais c'est l'assurance de la sécurité dont vous jouissez encore où vous êtes, qui m'a donné le coeur de vous écrire.

Combien il me serait doux, mon ami, si à l'occasion de cette lettre vous me donniez de bien amples nouvelles de vous, si vous continuiez de m'en donner tant que l'épidémie durerait chez vous. Puis-je y compter? Je fais des voeux infinis pour votre salut et vous embrasse bien tendrement. Écrivez moi, je vous prie. Votre fidèle Tchadayeff.

7 juillet 1831.

Переводъ. Любезный другъ! Я писалъ вамъ, чтобы получить мою рукопись; жду отвѣта. Признаюсь, я очень спѣшу имѣть ее обратно; пожалуйста вышлите завтра же. Я имѣю основаніе думать, что ей можно будетъ теперь же дать ходъ и выпустить ее въ свѣтъ вмѣстѣ съ другими моими писаніями.

Развѣ, быть можетъ, письмо не дошло до васъ? Это не невозможно, въ виду тяготѣющаго надъ нами страшнаго бѣдствія. Мнѣ сказывали, Царское Село не тронуто. Нужно ли говорить, какъ я былъ счастливъ узнать это! Простите, другъ мой, что занимаю васъ собою въ такую пору, когда ангелъ смерти такъ грозно носится надъ мѣстами, гдѣ вы теперь находитесь. Я ни за что бы и не рѣшился на это, живи вы въ самомъ Петербургѣ; но увѣренность въ вашей безопасности тамъ, гдѣ вы теперь обитаете, придаетъ мнѣ смѣлость писать вамъ.

Какая была бы для меня отрада, другъ мой, если бы въ отвѣтъ на это письмо вы прислали бы мнѣ подробныя вѣсти о себѣ и продолжали бы присылать ихъ до тѣхъ поръ, пока въ вашихъ краяхъ будетъ держаться эпидемія. Могу ли я на это разсчитывать? Безконечно желая вашего спасенія, обнимаю васъ отъ всего сердца. Напишите же, пожалуйста. Вашъ вѣрный *Чадаевъ.*

7 Іюля 1831.

3.

Eh bien, mon ami, qu'avez vous fait de mon manuscrit? Le choléra l'aurait-il empesté? Mais le choléra, dit-on, n'est pas venu chez vous. N'aurait-il pas pris la clef des champs, par hasard? Mais en ce cas, donnez m'en, je vous prie, avis quelconque. J'ai eu grand plaisir à revoir de votre écriture. Elle m'a rappelé un tems qui ne valait pas grande chose, à la vérité, mais où il y avait encore espoir; les grandes déceptions n'étaient pas encore advenues. Je parle de moi, vous entendez bien; mais pour vous aussi il y avait, je crois, de l'avantage à n'avoir pas encore épuisé toutes les réalités. Douces et brillantes ont été vos réalités à vous, mon ami; cependant, toujours, y en a-t-il qui valent les fausses attentes, les trompeurs pressentiments, les menteuses visions de l'heureux âge des ignorances?

Vous voulez causer, disiez vous: causons. Mais prenez garde, je ne suis pas riant; vous, vous êtes nerveux. Et voyons, de quoi causerons nous? Je n'ai qu'une pensée, vous le savez. Si, par aventure, je trouve d'autres idées dans mon cerveau, elles se rattacheront certainement à celle-là: voyez si cela vous arrange. Encore si vous me suscitiez quelques idées de votre monde, si vous me provoquiez? Mais vous voulez que je parle le premier, soit; mais encore, ma foi, gare aux nerfs!

Donc voici ce que je vais vous dire. Vous êtes-vous aperçu qu'il se passe quelque chose d'extraordinaire dans les entrailles du monde moral, quelque chose de semblable à ce qui se passe, dit-on, dans les entrailles du monde physique? Or, dites-moi, je vous prie, comment en êtes-vous affecté? Il me semble, quant à moi, que c'est la nature poétique tout-à-fait, ce grand renversement des choses; vous ne sauriez y être indifférent, d'autant que l'égoïsme de la poésie y a ample pâture, à ce que je crois. Le moyen de n'être pas soi-même froissé dans ses plus intimes sentiments, au milieu de ce froissement général de tous les éléments de la nature humaine! J'ai vu tantôt une lettre de votre ami, le grand poëte: c'est un enjouement, une hilarité, qui font peur. Pouviez-vous me dire comment cet homme, qui avait naguère une tristesse pour chaque chose, ne trouve-t-il pas aujourd'hui une seule petite douleur pour la ruine d'un monde? Car regardez, mon ami: n'est-ce point là vraiment un monde qui périt, si, pour qui ne sait pressentir le monde nouveau qui va surgir en sa place, ce n'est pas autre chose qu'une ruine affreuse qui se fait. N'auriez vous pas non plus un sentiment, une pensée à donner à cela? Je suis sûr que le sentiment et la pensée se couvent à votre insu dans quelque profondeur de votre âme; seulement, sans produire au dehors, ils sont ensevelis, probablement; ils sont dans ce tas de vieilles idées, d'habitude, de convenance, dont, vous avez beau dire, tout poëte est inévitablement pétri, quoiqu'il fasse, attendu, mon ami, que depuis l'indien Valmiki, le chantre du Ramayâna, et le grec Orphée, jusqu'à l'écossais Byron, tout poëte a été tenu jusqu'à cette heure de redire toujours la même chose, dans quelque lieu du monde qu'il eût chanté.

Oh, que je voudrais pouvoir évoquer à la fois toutes les puissances de votre être poétique! Que je voudrais en tirer, dès ce moment, tout ce qui, je sais, s'y tient caché, pour que vous nous fassiez aussi un jour entendre un de ces chants que veut le siècle! Comme tout alors,

qui s'en va aujourd'hui devant vous sans laisser nulle trace en votre esprit, aussitôt vous frapperait! Comme tout prendrait face nouvelle à vos yeux!

En attendant, causons toujours. Il y a quelque tems, il y a un an, le monde vivait dans la sécurité du présent et de l'avenir, récapitulait en silence son passé et s'en instruisait. L'esprit se régénérait dans la paix, la mémoire humaine se renouvelait, les opininons se reconciliaient, la passion s'étouffait, les colères se trouvaient sans aliment, les vanités se satisfaisaient dans de beaux travaux; tous les besoins de l'homme se circonscrivaient peu à peu dans l'intelligence, et tous leurs intérêts allaient peu à peu aboutir au seul intérêt du progrès de la raison universelle. Pour moi c'était foi, c'était crédulité infinies. Dans cette paix heureuse du monde, dans cet avenir je trouvais ma paix, mon avenir. Est survenue tout-à-coup la bêtise d'un homme, d'un de ces hommes appelés, sans leur aveu, à diriger les affaires humaines. Voilà que sécurité, paix, avenir, tout devint aussitôt néant. Songez-y bien; ce n'est pas un de ces grands événements, faits pour bouleverser les empires et ruiner les peuples, qui a fait cela; la niaiserie d'un seul homme! Dans votre tourbillon vous n'avez pu ressentir la chose comme moi; c'est tout simple. Mais se peut-il que cette prodigieuse aventure qui n'a point sa pareille, toute empreinte de Providence qu'elle est, ne vous apparaisse que comme prose toute commune, ou au plus comme poésie didactique, par exemple comme un tremblement de Lisbonne dont vous n'auriez que faire? Pas possible! Moi, je me sens la larme à l'oeil, quand je regarde ce vaste désastre de la vieille, de ma vieille société; ce mal universel, tombé sur mon Europe d'une manière si imprévue, a doublé mon propre mal. Et pourtant oui, de tout cela il ne sortira que du bien; j'en ai la certitude parfaite, et j'ai la consolation de voir que je ne suis point le seul à ne pas désespérer du retour de la raison à la raison. Mais comment se fera-t-il ce retour, quand? Sera-ce par quelque puissant esprit, délégué extraordinairement par la Providence, pour opérer cet oeuvre, ou bien par une suite d'événements par elle suscités pour éclairer le genre humain? Ne sais. Mais une vague conscience me dit que bientôt viendra un homme nous apporter la vérité du tems. Peut-être sera-ce quelque chose d'abord de semblable à cette religion politique prêchée en ce moment par S. Simon dans Paris, ou bien un catholicisme de nouvelle espèce que quelques prêtres téméraires préten-

dent, dit-on, substituer à celle que la sainteté du tems avait faite. Pourquoi non? Que le premier branle du mouvement qui doit achever les destinées du genre humain, se fasse de telle ou telle sorte, qu'importe? Beaucoup de choses qui avaient précédé le grand moment où *la bonne nouvelle* fut annoncée autrefois par un Envoyé Divin, avaient été destinées à préparer l'univers; beaucoup de choses aussi se passeront sans doute de nos jours à fin semblable, avant que *la nouvelle bonne nouvelle* nous soit apportée du ciel. Attendons.

Ne parle-t-on pas d'une guerre générale? Je dis qu'il n'en sera rien. Non, mon ami, les voies de sang ne sont plus les voies de la Providence. Les hommes auront beau être bêtes, ils ne se déchireront plus comme des bêtes: le dernier fleuve de sang a coulé, et à cette heure, au moment où je vous écrit, la source en est, grâce à Dieu, tarie. Sûrement, orages et calamités nous menacent encore; mais ce n'est plus des larmes du peuple que leur viendront les biens qu'ils sont destinés à obtenir; désormais il n'y aura plus de guerre que de guerre épisodique, quelques guerres absurdes et ridicules, pour mieux dégoûter les hommes de leurs habitudes de meurtre et de destruction. Avez-vous vu ce qui vient de se passer en France? Ne s'était-on pas imaginé qu'elle allait mettre le feu au quatre coins du monde? Eh bien, point du tout; qu'arrive-t-il? Aux amateurs de gloire, d'envahissement, on a ri au nez; les gens de paix et de raison ont triomphé; les vieilles phrases qui résonnaient si bien tantôt aux oreilles françaises, n'ont plus d'écho pour elles.

De l'écho! Voilà que j'y songe. Fort heureux sans doute que m-rs Lamarque et consorts ne trouvent pas d'écho en France; mais moi, en trouverai-je, mon ami, dans votre âme? Nous verrons. Voilà, cependant, un doute qui me fait tomber la plume de la main. Il ne tiendra qu'à vous de me la faire ramasser; un peu de sympathie dans votre prochaine lettre. M-r Nastchokine dit que vous êtes singulièrement paresseux. Fouillez un peu dans votre tête, et surtout dans votre coeur, qui bat si chaud quand il le veut: vous y trouverez plus de sujets qu'il ne nous en faut pour nous et pour le reste de nos jours. Adieu, cher et vieil ami. Et mon manuscrit donc? J'allais l'oublier. Vous, ne l'oubliez pas, je vous prie.

Tchadaeff.

18 Septembre (1831).

J'apprends que vous êtes nommé, ou comment est-ce que vous êtes chargé d'écrire l'histoire de Pierre-le-Grand? A la bonne heure! Je vous en

félicite du fond de mon âme. J'attendrai pour vous en dire quelque chose que vous m'en parliez vous-même. Adieu donc.

Voilà que je viens de voir vos deux pièces de vers. Mon ami, jamais vous ne m'avez fait tant de plaisir. Enfin, vous voilà poëte national; vous avez enfin deviné votre mission. Je ne puis vous exprimer la satisfaction que vous m'avez fait éprouver. Nous en reparlerons une autre fois, et beaucoup. Je ne sais si vous m'entendez bien? La pièce aux ennemis de la Russie est surtout admirable; c'est moi qui vous le dis. Il y a là plus de pensées que l'on n'en a dit et fait depuis un siècle en ce pays. Oui, mon ami, écrivez l'histoire de Pierre-le-Grand. Tout le monde n'est pas de mon avis ici, vous vous en doutez bien; mais laissons les dire et avançons; quand l'on a deviné..... un bout de la puissance qui nous pousse, une seconde fois, on la devinera.... entière bien sûr. J'ai envie de me dire: voici venu notre Dante enfin.... [1]) peut-être trop hâtif. Attendons.

На адресѣ: „Его всбл. м. государю А. С. Пушкину, въ Царскомъ Селѣ въ домѣ Панаевой". Почтовый штемпель: „Москва. Сентября 28".

Переводъ. Ну, мой другъ, что́ же вы сдѣлали съ моей рукописью? Ужъ не пристала ли къ ней холера? Говорятъ, впрочемъ, у васъ холера не показывалась. Развѣ не бѣжала ли рукопись какъ нибудь? Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, дайте знать. У меня было большое удовольствіе увидѣть опять вашъ почеркъ. Онъ мнѣ напомнилъ то прежнее время, въ которомъ, сказать правду, было немного хорошаго, но когда еще жива была надежда, когда еще не наступала пора великихъ разочарованій. Понимаете, я говорю о себѣ; но и вамъ, думается, было лучше, когда еще не до дна исчерпалась дѣйствительность. Другъ мой, ваша дѣйствительность была свѣтла и блестяща; но существуетъ ли такая дѣйствительность, которая могла бы сравняться съ обманчивыми ожиданіями и предчувствіями, съ лживыми призраками блаженнаго возраста невѣдѣнія?

Вамъ, говорили вы, хотѣлось бы побесѣдовать; давайте бесѣдовать. Но берегитесь: я, вы знаете, не изъ веселыхъ, а вы — человѣкъ нервный. Ну-те, о чемъ мы станемъ бесѣдовать? У меня одна идея, вы это знаете. Если бы, по какой нибудь случайности, и оказались въ моемъ мозгу еще какія нибудь другія мысли, то онѣ не замедлили бы приклеиться все къ той же, одной идеѣ; глядите, будетъ ли это вамъ удобно? Если бы еще вы возбудили во мнѣ какія нибудь мысли отъ вашего міра, если бы вы вызвали меня? Но вамъ угодно, чтобы я заговорилъ первый, быть такъ; но еще разъ, право, берегите нервы!

---

[1]) Подлинникъ оборванъ. П. Б.

Вотъ что я вамъ собираюсь сказать. Примѣтили ли вы, что въ нѣдрахъ нравственнаго міра совершается нѣчто чрезвычайное, подобное тому, что, говорятъ, происходитъ въ нѣдрахъ физическаго міра? Скажите же, какъ это на васъ дѣйствуетъ? По моему, въ этомъ великомъ переворотѣ—поэзія природы; а вы не можете оставаться къ нему равнодушнымъ, уже потому, мнѣ кажется, что въ этомъ представляется обильная пища для эгоизма поэта. Есть ли возможность не чувствовать себя задѣтымъ въ своихъ самыхъ сокровенныхъ чувствахъ, когда задѣваются всѣ основы человѣческой природы! На дняхъ мнѣ случилось видѣть письмо вашего пріятеля, великаго поэта: это беззаботная веселость, наводящая ужасъ. Скажите на милость, какимъ это образомъ человѣкъ, который, въ былое время, печалился по всякому поводу, не находитъ въ себѣ ниже малѣйшей скорби теперь, когда валится цѣлый міръ?![1]) Ибо, поглядите, другъ мой, рѣзвѣ же это не погибель міра? Развѣ тотъ, кто неспособенъ предчувствовать инаго, новаго міра, имѣющаго возникнуть на мѣстѣ прежняго, можетъ видѣть во всемъ этомъ что нибудь, какъ не одно ужасное разрушеніе? Неужели и у васъ тоже не найдется, по этому поводу, ни одной мысли, ни одного чувства? Я увѣренъ, что мысль эта, это чувство, они есть у васъ, только запрятанныя глубоко, невѣдомо для самихъ васъ, въ какомъ нибудь затаенномъ уголкѣ вашей души; пробиться на свѣтъ Божій имъ нельзя — они затеряны подъ грудой старыхъ понятій, привычекъ и условностей, изъ какихъ, что ни говорите, неизбѣжно слитъ всякій поэтъ, что онъ ни дѣлай; ибо, другъ мой, со дней Индуса Вальмики, пѣвца Рамайяны и Греческаго Орфея, до Шотландца Байрона, всѣ до одного поэта обречены до сего дня пересказывать вѣчно одно и тоже, въ какомъ бы уголкѣ вселенной ни раздавалась ихъ пѣснь.

О, какъ бы хотѣлось мнѣ разомъ вызвать наружу всю мощь вашего поэтическаго дарованія! Какъ бы хотѣлось мнѣ теперь же добыть изъ ея глубины все, что я знаю, таится въ ней, дабы и вы дали намъ услышать одинъ изъ тѣхъ гимновъ, которыхъ жаждетъ вѣкъ нашъ! О тогда, какъ поразились бы вы мгновенно всѣмъ, что теперь проходитъ предъ вами, не оставляя ни малѣйшаго слѣда въ вашемъ духѣ! Какъ преобразилось бы тогда все предъ вашимъ взоромъ!

А покамѣстъ давайте все-таки побесѣдуемъ. Недавно, всего какой нибудь годъ тому назадъ, міръ жилъ себѣ съ чувствомъ спокойной увѣренности въ своемъ настоящемъ и будущемъ, мирно припоминая свое прошедшее и поучаясь имъ. Духъ возрождался въ спокойствіи, память человѣческая обновлялась, мнѣнія примирялись, стихала страсть, раздраженія не находили себѣ пищи, честолюбіе получало удовлетвореніе въ прекрасныхъ трудахъ, всѣ потребности человѣка мало по малу сводились въ предѣлы умственной сферы, всѣ интересы

---

[1]) Говорится про Жуковскаго. П. Б.

были готовы сойтись на единомъ интересѣ всеобщаго прогресса разума. Для меня это было—вѣра, довѣрчивость безконечная! Въ этомъ счастливомъ мирѣ міра, въ этомъ будущемъ я обрѣталъ и мой собственный миръ, видѣлъ мое собственное будущее. И случилась вдругъ глупость одного человѣка, одного изъ тѣхъ людей, которые, невѣдомо для нихъ самихъ, бываютъ призваны управлять человѣческими дѣлами, и вотъ: спокойствіе, миръ, будущее, все вдругъ разлетѣлось прахомъ. Подумайте хорошенько: все это произведено не однимъ изъ великихъ событій, сокрушающихъ царства и народы; нѣтъ, дурость одного человѣка! Вамъ въ томъ вихрѣ, въ которомъ вы вращаетесь, нельзя было почувствовать этого такъ, какъ почувствовалъ я: это понятно. Но можетъ ли же быть, чтобы это изумительное приключеніе, которому еще не бывало подобныхъ, всецѣло отмѣченное перстомъ Промысла, представлялось вамъ лишь обыденной прозой, или много-много дидактической поэмой, въ родѣ какого нибудь Лиссабонскаго землетрясенія [1]), для васъ ни къ чему непригодной.

Быть этого не можетъ! Нѣтъ, у меня, такъ чувствую, слезы навертываются, когда погляжу на это великое бѣдствіе стараго, моего стараго общества. Это всеобщее горе, обрушившееся столь внезапно на мою Европу, усугубило мое личное горе. А между тѣмъ, да, такъ! Изъ всего этого имѣетъ выйти одно только благо; я глубоко убѣжденъ въ этомъ и имѣю утѣшеніе видѣть, что не одинъ я не теряю надежды на образумленіе разума. Но какъ и когда это совершится? Однимъ ли сильнымъ умомъ, нарочно посланнымъ на сіе Провидѣніемъ, или рядомъ событій, которыя Оно вызоветъ для просвѣщенія человѣчества? Не вѣдаю. Но какое-то смутное чутье говоритъ мнѣ, что скоро имѣетъ явиться человѣкъ, повѣдать намъ истину, потребную времени. Кто знаетъ, быть можетъ это будетъ, во первыхъ, нѣчто въ родѣ той политической религіи, что̀ Сенъ-Симонъ теперь проповѣдуетъ въ Парижѣ; либо католицизмъ новаго рода, какимъ нѣкоторые дерзновенные священники хотятъ замѣнять католицизмъ созданный и освященный вѣками. Отчего и не такъ? Какое дѣло, тѣмъ ли, инымъ ли способомъ будетъ данъ первый толчокъ тому движенію, которое долженствуетъ завершить судьбы человѣчества! Многое предшествовавшее тому великому моменту, въ который Божественный Посланникъ нѣкогда возвѣстилъ міру *благую вѣсть*, было предназначено приготовить міръ; многому подобному суждено, безъ сомнѣнія, совершиться и въ наши дни, прежде чѣмъ и намъ будетъ принесено *новое благовѣстіе* съ небесъ. Будемъ ждать.

Толкуютъ о всеобщей войнѣ. Не бывать этому, говорю я. Нѣтъ, другъ мой: кровавые пути перестали быть путями Провидѣнія. Какими бы лютыми звѣрями ни оставались люди, терзать другъ друга, подобно звѣрямъ, они болѣе не будутъ; послѣдній кровавый потокъ пронесся, и теперь, когда я пишу вамъ, благодареніе Богу, изсякъ его источникъ. Конечно, бури и бѣдствія еще

---

[1]) Ссылка на поэму Расина-сына: Le Tremblement de terre de Lisbonne. М. Ж.

угрожаютъ намъ, но уже не изъ слезъ народовъ возникнутъ тѣ блага, которыя суждено имъ стяжать впередъ. Отнынѣ войны, какія еще имѣютъ быть, будутъ только эпизодическаго характера; это будутъ такъ себѣ какія-нибудь нелѣпыя, смѣха достойныя, войны, какъ бы ради того только, чтобы тѣмъ вѣрнѣе излѣчить людей отъ привычки къ убійству и разрушенію. Примѣтили ли вы, что̀ произошло во Франціи? Развѣ не воображали, что вотъ-вотъ Франція подожжетъ міръ со всѣхъ четырехъ угловъ? И вовсе нѣтъ! Что же вышло на дѣлѣ? Охотники до славы и завоеваній осмѣяны, восторжествовали люди мирные и разумные; старыя фразы, нѣкогда звучавшія такъ хорошо для ушей Французовъ, остаются уже безъ отзыва!

Отзывъ! Вотъ, благо, вздумалъ. Прекрасно, что̀ и говорить, что господа Лямаркъ съ товарищи не нашли себѣ отголоска во Франціи; но я, другъ мой, я найду ли себѣ отзвукъ въ вашей душѣ? Увидимъ. Между тѣмъ, отъ этого сомнѣнія у меня изъ рукъ выпадаетъ перо. Отъ васъ будетъ зависѣть заставить меня взяться за него опять; немножко сочувствія въ вашемъ будущемъ письмѣ! Господинъ Нащокинъ сказываетъ, что вы страшно лѣнивы. Поройтесь-ка немножко у себя въ головѣ, и особенно въ сердцѣ, которое умѣетъ биться такъ горячо, когда захочетъ: вы отыщите въ немъ больше матеріаловъ, чѣмъ нужно намъ и на всѣ остальные годы наши. Прощайте, старый и добрый другъ. А рукопись-то моя? Чуть было и не позабылъ. Пожалуйста вы-то не позабудьте.

Чадаевъ.

18 Сентября (1831).

Слышу, что вы получили назначеніе, или какъ бишь, поручено вамъ писать исторію Петра Великаго. Въ добрый часъ! Отъ глубины души поздравляю. Я подожду говорить вамъ объ этомъ предметѣ, пока вы сами мнѣ о немъ скажете. Прощайте-же.

Сейчасъ видѣлъ два вашихъ новыхъ стихотворенія. Другъ мой, никогда еще вы не доставляли мнѣ столько удовольствія. Наконецъ-то вы—народный поэтъ; наконецъ-то вы разгадали свое призваніе. Словъ не нахожу выразить вамъ то удовлетвореніе, которое вы меня заставили испытать. Объ этомъ мы съ вами поговоримъ въ другой разъ, и поговоримъ много.... Не знаю, вполнѣ ли вы меня разумѣете? Особенно дивно хороши стихи къ врагамъ Россіи [1]); вѣрьте моему слову: въ нихъ больше мыслей, чѣмъ сказано и сдѣлано въ цѣлый вѣкъ въ странѣ сей... Да, другъ мой, пишите исторію Петра Великаго. Не всѣ здѣсь моего мнѣнія, вы это сами знаете; ну, да оставимъ ихъ говорить, а сами впередъ.... Какъ скоро разгадана.... доля той силы, которая насъ толкаетъ.... въ другой разъ разгадаемъ и сполна, въ этомъ я убѣжденъ. Мнѣ такъ и хочется сказать себѣ: вотъ онъ, наконецъ, нашъ Дантъ.... быть можетъ слишкомъ поспѣшный. Подождемъ.

---

[1]) Чадаевъ хочетъ сказать: Клеветникамъ Россіи.

Фонъ-Фока.

Monsieur,

Infiniment flatté de la confiance dont vous avez bien voulu m'honorer, je vous supplie d'agréer les expressions de ma reconnaisance aussi sincère que sensible.

Permettez-moi cependant, monsieur, de vous assurer avec ma franchise ordinaire, en vous restituant la minute de la supplique que vous avez eu la bonté de me communiquer, que je suis bien loin de protéger tel littérateur que ce soit aux dépens de ses confrères. Il y a malheureusement des personnes qui s'attachent d'une manière trop bénévole à jeter de l'ombrage sur les circonstances les plus innocentes. C'est ainsi qu'on s'est plu aussi à m'attribuer une influence que je n'ai jamais exercée et qui serait diamétralement opposée à mes principes. Les éditeurs de l'Abeille du Nord me sont plus particulièrement connus par des relations antérieures, purement sociales; ce sont les seuls de tous les gens de lettres qui viennent me voir de tems en tems et avec lesquels j'ai fait quelquefois échange d'opinions littéraires, sans cependant jamais me ranger exclusivement de leur avis. La prédilection qu'on m'attribue pour ces messieurs est donc absolument gratuite et même un tant soit peu méchante. Quant aux articles politiques que je leur envoie de tems en tems, pour être insérés dans leur journal, je le fais *ex officio*, par autorisation de m-r le général de Benckendorf, qui y appose ordinairement son approbation par écrit. Par cette même raison, je me permets de croire que vous feriez peut-être bien de vous adresser à l'égard de votre projet à m-r le général de Benckendorf, qui vous a constamment donné des preuves évidentes de sa bienveillance particulière.

Par acquit de conscience et pour répondre à votre aimable confiance, monsieur, j'ai cru devoir vous exposer ces détails.

En vous souhaitant les succès les plus brillants dans votre entreprise, je serai très-certainement un des premiers à m'en réjouir et à féliciter le public de ce qu'un talent aussi distingué que le vôtre contribuera à lui procurer autant de plaisir que d'instruction.

Veuillez recevoir finalement les expressions de ma considération très-distinguée.

M. de Fock.

Le 8 de Juin 1831.

Переводъ. Милостивый государь! Безконечно польщенный довѣріемъ, которымъ вамъ угодно было почтить меня, усерднѣйше прошу васъ принять выраженіе моей столь же искренней, сколь чувствительной признательности.

Но однако дозвольте мнѣ, милостивый государь, возвращая при семъ черновую прошенія, которую вы были такъ добры мнѣ сообщить, увѣрить васъ, съ моей всегдашней откровенностію, что я далекъ отъ покровительства какому либо литератору на счетъ его собратовъ.

Къ несчастью есть лица, слишкомъ охотно старающіяся бросать тѣнь на обстоятельства самаго невиннаго свойства. Такъ и мнѣ вздумали приписывать вліяніе, котораго я никогда не имѣлъ и которое было бы діаметрально противоположно моимъ правиламъ. Издатели „Сѣверной Пчелы" болѣе близко знакомы мнѣ вслѣдствіе прежнихъ, чисто-общежительныхъ отношеній; они единственные изъ всѣхъ литераторовъ, которые иногда навѣщаютъ меня и съ которыми я мѣнялся мыслями по предметамъ, касающимся литературы, никогда впрочемъ не становясь исключительно на сторону ихъ воззрѣнія. Итакъ, приписывать мнѣ предпочтеніе къ этимъ господамъ не только совершенно неосновательно, но даже немного зло. Что касается статей политическаго содержанія, изрѣдка доставляемыхъ мною для помѣщенія въ издаваемой ими газетѣ, то это дѣлается мною по обязанности, по указанію генерала Бенкендорфа, который обыкновенно кладетъ на нихъ свое письменное одобреніе. По этой самой причинѣ, позволяю себѣ думать, что можетъ быть и вы хорошо сдѣлали бы, обратясь, по поводу вашего предпріятія, къ генералу Бенкендорфу, который постоянно оказывалъ вамъ очевидныя доказательства своего особливаго благорасположенія.

Я счелъ своимъ долгомъ изложить эти подробности для очищенія совѣсти и въ отвѣтъ на ваше любезное довѣріе. Желая вамъ самыхъ блестящихъ успѣховъ въ вашемъ предпріятіи, я конечно одинъ изъ первыхъ стану радоваться таковымъ, и поздравлять публику, что человѣкъ вашего отличнаго таланта будетъ способствовать сколь къ ея удовольствію, столь и къ просвѣщенію.

Въ заключеніе извольте принять увѣренія въ моемъ особенномъ уваженіи.

М. Фонъ-Фокъ.

8 Іюня 1831 г.

Примѣчаніе къ письму Фонъ-Фока.

И по времени написанія, и по содержанію очевидно, что Пушкинъ хлопоталъ о разрѣшеніи ему издавать журналъ, но опасался, что въ интересахъ Булгарина и К° ему или откажутъ, или будутъ его тѣснить...

Это письмо есть поразительное свидѣтельство, въ какомъ печальномъ и безотрадномъ положеніи находилась Русская литература, и его одного достаточно было-бы для характеристики цѣлой эпохи.

Въ самомъ дѣлѣ, великій народный геній, свѣтило—и тогда уже признаваемый таковымъ—какъ Пушкинъ, вынужденъ искать покровительства у Фонъ-Фока (не говоря уже о такой *силѣ*, какъ Бенкендорфъ...), зависѣть вполнѣ отъ его усмотрѣнія, опасаться подавляющаго предпочтенія выходцамъ—Гречамъ, ренегатамъ-Булгаринымъ и т. п.

Но какъ же послѣ этого упрекать Русскую литературу, науку и пр. въ „позднемъ развитіи самостоятельности", въ „недостаткѣ *инициативы*" и т. п., особенно если сообразить (что̀, кажется, такъ нетрудно), что вѣдь это случай не исключительный и хотя рѣзкій по чрезвычайной противоположности и несоразмѣрности великаго народнаго генія и....., по тѣмъ не менѣе отнюдь не единичный!

Вспомнить ли при этомъ, что еслибъ не эти враждебныя Пушкину силы, то навѣрно онъ не погибъ-бы такъ безвременно отъ руки выходца Гекерна; а что̀ совершилъ бы онъ еще для своего народа въ пору своей могучей зрѣлости, и далѣе, доживши, можетъ быть, до возраста (всѣми ублаженнаго) Гете! Какія, міроваго значенія, творенія написалъ бы онъ... И всего этого лишилась Россія! Я. О.

О. И. Сенковскаго.

Je dois à l'obligeance de Smirdine, monsieur, un plaisir extrême que je viens d'éprouver et un plaisir si vif que je ne peux m'empêcher de saisir la plume et de l'exprimer tout chaud. Smirdine, se rendant à ma prière, m'a communiqué les deux chapitres premiers de votre conte; je les ai relus trois fois: tant j'y ai trouvé de charme. Je ne connais point la suite de la pièce, mais ces deux chapitres sont un chef-d'oeuvre de style et de bon goût, sans parler d'une foule d'observations fines et vraies comme la vérité. Voilà comment il faut écrire des contes en russe! Voilà au moins un langage civilisé, une langue qu'on parle et qu'on peut parler entre des gêns comme il faut! Personne ne sent mieux que moi les élémens qui manquent chez nous pour créer la bonne littérature, et l'élément essentiel, vital, sans lequel il n'y a point de vraie littérature nationale, l'élément qui manque totalement à notre prose: c'est le langage de la bonne société. Jusqu'à présent je n'ai vu dans notre prose qu'un langage de femmes de chambre et celui de suppôts de justice. Zagoskine, auteur que j'aime de préférence, non pas pour son style (car il n'en a pas), mais pour son langage et pour son talent de conception, Zagoskine lui-même, toutes les fois qu'il introduit dês personnes d'une classe supérieure et surtout des femmes, il leur fait parler une langue dont on ne sert que dans les rapports entre maîtresse et femme de chambre. Si vous voulez, il n'existe pas encore de véri-

table langue russe de bonne société, car nos dames ne parlent russe qu'avec leurs femmes de chambre; mais il faut deviner cette langue, il faut la créer et la faire adopter par ces mêmes dames, et cette gloire, je le vois clairement, vous est réservée, à vous seul, à votre goût et votre admirable talent. Je ne reviens pas de ces deux chapitres: c'est charmant, charmant, charmant! Au nom de ces deux chapitres, continuez! Vous créez une chose nouvelle, vous commencez une nouvelle époque pour la littérature que vous avez déjà illustrée dans une autre partie. C'est un météore tout nouveau que j'aperçois. Quelques feuilles de la Монастырка m'avaient déjà fait entrevoir ce langage que je cherche partout sans le rencontrer dans nos livres; mais l'auteur n'avait pas su se soutenir, et il est retombé dans le vulgaire. Au reste il n'est pas un génie, et un homme sans génie n'est pas fait pour montrer un chemin dans la littérature. A vous, à vous tout est possible; tout vous est dévolu. Je vous le répète, et sans flatterie (car Dieu merci, nos rapports ne sont pas tels pour me réduire à la bassesse d'une flatterie, qui n'aurait même pas de but, comme elle n'a jamais d'excuse auprès d'honnêtes gens), je vous le répète, vous commencez une nouvelle prose, et tenez cela pour dit. C'est avec l'enthousiasme de l'amour de l'art que je le dis, et cet enthousiasme ne peut être que sincère et ne doit même pas blesser votre modestie. Bestoujeff a, sans contredit, beaucoup, beaucoup de mérite; sa pensée est belle, mais son expression est toujours fausse. Ce n'est pas lui qui fera la prose que tout le monde, depuis la comtesse jusqu'au marchand de la 2-me guilde, puisse lire avec un égal plaisir. C'est le langage russe universel qui manquait à notre prose, et je l'ai trouvé dans votre conte. C'est le langage de vos poësies qui sont comprises et goûtées par toutes les classes également, que vous transportez dans votre prose de conteur; je reconnais ici la même langue et le même goût, le même charme. Ah, je ne saurais vous dire en quel état de joie m'a mis cette lecture, tout malade que je suis grâces aux tracasseries que m'ont suscitées ceux qui se disent amis de la littérature, qui, sans me connaître, sans avoir jamais eu à démêler avec moi,ont voulu me poursuivre, comme celui qui avait fait tomber à plat toute la littérature, et ne cessent jusqu'à présent de rôder autour de ma propriété civile, pour prouver sans doute leur amour des lettres. Mais ce sont des choses qui ne vous intéressent pas; le fait est que c'est à vous que je dois un moment de véritable plaisir dans mon état de souffrances nerveuses, et permettez moi de vous en remercier de but en blanc, avec toute l'inconséquence de la démarche qu'aucune circonstance extérieure ne motive point. C'est, voyez-vous un sentiment de cabinet: c'est ce sentiment imprévu, sans

intention et sans suite, tout particulier à moi, tout domestique, un véritable home-feeling que je vous exprime, sans savoir trop pourquoi je le fais. Excusez le griffonnage que je trace, en tenant à tour de rôle mes mains sur une cruche d'eau chaude et appuyé de mes deux pieds sur une autre cruche semblable. Si cette lettre vous déplaît ou si elle vous paraît étrange, dites que c'est une *cruche* qui vous l'a écrite. Adieu.

Senkowski.

Ce samedi.

Переводъ. Обязательности Смирдина я одолженъ, милостивый государь, крайнимъ удовольствіемъ, только что испытаннымъ мною,—удовольствіемъ столь живымъ, что не могу воздержаться, чтобы не взяться за перо и не выразить вамъ этого сгоряча. Уступая моей просьбѣ, Смирдинъ доставилъ мнѣ двѣ первыя главы вашей повѣсти. Я перечиталъ ихъ три раза: столько нашелъ я въ нихъ прелести. Не знаю продолженія, но эти двѣ главы—образцовое произведеніе по слогу и хорошему вкусу, не говоря уже о безднѣ наблюденій, тонкихъ и вѣрныхъ, какъ сама истина. Вотъ какъ слѣдуетъ писать порусски повѣсти! Вотъ это-такъ языкъ образованнаго общества, на какомъ говорятъ и могутъ говорить порядочные люди. Никто не чувствуетъ болѣе меня, какихъ элементовъ недостаетъ намъ, чтобы создать хорошую словесность, и элементъ существенный, жизненный, безъ котораго вовсе нѣтъ настоящей національной словесности и котораго между тѣмъ совершенно недостаетъ нашей прозѣ, это именно—языкъ хорошаго общества. До сихъ поръ я въ ней встрѣчалъ только языкъ горничныхъ да подъячихъ. Даже Загоскинъ писатель, мною особенно любимый, не за слогъ (слога у него нѣтъ), но за языкъ и способность къ авторскому замыслу, самъ Загоскинъ, каждый разъ, когда выводитъ въ своихъ произведеніяхъ лицъ изъ высшихъ слоевъ общества и особливо женщинъ, заставляетъ ихъ говорить такимъ языкомъ, какой употребляютъ только въ сношеніяхъ между барыней и горничной. Если хотите, у насъ вовсе еще и не существуетъ настоящаго Русскаго языка хорошаго общества, такъ какъ дамы наши порусски говорятъ именно только съ своей прислугой; но языкъ этотъ должно угадать, должно создать его и заставить этихъ самыхъ нашихъ дамъ усвоить его. Эта слава (для меня это очевидно) досталась на долю вамъ, вамъ одному, вашему вкусу, вашему дивному таланту. Я не могу придти въ себя отъ этихъ двухъ главъ: это такая прелесть, прелесть, прелесть! Ради этихъ двухъ главъ продолжайте! Вы создаете нѣчто новое, вы начинаете новую эпоху для словесности, которую вы уже украсили въ другой отрасли. Я вижу совершенно новый метеоръ.... Правда, нѣкоторыя страницы „Монастырки" уже давали мнѣ нѣкоторое предвкушеніе этого языка, котораго я все ищу, но не встрѣчаю въ нашихъ книгахъ, но авторъ не съумѣлъ выдержать тона и впалъ въ вульгарность. Да онъ и не

геній, а человѣку негеніальному не подъ силу указывать новый путь въ словесности. Но вамъ—вамъ все возможно, вамъ все дано. Повторяю вамъ, и безъ лести (слава Богу, наши отношенія не таковы, чтобы я имѣлъ нужду унижаться до лести, которая не имѣла бы даже цѣли, какъ не имѣетъ никогда оправданія предъ порядочными людьми), повторяю: вы начинаете совсѣмъ новую прозу, такъ и знайте! Высказываю это съ энтузіазмомъ любви къ искусству, а такой энтузіазмъ можетъ быть только вполнѣ искреннимъ, и имъ не должна даже оскорбляться ваша скромность. Слова нѣтъ, у Бестужева много, много достойнаго; мысль у него хороша, но въ выраженіи всегда есть фальшь; не ему создать такую прозу, которую отъ графини до купца второй гильдіи всѣ стали бы читать съ одинаковымъ удовольствіемъ. Этого-то обще-русскаго языка недоставало нашей прозѣ, и я его нашелъ въ вашей повѣсти. Языкъ вашихъ стиховъ, равно понимаемый и нравящійся всѣмъ классамъ, этотъ языкъ вы перенесли въ вашу прозу. Я узнаю въ ней и его, и тотъ же изящный вкусъ, туже прелесть. О, я не въ силахъ передать вамъ, сколько радости доставило мнѣ это чтеніе, совершенно при томъ больному—благодаря хлопотамъ, причиненнымъ мнѣ тѣми, которые, называя себя любителями литературы, вовсе меня не зная, никогда не имѣвъ со мною никакаго дѣла, изволили воздвигнуть на меня гоненіе, какъ на уронившаго будто бы всю литературу и которые не перестаютъ подбираться къ моей гражданской собственности, безъ сомнѣнія для доказательства любви своей къ литературѣ.... Но для васъ все это, разумѣется, нисколько не интересно; а фактъ таковъ, что, въ своихъ нервныхъ страданіяхъ, вамъ обязанъ я минутой истиннаго удовольствія. Позвольте же мнѣ поблагодарить васъ за это—ни къ селу, ни къ городу—со всею непослѣдовательностью выходки, не вызванной никакимъ внѣшнимъ обстоятельствомъ. Это, изволите видѣть, чувство „кабинетное", нечаянное, безъ намѣренія и послѣдствія, вполнѣ мое. Вотъ это-то личное, домашнее (home-feeling) чувство я и высказываю вамъ, и самъ хорошенько не знаю съ какой стати. Извините за неразборчивое маранье: пишу держа попеременно то ту, то другую руку на кружкѣ съ горячей водой и поставивъ ноги на другую, такую же кружку. Буде настоящее письмо вамъ не понравится, или покажется страннымъ, то скажите, что его писала вамъ *кружка!* [1]). Прощайте.

Сенковскій.

Суббота.

Примѣчаніе къ письму Сенковскаго.

Покойный Сенковскій, даровитый и парадоксальный Полякъ, обширныхъ литературныхъ и лингвистическихъ познаній, но человѣкъ слишкомъ самонадѣянный и не совсѣмъ добросовѣстный, съ самаго начала отнесся къ первоклассным поэтамъ нашимъ свысока, не признавая за ними ни достоинствъ, ни генія.... Онъ не безъ наглости даже противопоставлялъ имъ второ-и третье-

---

[1]) Т.-е. une cruche, болванъ.

степенныхъ стихотворцевъ въ родѣ фонъ-Лизандера, Деларю, Тимоѳеева, Бернета и т. под. Однако при своемъ умѣ не могъ онъ не убѣждаться болѣе и болѣе, какой большой, во всѣхъ отношеніяхъ, промахъ онъ этимъ сдѣлалъ. И вотъ у него въ критикѣ явилось потомъ какое-то сдержанно-досадующее отношеніе къ „господину“ Пушкину, „господину“ Лермонтову, и послѣ— „господину“ Гоголю...

Письмо это служитъ, кажется намъ, не только доказательствомъ такого его положенія, но и представляетъ попытку выйти изъ него.

Не взирая на всѣ усилія автора представить оное невольнымъ, искреннимъ и безцѣльнымъ порывомъ,—для насъ въ немъ сквозитъ желаніе заискать у Пушкина, заинтересовать его своими литературными дѣлами, и чуть ли не привлечь его въ свой кабинетъ („home“). Онъ какъ бы оправдывается въ прежнемъ отношеніи къ стихамъ Пушкина тѣмъ, что человѣку порядочному не должно льстить (!); преувеличивая высоту и заслугу прозы Пушкина—избѣгаетъ однако (чтобы не впасть уже въ слишкомъ большое съ самимъ собой противорѣчіе) назвать его прямо геніемъ поэзіи; не говоритъ о высокомъ наслажденіи—а только объ удовольствіи (plaisir)...

Преувеличиваетъ-же онъ несомнѣнно. Оставляя въ сторонѣ Карамзина, даже Жуковскаго и вычурнаго Марлинскаго, можно указать на многія менѣе извѣстныя имена писателей, которыхъ проза или почти или вовсе не отличается отъ позднѣйшей. Въ доказательство назовемъ одного Степанова, котораго прелестный *Постоялый Дворъ*, будь онъ вновь изданъ, даже теперь имѣлъ бы, по языку и по многому другому, заслуженный успѣхъ.

Историкъ литературы обязанъ будетъ перебрать всѣ эти милые Сѣверные Цвѣты, Полярныя Звѣзды, Кометы, Одесскіе, Московскіе и Невскіе альманахи, Мнемозины, Эвтерпы и Аглаи: онъ не найдетъ уже языка ни „подъячихъ, ни горничныхъ“, на который угодно такъ налегать Сенковскому.

Не таковъ былъ бы подъемъ нашей словесности послѣ Александровскаго царствованія (когда Россія была какъ-бы рабою Австро-прусско-англійскихъ интересовъ, напрягаясь и истощаясь нравственно и матеріально въ крайне-вредныхъ ей и Славянамъ войнахъ), еслибы не случилось безвременное и роковое событіе 14 Декабря, унесшее столько зрѣлыхъ силъ....

Въ доказательство, что прозаическій языкъ и тогда уже былъ значительно выработанъ (чему разумѣется великій Пушкинъ также сильно содѣйствовалъ), любопытно было бы сравнить напр. тогдашній слогъ декабристовъ съ нынѣшнимъ слогомъ тѣхъ изъ нихъ, которые продолжали писать.... Задача не неблагодарная. Мы замѣтимъ только, что разница не была бы такъ мала, еслибы утвержденіе Сенковскаго о языкѣ „подъячихъ и горничныхъ“ было вѣрно.

Сколько намъ извѣстно, Пушкинъ на все это нисколько не сдался.

Я. О.

РУКОПИСИ А. С. ПУШКИНА.

Продолжая наши извлеченія изъ своеручныхъ тетрадей Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ, мы не считаемъ нужнымъ распространяться о значеніи нашихъ выписокъ: читатели сами оцѣнятъ эту, такъ сказать, художественную автобіографію великаго поэта. Тутъ первоначальныя наброски его произведеній, то что̀ ему приходило на душу, что̀ потомъ онъ развилъ въ стройномъ великолѣпіи и что̀ покинулъ, какъ мысль неопредѣлившуюся и недозрѣлую, что̀ хотѣлъ и чего не могъ, или не разсудилъ выразить. Откинутый и забытый рисунокъ геніальнаго мастера, при всей своей недоконченности, иной разъ бываетъ отмѣнно дорогъ и замѣчателенъ. *П. Б.*

Изъ Кишиневскихъ тетрадей.

Къ князю П. А. Вяземскому.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой!...

*

Черновое письмо къ неизвѣстному лицу.

Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты почитаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ Турецкаго рабства. Видно, слова мои были тебѣ странно перетолкованны. Но что̀ бы тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда нибудь сердце мое не доброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа. Жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою. Повторю и здѣсь то, что̀ случилось мнѣ говорить касательно Грековъ. Исключительные люди по большей части самолюбивы, безпокойны, невѣжественны, упрямы: старая истина, которую все таки не худо повторить.

Они не терпятъ противурѣчія, никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ всякую новость и, къ ней привыкнувъ, уже не могутъ съ нею разстаться.

Когда что нибудь является общимъ мнѣніемъ, то глупость общая вредитъ ему столь же, сколько единодушіе его поддерживаетъ. Греки между Европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей. Ничто еще не было толь *народно*, какъ дѣло Грековъ, хотя многія въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы.

*

Изъ стихотворенія къ чернильницѣ.

. . . То ѣдкой шутки соль,
То (тутъ же) слогъ суровой,
То странность риѳмы новой
Неслыханной дотоль.
Любовница свободы,
Ты съ нею заодно
Прославила вино
И прелести природы.
Ты смѣху обрекла
Пустыхъ любимцевъ Моды,
И рѣчи и дѣла.
Съ глупцовъ сорвавъ одежду и т. д.
Чедаевъ, другъ мой милой
Тебя возметъ унылой.

11 Апрѣля 1821.

Изсохшая, пустая,
Межъ двухъ его картинъ
Останься вѣкъ нѣмая,
Укрась его каминъ.

*

Изъ набросковъ о Кишиневѣ.

Тѣснится средь толпы Еврей сребролюбивый,
Болтливый Грекъ, и Турокъ молчаливый,
И важный Персъ, и хитрый Армянинъ.

**

Тетрадь XI, л. 3-й.

(*Изъ позднѣйшаго времени*).

Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни удивленья, ни напѣва,
Ни нуждъ, ни смѣха, ни труда.
Глупецъ кричитъ: „*куда, куда?*
Дорога здѣсь!" Но ты не слышишь;
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечты невольныя. Твой трудъ
(Легокъ и тихъ) Тебѣ награда: имъ ты дышешь;
(А плодъ его, каковъ ни есть)
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ—рабынѣ суеты.

Тамъ же, на оборотѣ 3-го листа.

(*Наброски относящіеся къ Капитанской Дочкѣ*).

Башаринъ отцомъ своимъ привезенъ въ Петербургъ и записанъ въ гвардію, за шалость посланъ въ гарнизонъ, пощаженъ Пугачовымъ при взятіи крѣпости, произведенъ имъ въ капитаны и отряженъ съ отдѣльной партіей въ Симбирскъ подъ начальствомъ одного изъ полковниковъ Пугачова. Онъ спасаетъ отца своего, который его не узнаётъ. Является къ Михельсону, который принимаетъ его къ себѣ, отличается противъ Пугачова, принятъ опять въ гвардію, является къ отцу въ Москву, идетъ съ нимъ къ Пугачову.

Старый комендантъ отправляетъ свою дочь въ ближнюю крѣпость.

Пугачовъ, взявъ одну, подступаетъ къ другой. Башаринъ первый на приступѣ. Требуетъ въ награду....

Тамъ же, листъ 4-й (*желтая бумага*).

Шванвичъ за буйство сосланъ въ гарнизонъ. Степная крѣпость. Подступаетъ Пугачовъ. Шванвичъ предаетъ ему крѣпость. Взятіе крѣпости. Шванвичъ дѣлается сообщникомъ Пугачова. Ведетъ свое отдѣленіе въ Нижній. Спасаетъ сосѣда отца своего. Чика между тѣмъ чуть было не повѣсилъ стараго Шванвича. Шванвичъ привозитъ сына въ Петербургъ. Орловъ выпрашиваетъ ему прощеніе.

31 Января 1833.

Тамъ же, на оборотѣ 5-го листа.

Не лучше ль вамъ, съ надеждою смиренной,
Заняться службою гражданской иль военной,
Въ табачной лавочкѣ табачный торгъ завесть,
Снискать себѣ въ трудѣ барышъ и честь,

Чѣмъ объявленія совать во всѣ журналы,
(Чѣмъ затѣвать журналы)
Кропая сильному вельможѣ мадригалы;
Надъ меньшей братьею въ поту лица острясь,
Иль высшимъ мнѣніемъ отважно вознесясь,
Съ (почтенной) оплошной публики [1].... чѣмъ писаки,
Подписку собирать на будущія враки?

*

Изъ стиховъ о Мицкевичѣ.

Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Проклятія намъ шлетъ, и ядомъ
Свои стихи онъ напояетъ....
Мы жадно слушали его. Но онъ отъ насъ
Ушелъ на Западъ, и благословеньемъ
Мы проводили друга нашего....

Дубровскій.

На заглавномъ листѣ большой тетради:
„21 Октября 1832. С.-Петербургъ“.

Вмѣсто село Покровское было прежде «Покровшино». Послѣ словъ: «И каждый вечеръ бывалъ навеселѣ», слѣдуютъ строки:

«Рѣдкая дѣвушка изъ его дворовыхъ избѣгала сластолюбивыхъ покушеній пятидесятилѣтняго Сатира. Сверхъ того, въ одномъ изъ флигелей его дома жили 16 горничныхъ, занимаясь рукодѣліями свойственными ихъ полу. Окна во флигель были загорожены деревянною рѣшеткою; двери запирались замками, отъ коихъ ключи хранились у Кирила Петровича. Молодыя затворницы, въ положенные часы, ходили въ садъ и прогуливались подъ надзоромъ двухъ старухъ. Отъ времени до времени Кирила Петровичъ выдавалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ замужъ, и новыя коступали на ихъ мѣсто. Съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своенравно; несмотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатствомъ и славою своего господина и въ свою очередь позволяли себѣ многое въ отношеніи къ ихъ сосѣдямъ, надѣясь на его сильное покровительство».

Далѣе какъ въ печатномъ: «Всегдашнія занятія *Покровшинскаго* помѣщика».

*

«Троекуровъ, надменный въ сношеніяхъ съ людьми самаго высшаго званія, уважалъ Дубровскаго, несмотря на его *смиренное состояніе*. Нѣкогда были они товарищами по службѣ, и Троекуровъ зналъ по опыту нетерпѣливость и рѣшительность его характера. Славный

[1]) Одно слово не поддается прочтенію. П. Б.

1762 годъ разлучилъ ихъ надолго. Троекуровъ, родственникъ княгинѣ Дашковой, пошелъ въ гору; Дубровскій съ разстроеннымъ состояніемъ» и т. д.

*

Во второй главѣ, въ разговорѣ Троекурова съ засѣдателемъ Шабашкинымъ:

«Постой однакожъ! Это имѣніе принадлежало нѣкогда намъ, было куплено у какого-то Спицына и продано потомъ отцу Дубровскаго. Нельзя ли къ этому придраться?"

— „Мудрено, ваше высокопревосходительство: вѣроятно сія продажа совершена законнымъ порядкомъ».

*

Послѣ словъ: «владѣлъ сельцомъ Кистеневскою», помѣта: «25 Окт. 1832. С.-Петербургъ».

*

«Дубровскій не имѣлъ опытности въ дѣлахъ тяжебныхъ. Онъ руководствовался большею частью здравымъ смысломъ, путеводителемъ рѣдко вѣрнымъ и почти всегда недостаточнымъ».

*

Послѣ словъ: «Секретарь началъ звонкимъ голосомъ читать опредѣленіе суда», зачеркнуто Пушкинымъ:

«Мы помѣщаемъ его вполнѣ, полагая, что всякому пріятно будетъ увидѣть одинъ изъ способовъ, коимъ на Руси можемъ мы лишиться имѣнія, на владѣніе коимъ имѣемъ неоспоримыя права». За тѣмъ слѣдуетъ на особыхъ двухъ листахъ синяго цвѣта, рукою писаря, опредѣленіе по дѣлу, которое было доставлено Пушкину покойнымъ Дмитріемъ Васильевичемъ Короткимъ, служившимъ въ 1832 году въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ въ Москвѣ и сдѣлавшимъ (въ Октябрѣ 1832 года) для Пушкина выписку изъ подлиннаго производства объ отобраніи имѣнія у Козловскаго помѣщика, поручика Ивана Яковлевича Муратова гвардіи подполковникомъ Семеномъ Петровичемъ Крюковымъ. Пушкинъ на этой бумагѣ замѣнилъ имена Муратова и Крюкова именами Троекурова и Дубровскаго, очевидно намѣреваясь ее напечатать; но потомъ конечно испугался нелѣпаго слога бумаги и оставилъ свое намѣреніе. Надо впрочемъ замѣтить, что «Дубровскій» есть произведеніе не отдѣланное и напечатанное уже по кончинѣ Пушкина. Въ письмахъ къ Нащокину Пушкинъ называетъ его «Островскимъ». Въ подлинной рукописи, писанной во многихъ мѣстахъ карандашомъ, очень

мало помарокъ. На одномъ листкѣ сдѣланъ Пушкинымъ портретъ молодаго человѣка: такимъ Пушкинъ воображалъ себѣ своего героя.

*

Послѣ того, какъ старикъ-Дубровскій пустилъ чернильницею въ засѣдателя: «Дубровскій закричалъ дикимъ голосомъ: «Какъ, не почитать церковь Божію! Прочь, Хамово племя!» Потомъ, обратясь къ Кирилу Петровичу: «Слыхано ли дѣло, ваше высокопревосходительство, продолжалъ онъ: псари вводятъ борзыхъ собакъ въ Божію церковь! Собаки бѣгаютъ по церкви! Я ихъ ужо проучу!» Затѣмъ, какъ въ печатномъ: «Всѣ пришли въ ужасъ, сторожа сбѣжались на шумъ» и т. д.

Въ концѣ второй главы помѣта: «27 Окт. С.-Петербургъ».

*

Выпущенная приписка къ письму няни Дубровскаго изъ деревни въ Петербургъ: «У насъ дожди идутъ вотъ уже другая недѣля, и пастухъ Родя померъ около Миколина дня. Посылаю мое материнское благословеніе Гришѣ. Хорошо ли онъ тебѣ служитъ?»

*

Крестьяне говорятъ молодому Дубровскому, когда судъ отбиралъ ихъ во владѣніе Троекурова: «Прикажи, государь, съ судомъ мы управимся».

*

Исправникъ говоритъ вмѣсто: *а вы болѣе любите его,* «а вы, бабы, любите и почитайте его, а онъ до васъ большой охотникъ».

*

Въ описаніи того, какъ Троекуровъ запиралъ своего гостя съ медвѣдемъ, опущено: «Таковы были благородныя увеселенія Русскаго барина!»

*

Въ разговорѣ Троекурова съ исправникомъ, за праздничнымъ обѣдомъ: «Давно, давно стараетесь избавить нашъ край отъ разбойника. Никто за дѣло взяться не умѣетъ. Да, правда, за чѣмъ и ловить его? Разбои Дубровскаго—благодать для исправниковъ: разъѣзды, слѣдствія, подводы, а деньги въ карманъ. Не попадется! Какъ такого благодѣтеля извести? Не правда ли, господинъ исправникъ?»—«Сущая правда», и т. д. «Такъ видно придется мнѣ взяться за дѣло, не дожидаясь помощи отъ начальства здѣшняго».

Изъ предсмертной тетради.

Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ:
Въ ризѣ бѣлой предо мной
Старецъ нѣкій предстоялъ
Съ длинной бѣлой бородой
И меня благословлялъ.

*

Онъ сказалъ мнѣ: будь покоенъ,
Скоро, скоро удостоенъ
Будешь Царствія небесъ,
Скоро странствію земному
Твоему придетъ конецъ.

*

Ужъ готовитъ ангелъ смерти
Для тебя святой вѣнецъ..
Отрѣшишь воловъ отъ плуга
На послѣдней бороздѣ.

*

Сердце жадное не смѣетъ
И повѣрить и не вѣрить.
Ахъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
Близокъ я къ моей кончинѣ?

*

Казни вѣчныя страшуся,
Милосердія надѣюсь.
Успокой меня, Творецъ!
Но Твоя да будетъ воля,
Не моя... Кто тамъ идетъ?

(*Родригъ*).

РАЗГОВОРЪ СЪ АНГЛИЧАНИНОМЪ О РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ *).

....Строки Радищева навели на меня уныніе. Я думалъ о судьбѣ Русскаго крестьянина:

Къ тому жъ подушны, барщина, оброкъ!

Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ Англичанинъ, человѣкъ лѣтъ 36. Я обратился къ нему съ вопросомъ: что̀ можетъ быть несчастнѣе Русскаго крестьянина?

Англичанинъ. Англійскій крестьянинъ.

Я. Какъ! Свободный Англичанинъ, по вашему мнѣнію, несчастнѣе Русскаго раба?

Онъ. Что̀ такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

Онъ. Слѣдовательно, свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы, или естественныя препятствія.

Я. Такъ; но разница: покоряться законамъ предписаннымъ нами самими, или повиноваться чужой волѣ.

Онъ. Ваша правда. Но развѣ народъ Англійскій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?

Я. Въ чемъ вы полагаете народное благополучіе?

Онъ. Въ умѣренности и соразмѣрности податей.

Я. Какъ?

Онъ. Вообще повинности въ Россіи не очень тягостны для народа: подушныя платятся міромъ, оброкъ не разорителенъ (кромѣ въ

---

*) Этотъ отрывокъ принадлежитъ къ числу путевыхъ замѣтокъ Пушкина и вызванъ чтеніемъ книги Радищева: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.* На эту книгу написанъ имъ цѣлый рядъ опроверженій, изъ которыхъ должна была составиться обширная статья для „Современника“. Условія тогдашней цензуры не дозволили многому изъ написаннаго Пушкинымъ явиться въ свѣтъ. П. Б.

близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленника умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Во всей Россіи помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своему крестьянину доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ чѣмъ вздумаетъ и уходитъ иногда за 2000 верстъ вырабатывать себѣ деньгу. И это называете вы рабствомъ? Я не знаю во всей Европѣ народа, которому было бы дано болѣе простора дѣйствовать.

Я. Но злоупотребленія частныя.....

Онъ. Злоупотребленій вездѣ много. Прочтите жалобы Англійскихъ фабричныхъ работниковъ—волоса встанутъ дыбомъ; вы подумаете, что дѣло идетъ о строеніи Фараоновыхъ пирамидъ, о Евреяхъ, работающихъ подъ бичами Египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ объ сукнахъ г-на Шмидта или объ иголкахъ г-на Томпсона. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой—какая страшная бѣдность! Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго.

Я. Вы не читали нашихъ уголовныхъ дѣлъ.

Онъ. Уголовныя дѣла вездѣ ужасны. Я говорю вамъ о томъ, что̀ въ Англіи происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона, не о злоупотребленіяхъ, не о преступленіяхъ: нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе Англійскаго работника. Но посмотрите что̀ дѣлается у насъ при изобрѣтеніи новой машины, вдругъ избавляющей отъ каторжной работы тысячъ пять и десять народу, но лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію....

Я. Живали вы въ нашихъ деревняхъ?

Онъ. Я видалъ ихъ проѣздомъ и жалѣю, что не успѣлъ изучить нравы любопытнаго вашего народа.

Я. Что̀ поразило васъ болѣе всего въ Русскомъ крестьянинѣ?

Онъ. Его опрятность и свобода.

Я. Какъ это?

Онъ. Вашъ крестьянинъ каждую Субботу ходитъ въ баню; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. О его смышленности говорить нечего: путешественники ѣздятъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова вашего языка, и вездѣ ихъ понимаютъ, исполняютъ ихъ требованія, заключаютъ условія; никогда не встрѣчалъ я между ними то, что̀ сосѣди наши называютъ *un badaud*, никогда не замѣчалъ въ нихъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Переимчивость ихъ всѣмъ извѣстна; проворство и ловкость удивительныя.

Я. Справедливо. Но свобода? Неужъ-то вы Русскаго крестьянина почитаете свободнымъ?

Онъ. Взгляните на него: что̀ можетъ быть свободнѣе его обращенія съ вами? Есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? Вы не были въ Англіи?

Я. Не удалось.

Онъ. То-то! Вы не видали оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другаго; вы не видали раболѣпнаго *masters* нижней палаты передъ верхней, джентельмена передъ аристократіею, купечества передъ джентельменствомъ, бѣднаго передъ богатымъ, повиновенія предъ властію. А продажные голоса, а уловки министерства, а поведеніе наше съ Индіей, а отношенія наши со всѣми другими народами!

Англичанинъ мой разгорячился и совсѣмъ отдалился отъ предмета нашего разговора. Я продолжалъ слѣдовать за его мыслями, и мы пріѣхали въ Клинъ.

9 Декабря.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПЕСТЕЛЯ.

Неизданное мѣсто въ Запискахъ А. С. Пушкина.

24 Ноября (1833). Обѣдалъ у К. А. Карамзиной. Видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ [1]). Вечеромъ раутъ у Фикельмонтъ [2]). Странная встрѣча: ко мнѣ подошолъ мущина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу Грека и принялъ его за одного изъ моихъ старыхъ Кишиневскихъ пріятелей. Это былъ Суццо, бывшій Молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ. Не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я разсказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и предалъ Этерію, представя ее императору Александру отраслію карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады: тонкость Фанаріота была побѣждена хитростію Русскаго офицера! Это оскорбляло его самолюбіе.

*

Это показаніе А. С. Пушкина имѣетъ важное историческое значеніе. Извѣстно, что въ послѣдніе годы своего славнаго царствованія императоръ Александръ Павловичъ охладилъ къ себѣ сердца своихъ подданныхъ въ особенности потому, что поддался внушеніямъ Меттерниха и отказался поддержать Греческую Этерію въ ея борьбѣ съ Турками, которая и начата была въ надеждѣ на его содѣйствіе. Меттерниху надо было спасать Австрію, и внушенія его понятны: слабость по неволѣ прибѣгаетъ къ хитрости; но Пестель... Прибавимъ, что Государь зналъ Пестеля съ молодыхъ его лѣтъ, такъ какъ отецъ его, Петербургскій почтдиректоръ, завѣдуя перлюстраціею, находился съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ еще при Павлѣ. П. Б.

---

[1]) Только-что вернувшись передъ тѣмъ изъ чужихъ краевъ, куда ѣздилъ для здоровья. П. Б.

[2]) Австрійскій посланникъ при нашемъ дворѣ, графъ Фикельмонтъ, былъ женатъ на графинѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Тизенгаузенъ, внучкѣ князя Кутузова. Пушкинъ былъ друженъ съ ея матерью, Елисаветою Михаиловной, во второмъ бракѣ Хитровой. П. Б.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ ГОНЧАРОВЫМЪ [1]).

1.

Къ Натальѣ Ивановнѣ Гончаровой [2]).

(1829).

C'est à genoux, c'est en versant des larmes de reconnaissance que j'aurais dû vous écrire à présent que le comte *Tolstoy* [3]) m'a rapporté votre réponse. Cette réponse n'est pas un refus, vous me permettez l'espérance; cependant si je murmure encore, si de la tristesse et de l'amertume se mêlent à des sentiments de bonheur, ne m'accusez point d'ingratitude. Je conçois la prudence et la tendresse d'une mère. Mais pardonnez à l'impatience d'un coeur malade et (ivre?) de bonheur. Je pars à l'instant, j'emporte au fond de l'âme l'image de l'être celeste, qui vous doit le jour. Si vous avez quelques ordres à me donner, veuillez les adresser au comte de *Tolstoy*, qui me les fera parvenir.

Daignez, madame, accepter l'hommage de ma profonde considération.

Pouchkin.

Переводъ. Ставъ на колѣна, проливая слезы благодарности—вотъ какъ долженъ былъ бы я писать вамъ теперь, послѣ того какъ гр. Толстой привезъ мнѣ

---

[1]) Печатаются съ подлинниковъ, полученныхъ изъ Полотнянаго Завода отъ О. К. Гончаровой, при посредствѣ С. С. Ершова. Подлинникъ втораго письма (которое уже было напечатано въ Русскомъ Архивѣ и здѣсь повторяется для связи) находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда переданъ Н. О. Эминымъ, получившимъ его отъ своего пріятеля Сергѣя Николаевича Гончарова. П. Б.

[2]) Это первое письмо къ будущей тещѣ сохранилось въ современномъ спискѣ и съ пропускомъ одного слова. Оно писано передъ самымъ отъѣздомъ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году. П. Б.

[3]) Извѣстный подъ именемъ Американца графъ Ѳ. И. Толстой, по просьбѣ Пушкина, ѣздилъ къ Н. И. Гончаровой сватать для Пушкина Наталью Николаевну, на этотъ разъ безуспѣшно. П. Б.

отвѣтъ вашъ. Этотъ отвѣтъ не есть отказъ; вы дозволяете мнѣ надежду. И если я еще ропщу, если печаль и горечь еще примѣшиваются къ ощущенію счастія—не обвиняйте меня въ неблагодарности: я понимаю осторожность и нѣжность матери. Но простите нетерпѣнію сердца больнаго и (опьяненнаго)? блаженствомъ. Я ѣду тотчасъ и увожу въ глубинѣ души образъ небеснаго существа, вамъ обязаннаго жизнью. Если имѣете для меня приказанія, соблаговолите передать ихъ графу Толстому, который сообщитъ ихъ мнѣ. Примите дань глубокаго моего почтенія. Пушкинъ.

2.

Къ ней же.

(1830).

Maintenant, madame, que vous m'avez accordé la permission de vous écrire, je suis aussi ému en prenant la plume, que si j'étais en votre présence. J'ai tant de choses à dire et plus j'y pense, plus les idées me viennent tristes et décourageantes. Je m'en vais vous les exposer toutes sincères et toutes diffuses, en implorant votre patience, votre indulgence surtout.

Lorsque je la vis pour la première fois, sa beauté venait d'être à peine aperçue dans le monde; je l'aimai, la tetê me tourna, je la demandai. Votre réponse, toute vague qu'elle était, me donna un moment de délire: je partis la même nuit pour l'armée. Demandez-moi ce que j'allais y faire, je vous jure que je n'en sais rien; mais une angoisse involontaire me chassait de Moscou: je n'aurais pu y soutenir ni votre présence, ni la sienne. Je vous avais écrit[1]); j'espérais, j'attendais une réponse; elle ne venait pas. Les torts de ma première jeunesse se présentèrent à mon imagination: ils n'ont été que trop violents, et la calomnie les a encore aggravés; le bruit en est devenu malheureusement populaire. Vous pouviez y ajouter foi; je n'osais m'en plaindre, mais j'étais au désespoir.

Que de tourments m'attendaient à mon retour! [2]) Votre silence, votre air froid, l'accueil de mademoiselle N., si léger, si inattentif: je n'eus

---

[1]) Этого письма или этихъ писемъ не отыскано. П. Б.

[2]) Вотъ выдержка изъ записаннаго нами (17 Ноября 1864) разсказа Сергѣя Николаевича Гончарова: „Пушкинъ, влюбившись въ Гончарову, просилъ Американца графа Толстаго, стариннаго знакомаго Гончаровыхъ, чтобъ онъ къ нимъ съѣздилъ и испросилъ позволенія привести Пушкина. На первыхъ порахъ Пушкинъ былъ очень застѣнчивъ, тѣмъ болѣе что вся семья обращала на него большое вниманіе. Наталья Николаевна была младшая дочь. Пушкину позволили ѣздить. Онъ безпрестанно бывалъ. А. П. Малиновская (супруга извѣстнаго археолога) по его просьбѣ уговаривала въ его пользу; но съ Натальей Ивановной (матерью) у нихъ бывали частыя размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявленіяхъ благочестія и объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ.

pas le courage de m'expliquer. J'allais à Pétersbourg, la mort dans l'âme. Je sentais que j'avais joué un rôle bien ridicule; j'avais été timide pour la première fois de ma vie, et ce n'est pas la timidité qui dans un homme de mon âge puisse plaire à une jeune personne de l'âge de m-lle votre fille. Un de mes amis va à Moscou, m'en rapporte un mot de bienveillance qui me rend la vie, et maintenant, que quelques paroles gracieuses, que vous avez daigné m'adresser, auraient dû me combler de joie, — je suis plus malheureux que jamais. Je vais tâcher de m'expliquer.

L'habitude et une longue intimité pourraient seules me faire gagner l'affection de m-lle votre fille. Je puis espérer me l'attacher à la longue, mais je n'ai rien pour lui plaire. Si elle consent à me donner sa main, je n'y verrai que la preuve de la tranquille indifférence de son coeur. Mais entourée d'admiration, d'hommages, de séductions, cette tranquillité lui durera-t-elle? On lui dira qu'un malheureux sort l'a seul empêché de former d'autres liens plus égaux, plus brillants, plus dignes d'elle. Peut-être, ces propos seront-ils sincères; mais à coup sûr, elle les croira tels. N'aura-t-elle pas des regrets? Ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux. Ne me prendra-t-elle pas en aversion? Dieu m'est témoin que je suis prêt à mourir pour elle, mais devoir mourir pour la laisser veuve brillante et libre de choisir demain un nouveau mari, cette idée — c'est l'enfer.

Parlons de la fortune. J'en fais peu de cas; la mienne m'a suffit jusqu'à présent. Me suffira-t-elle marié? Je ne souffrirai pour rien au monde, que ma femme connût des privations, qu'elle ne fût pas là, où elle est appelée à briller, à s'amuser. Elle a le droit de l'exiger. Pour la satisfaire, je suis prêt à lui sacrifier tous les goûts, toutes les passions de ma vie, une existence toute libre et toute aventureuse. Toutefois ne murmurera-t-elle pas, si sa position dans le monde ne sera pas si brillante qu'elle le mérite et que je l'aurais désirée?

а у Натальи Ивановны была особая молельня со множествомъ образовъ, и про покойнаго Государя она выражалась не иначе какъ съ благоговѣніемъ. Пушкину на прямикъ не отказали; но отозвались, что надо подождать и посмотрѣть, что дочь еще слишкомъ молода и пр. С. Н. Гончаровъ помнитъ хорошо пріѣздъ Пушкина съ Кавказа. Было утро; мать еще спала, а дѣти сидѣли въ столовой за чаемъ. Вдругъ стукъ на крыльцѣ, и вслѣдъ за тѣмъ въ самую столовую влетаетъ изъ прихожей калоша. Это Пушкинъ, торопливо раздѣвавшійся. Войдя онъ тотчасъ спрашиваетъ про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смѣла выдти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина въ постели“.

Tels sont en partie mes anxiétés; je tremble que vous ne les trouviez trop raisonnables. Il y en a une que je ne puis me résoudre à confier au papier.... *) Daignez agréer, madame, l'hommage de mon entier dévouement et de ma haute considération. *A. Pouchkin.*

Samedi (1830).

Переводъ. М. государыня! Вы мнѣ дозволили писать къ вамъ и, взявшись за перо, я чувствую въ себѣ такое же волненіе, какъ бы находился въ присутствіи вашемъ. Мнѣ такъ много нужно высказать, и чѣмъ больше о томъ думаю, тѣмъ больше приходитъ мнѣ въ голову мыслей печальныхъ и отнимающихъ смѣлость. Я изложу ихъ вамъ, во всей ихъ искренности и безсвязности, взывая къ вашему терпѣнію, а всего болѣе къ вашей снисходительности.

Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, красоту ея только что начинали замѣчать въ обществѣ. Я ее полюбилъ, голова у меня закружилась; я просилъ руки ея. Отвѣтъ вашъ, при всей его неопредѣленности, едва не свелъ меня съ ума; въ туже ночь я уѣхалъ въ армію. Спросите, зачѣмъ? Клянусь, самъ не умѣю сказать; но тоска непроизвольная гнала меня изъ Москвы: я бы не могъ въ ней вынести присутствія вашего и ея. Я къ вамъ писалъ, надѣялся, ждалъ отвѣта. Отвѣта не приходило. Ошибки первоначальной моей юности представлялись моему воображенію. Онѣ были слишкомъ рѣзки, клевета преувеличила ихъ; по несчастію, молва о нихъ сдѣлалась всеобщею. Вы могли ей повѣрить; я не смѣлъ жаловаться на то, но я былъ въ отчаяніи.

Какія муки ожидали меня по моемъ возвращеніи! Ваше молчаніе, вашъ холодный видъ, пріемъ Натали, столь легкій, столь невнимательный! У меня не достало духу объясниться. Я уѣхалъ въ Петербургъ со смертью въ душѣ. Я чувствовалъ, что играю смѣшную роль; я былъ робокъ въ первый разъ въ жизни, а робость въ человѣкѣ моихъ лѣтъ конечно не можетъ понравиться молодой особѣ въ возрастѣ вашей дочери. Одинъ изъ друзей моихъ ѣдетъ въ Москву, передаетъ мнѣ оттуда слово благоволенія, возвращающее меня къ жизни, и теперь, когда нѣсколько милостивыхъ выраженій, которыми вы меня удостоили, должны бы исполнить меня радостію,—я несчастнѣе нежели когда-либо. Постараюсь объясниться.

Привычка и продолжительное сближеніе одни могли бы доставить мнѣ расположеніе вашей дочери. Я могу надѣяться, что со временемъ она ко мнѣ привяжется; но во мнѣ нѣтъ ничего, что̀ могло бы ей нравиться. Если она будетъ согласна отдать мнѣ свою руку, я увижу въ этомъ лишь доказательство того, что сердце ея остается въ спокойномъ равнодушіи. Но это спокойствіе долго ли продлится, среди обольщеній, поклоненій, соблазновъ? Ей станутъ говорить, что лишь несчастная судьба помѣшала ей заключить другой союзъ, болѣе соотвѣтственный, болѣе блистательный, болѣе достойный ея.

---

*) Что̀ это, пусть догадаются читатели. П. Б.

Такія внушенія, если бы даже они и не были неискренни, ей навѣрно покажутся искренними. Не станетъ ли она раскаиваться? Не будетъ ли она смотрѣть на меня какъ на помѣху, какъ на обманщика и похитителя? Не почувствуетъ ли она ко мнѣ отвращенія? Богъ мнѣ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть, чтобы оставить ее блистательною вдовою, свободною выбрать завтра же другаго мужа: мысль эта—адъ.

Поговоримъ о состояніи. Я мало забочусь о немъ. Моего мнѣ было до сихъ поръ достаточно. Но достанетъ ли женатому? Я ни за что на свѣтѣ не допущу, чтобы жена моя терпѣла лишенія, чтобы она не являлась тамъ, гдѣ ей предназначено блистать, веселиться. Она въ правѣ требовать этого. Чтобы сдѣлать ей угодное, я готовъ пожертвовать всѣми моими вкусами, страстями, всею моею жизнью, вполнѣ свободною и прихотливою. Но во всякомъ случаѣ не станетъ ли она роптать, коль скоро положеніе ея въ свѣтѣ не будетъ такъ блистательно, какъ ей подобаетъ и какъ бы я желалъ?

Таковы отчасти мои скорбныя опасенія. Трепещу при мысли, что вы найдете ихъ слишкомъ уважительными. Есть еще одно, но я не могу рѣшиться повѣрить его бумагѣ....

Примите, милостивая государыня, дань полной моей преданности и высокаго почтенія. Суббота. А. Пушкинъ.

3.

Къ А. Н. Гончарову *).

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ вамъ, какъ главѣ семейства, которому отнынѣ принадлежу. Благословивъ Наталію Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше нежели чѣмъ жизнію. Счастіе вашей внуки будетъ священная, единственная моя цѣль и все, чѣмъ могу воздать вамъ за ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

3 Мая 1830. Москва.

4.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Каждый день ожидалъ я обѣщанныхъ денегъ и нужныхъ бумагъ изъ Петербурга и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причина мо-

*) Дѣдушка Натальи Николаевны А. Н. Гончаровъ (о которомъ читатели знаютъ по Воспоминаніямъ А. П. Бутенева) проживалъ старымъ вдовцомъ на Полотняномъ Заводѣ, не выдѣляя имѣній единственному своему сыну, такъ какъ онъ находился въ умственномъ разстройствѣ. П. Б.

его невольнаго молчанія. Думаю, что буду принужденъ въ концѣ сего мѣсяца на нѣсколько дней отправиться въ С. Петербургъ, чтобъ привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до памятника *), то я тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю, уѣхалъ ли онъ съ Государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его, вѣроятно, не замедлитъ.

Позвольте мнѣ, милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ, еще разъ сердечно васъ благодарить за отеческія милости, оказанныя вами Наталіи Николаевнѣ и мнѣ. Смѣю надѣяться, что со временемъ заслужу ваше благорасположеніе. По крайней мѣрѣ жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена счастію той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

7 Іюня 1830. Москва.

5.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Только сейчасъ получилъ я бумагу вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ее пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить вамъ то, что уже говорилъ я Золотову: главное дѣло—не вооружить противу себя Канкрина, а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтиться. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или тремя стами тыс.) хотя вещь и затруднительная, но все легче; ибо зависитъ единственно отъ произвола Государева. На дняхъ ѣду въ С. Петербургъ и если бумага ваша не будетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа, и у Канкрина. Что касается до заложенія Заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласіи молодыхъ вашихъ родственниковъ и въ ихъ повиновеніи вашей волѣ; но въ ихъ отсутствіи не осмѣлюсь дѣйствовать мимо нихъ. Надѣюсь, что мое чистосердечіе не повредитъ мнѣ въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, столь драгоцѣнномъ для меня:

---

*) Извѣстная статуя Екатерины.

мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обѣщать и не выполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ вашихъ приказаній, препоручаю себя вашему благорасположенію и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

28 Іюня 1830. Москва.

Письмо Сергѣя Львовича Пушкина.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Почитая сына моего совершенно счастливымъ, входя въ почтеннѣйшее семейство ваше и принимая по любви моей къ нему живѣйшее въ семъ участіе, за обязанность поставляю поручить себя въ благосклонное вниманіе ваше, какъ перваго виновника его благополучія. Счастливымъ почту и себя, когда буду имѣть случай лично принести вамъ за него мою признательность и увѣрить въ искреннемъ почтеніи и преданности, съ каковыми честь имѣю пребыть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Сергѣй Пушкинъ.

С. Петербургъ, Іюля 20-го дня 1830-го года.

Приписка Надежды Осиповны Пушкиной.

Позвольте и мнѣ, милостивый государь, вмѣстѣ съ мужемъ моимъ поручить себя въ благосклонность вашу и изъявить вамъ благодарность мою за моего сына, почитая его совершенно счастливымъ.

При засвидѣтельствованіи вамъ искренняго почитанія, честь имѣю пребыть, милостивый государь, покорнѣйшая ваша

Надежда Пушкина.

6.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

По приказанію вашему являлся я къ графу Канкрину и говорилъ о вашемъ дѣлѣ, т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ министра довольно неблагосклоннымъ. Онъ говорилъ, что сіе дѣло зависитъ единственно отъ Государя; я просилъ отъ него по крайней мѣрѣ обѣщанія не прекословить Государю, если Его Величеству угодно будетъ оказать вамъ отъ себя оное вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что̀ касается до позволенія перелить памятникъ, то вы получите немедленно бумагу на имя ваше отъ генерала Бенкендорфа. Судьба

моя зависитъ отъ васъ; осмѣливаюсь вновь умолять васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

14 Августа 1830. Москва.

7.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Сердечно жалѣю, что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ. Я бы за счастіе почелъ сдѣлать что-нибудь вамъ угодное.

Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина и хлопоты по сему печальному случаю разстроили опять мои обстоятельства. Не успѣлъ я выдти изъ долга, какъ опять принужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправляюсь я въ Нижегородскую деревню, дабы вступить во владѣніе оной. Надежда моя на васъ однихъ. Отъ васъ однихъ зависитъ рѣшеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

24 Августа (1830). Москва.

8.

Къ нему же.

Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому, что опасался получить отказъ, не въ пору приступая съ просьбою къ Государю или министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны вешней погодѣ: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка. Вамъ угодно было спросить у меня совѣта на счетъ пути, по которому препроводить вамъ къ Государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и короче чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ

снисходительный, благонамѣренный и чуть ли не́ единственный вельможа, чрезъ котораго намъ доходятъ частныя благодѣянія Государя.

Препоручая себя вашему благорасположенію, имѣю счастіе быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

9 Сентября 1830. Село Болдино.

9.

Къ нему же.

Милостивый государь, дѣдушка Аѳанасій Николаевичъ!

Спѣшу извѣстить васъ о счастіи моемъ и препоручить себя вашему отеческому благорасположенію, какъ мужа безцѣнной внуки вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были бы ѣхать къ вамъ въ деревню; но мы опасаемся васъ обезпокоить и не знаемъ, въ пору ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичъ*) сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожетесь на счетъ приданаго; моя усильная просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы не разстроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія; мы же въ состояніи ждать. Что́ касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на ваше благорасположеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь дѣдушка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою и внукомъ

Александръ Пушкинъ.

24 Февраля 1831. Москва.

Приписка Натальи Николаевны.

Любезный дѣдушка!

Имѣю счастіе извѣстить васъ наконецъ о свадьбѣ моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположенію. Съ моей же стороны чувства преданности, любви и почтенія никогда не измѣнятся. Сердечно надѣюсь, что вы по прежнему останетесь моимъ вѣрнѣйшимъ благодѣтелемъ. При семъ цѣлую ручки ваши и честь имѣю пребыть на всегда покорная внучка

Наталья Пушкина.

*) Старшій братъ Натальи Николаевны.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ
А. С. ПУШКИНА.
Вновь найденные стихи.

Екатерина Вторая, женщина, какъ извѣстно, вовсе не слезливаго права, говоритъ (въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гримму), что она умилилась и растрогалась, когда передъ нею открылся воздвигнутый по ея замыслу памятникъ Петру Великому. Это было 7 Августа 1782 года, на другой день праздника *Преображенія*, и Государыня смотрѣла на торжество открытія изъ нынѣшняго помѣщенія Правительствующаго Сената въ Петербургѣ. Екатерина, государственнымъ умомъ своимъ и отлично-усвоеннымъ Русскимъ чувствомъ, постигала великое значеніе этого памятника. Это не только мѣдная хвала преобразованію, но и олицетвореніе всей новой Русской исторіи. Мѣдный Всадникъ попираетъ змѣю недоумѣній и безоглядно мчится вдаль, грозный, и въ тоже время ликующій. Сравните это изображеніе съ памятникомъ подъ Липами въ Берлинѣ, и вамъ ясно представится характеръ обоихъ народовъ и странъ. Оба изваянія отличаются сходствомъ со своими подлинниками. Самый конь Берлинскаго изваянія выступаетъ съ какою-то оглядкою и осторожностью, а

Въ семъ конѣ какой огонь,
Какая сила въ немъ сокрыта!

Въ наши дни утратилось нѣсколько обаяніе мѣднаго Петербургскаго Всадника: стѣснена площадь, на которой онъ красуется; самое изображеніе заслонено чрезъ мѣру раздвинутымъ садомъ, и вечеромъ, когда проѣзжаешь тѣми мѣстами, уже не такъ отчетливо какъ прежде выступаетъ Петръ

Во мракѣ мѣдной головой.

Чудесно-художественный образъ Петра Великаго памятенъ и дорогъ Русскому сердцу; онъ будитъ въ насъ потребность и обязательство учиться; онъ живо напечатлѣнъ въ каждомъ изъ насъ, кто сколько и когда-нибудь останавливался мыслью и болѣлъ душою надъ судьбами родной земли. Глядя на

этого Всадника, либо вспоминая про него, Русскій человѣкъ невольно задумывается о значеніи Петровскаго переворота, объ нашихъ отношеніяхъ къ старшимъ братьямъ общей Европейской семьи, о томъ, сколько потрачено силъ на созиданіе Петровской столицы, какъ много пролито Русской крови ради нашей совмѣстной политической жизни съ Европою, какъ мало узнано и усвоено, и за то какъ много пренебрежено и позабыто....

Петръ вдвинулъ насъ въ Европу, и не прошло столѣтія съ его кончины, какъ Европа уже припожаловала къ намъ съ мечемъ и огнемъ. Запылала Москва, и Русскому Государю пришлось заботиться о томъ, какъ бы снять съ гранитной скалы и увезти въ безопасное мѣсто геніальное произведеніе ваятельнаго искусства, предметъ многолѣтнихъ заботъ его бабки. Статсъ-секретарь Молчановъ опредѣлительно передавалъ князю П. А. Вяземскому, что въ 1812 году, когда Петербургу грозила опасность Французскаго нашествія, Александръ Павловичъ поручалъ ему, Молчанову, спасеніе Мѣднаго Всадника, для чего секретно получилъ онъ изъ казначейства и нужныя деньги *). Памятникъ предназначался къ упаковкѣ и вывозу изъ Петербурга водою. „И подлинно“, прибавляетъ князь Вяземскій, „слишкомъ было бы грустно старику видѣть, какъ чрезъ прорубленное имъ окно влѣзли воры“.

Мысли и чувства, возбуждаемыя памятникомъ Петру Великому, часто и много занимали Пушкина. Самое то, что статую хотѣли увозить изъ Петербурга, могло быть ему извѣстно, и можетъ быть даже еще въ Лицеѣ, гдѣ онъ чуткимъ отрокомъ слѣдилъ за событіями 1812 года, какъ это видно изъ многихъ его стихотвореній. Въ одной изъ трехъ рукописей „Мѣднаго Всадника“, хранящихся нынѣ въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ (по описи, тетради XI, XII, XIII) встрѣчаемъ слѣдующіе неоконченные стихи:

Была ужасная година;
Объ ней начну простой разсказъ.
Давно, когда я въ первый разъ
Услышалъ мрачное преданье,
Я далъ тогда же обѣщанье
Стихомъ...... передать.

Пушкинъ находился у себя въ Псковской деревнѣ, когда случилось страшное наводненіе, грозившее гибелью уже не только Мѣдному Всаднику, но и всему Петербургу. Судя по сохранившимся отмѣткамъ на Петербургскихъ домахъ, надо полагать, что вода заливала самое подножіе кумира. Поэтъ имѣлъ извѣстія объ этомъ событіи не въ однихъ газетахъ. Друзья, навѣщавшіе его въ изгнаніи, Пущинъ, Дельвигъ, конечно передавали ему подробности бѣд-

*) Р. Архивъ 1873, стр. 1027.

ствія, къ которому онъ относился съ тревожнымъ любопытствомъ и съ участливымъ сердоболіемъ: извѣстно, что онъ поручалъ брату Льву Сергѣевичу помогать пострадавшимъ отъ наводненія изъ денегъ, выручаемыхъ за „Онѣгина". Вслѣдъ за тѣмъ Петровская площадь еще сильнѣе стала привлекать къ себѣ поэтическія думы Пушкина: на ней произошло роковое событіе 14 Декабря, въ которомъ принимали участіе многіе пріятели его и къ которому онъ во всю жизнь потомъ обращался мыслію.—Еще черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ съ большимъ усердіемъ и усидчивостью принялся за исторію Петра. Извѣстно, что у него всякое занятіе, всякое даже новое впечатлѣніе обращалось въ достояніе его художественнаго творчества. Повѣсть „Арапъ Петра Великаго" по отношенію къ этой разработкѣ Петровскихъ бумагъ тоже что „Капитанская Дочка" относительно труда о Пугачевскомъ бунтѣ. Пушкинъ волновался и тревожился, не зная, какъ оцѣнить Петра: то восхищался онъ его геніемъ, то утверждалъ, что Петръ презиралъ человѣчество еще болѣе, чѣмъ Наполеонъ, и находилъ въ немъ совмѣщеніе свойствъ Наполеона и Робеспьера. Мѣдный Всадникъ преслѣдовалъ его воображеніе, и хотя онъ не успѣлъ выдать эту лучшую свою поэму (при жизни его напечатано только *Вступленіе* съ описаніемъ Петербурга), но мы видимъ въ ней необыкновенное совершенство отдѣлки. Нигдѣ стихъ Пушкина не достигаетъ такой силы, такой, можно сказать, отчеканки: это стихи металлическіе, которые не забываются.

Рукописи „Мѣднаго Всадника" исполнены помарокъ и переправокъ. Писанъ онъ осенью 1833 года, въ Нижегородской деревнѣ, куда Пушкинъ заѣхалъ на обратномъ пути изъ Оренбургской поѣздки. Начатъ онъ 6-го Октября:

На берегу Варяжскихъ волнъ
Стоялъ, задумавшись глубоко....
Отсель стеречь мы будемъ Шведа.
На зависть грознаго сосѣда....

Мы уже знаемъ, что „Родословная моего героя" должна была входить въ составъ „Мѣднаго Всадника". Она писана въ перемежку съ нимъ. Тутъ встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Къ тому же это подражанье
Поэту Байрону. Нашъ лордъ,
Какъ говоритъ о немъ преданье,
Не только былъ отмѣнно гордъ
Великимъ даромъ пѣснопѣнья,
Но и...... рожденья.
Ламартинъ,
Я слышалъ, также дорожилъ....
Гюго, не знаю...

Въ Россіи же мы всѣ дворяне,
Всѣ, кромѣ, двухъ иль трехъ; за то
Мы ихъ и ставимъ ни во что
Угодно знать происхожденье,
И родъ, и племя, и года Евгенія?...
А впрочемъ гражданинъ столичный,
Какихъ встрѣчаете вы тьму,
Ничѣмъ отъ братьи неотличный
Ни по лицу, ни по уму.
Мнѣ скажутъ можетъ быть: зачѣмъ
Ничтожнаго героя
Взялся я снова воспѣвать?
...Что́ за мода!
Не лучше ль, ежели поэтъ
Возметъ возвышенный предметъ?...

*

Хоть человѣкъ онъ не военный,
Не демонъ, даже не Цыганъ,
А просто молодой чиновникъ,
Довольно смирный и простой,
Лѣнивый тѣломъ и душой....
Хоть не похожъ онъ на Цыгана....
Не тигръ...
Не чернокнижникъ молодой,
Не демонъ, даже не убійца
Не бѣлокурый мизантропъ,
Гонитель дамъ и кровопійца,
(Не чалмоносный кровопійца)
И не лунатикъ... *)
А малый добрый и простой.

*

Какой вы строгій литераторъ!
Вы говорите, критикъ мой,
Что ужъ коллежскій регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой;
Что выборъ мой совсѣмъ ничтоженъ,
Что въ немъ я страхъ неостороженъ,

*) Въ скобкахъ поставлено, здѣсь и ниже, что́ Пушкинъ зачеркнулъ. П. Б.

Что долженъ брать себѣ поэтъ
Всегда возвышенный предметъ....
Что въ спискахъ цѣлаго Парнасса
Героя нѣтъ такого класса.
Вы правы; но, божиться радъ,
И я совсѣмъ не виноватъ.

*

Онъ одѣвался нерадиво,
На немъ сидѣло все не такъ;
Всегда бывалъ застегнутъ криво
Его зеленый, узкій фракъ;
Но должно знать, что мой чиновникъ
Былъ сочинитель и любилъ...
Мы будемъ звать его Евгеній,
Затѣмъ, конечно, что языкъ
Ко звуку этому привыкъ.

*

Но о прошедшемъ очень мало
Иванъ Езерскій помышлялъ;
Лишь настоящаго алкало
Въ немъ сердце....

*

Извѣстные строфы, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о томъ, что обѣдняло наше старинное дворянство, такъ читаются въ его рукописяхъ.

Мнѣ жаль, что домы наши новы,
Что прибиваемъ мы на нихъ
Не льва съ мечемъ, не щитъ гербовый,
А рядъ лишь вывѣсокъ цвѣтныхъ.
Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной,
Ввѣряя чистый свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
Влачимъ ярмо неволи темной
И что спасибо намъ за то,
Не скажетъ, кажется, никто...
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Въ своихъ владѣньяхъ родовыхъ;

Что наши сёла, нужды ихъ
Намъ вовсе чужды; что науки
Пошли не въ прокъ намъ, что съ проста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état,
Что будутъ нищи наши внуки;
Что Русскій вѣтреный бояринъ
Теряетъ грамоты царей
Какъ старый сборъ календарей;
Что историческіе звуки
Намъ стали чужды...
Что нищи будутъ наши внуки....
Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной
Дозволя грабить свой доходъ,
Съ трудомъ яремъ заботы темной
Влачимъ въ столицѣ круглый годъ;
Что не живемъ, семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Старѣя близь могилъ родныхъ
Въ своихъ помѣстьяхъ родовыхъ,
Гдѣ въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава,

Что геральдическаго льва и т. д., какъ въ общеизвѣстномъ изданіи.—Пушкинъ испыталъ всю разорительность Петербургской жизни, и, какъ извѣстно, денежное разстройство держало его въ томъ раздражительномъ состояніи, которое отчасти было одною изъ причинъ его гибели. Осенью 1836 года онъ думалъ покинуть Петербургъ и поселиться совсѣмъ въ Михайловскомъ; по словамъ покойника Нащокина, Наталья Николаевна соглашалась на это, но ему не на что было перебраться туда съ большою семьею, и Пушкинъ умолялъ о присылкѣ пяти тысячъ рублей, которыхъ у Нащокина на ту пору не случилось.

*

Тутъ онъ разнѣжился сердечно
И размечтался какъ поэтъ:
„А почему жъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
Я не богатъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
И у Параши нѣтъ имѣнья.
Ну что жъ! Какое дѣло намъ!
Ужели только богачамъ

Жениться можно? Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ.

Первоначально, Пушкинъ хотѣлъ разсказать про своего героя что-то другое. Вотъ полуразобранный отрывокъ, который о томъ свидѣтельствуетъ:

Тогда по каменной площадкѣ
Пескомъ усыпанныхъ сѣней
Взбѣжалъ по ступенямъ отлогимъ
Широкой лѣстницы своей,
...Кто-то съ видомъ строгимъ
Звонилъ у запертыхъ дверей.
Минуту ждалъ нетерпѣливо.
Дверь отворилась. Онъ бранчиво
Вошелъ...
Лакею выговоръ прочелъ
И въ кабинетъ къ себѣ прошелъ.
Радостно залаялъ
Церберъ косматый
И положилъ ему на плеча
Свои двѣ лапы, и потомъ
Улегся тихо подъ столомъ...
Раздѣлся: былъ онъ озабоченъ,
Какъ тотъ, у коего просроченъ.

Просроченъ... конечно вексель: дѣло несчастному поэту обычное.

Во вступленіи къ поэмѣ, въ великолѣпномъ описаніи Петербурга, пропущено слѣдующее четверостишіе

Цвѣтные дротики улановъ,
Звукъ трубъ и грохотъ барабановъ;
Люблю на улицахъ твоихъ
Встрѣчать поутру взводы ихъ.

И далѣе:

Или креститъ, средь Невскихъ водъ,
Меньшаго брата Русскій флотъ;
Или Нева весну пируетъ
И въ море мчитъ разбитый ледъ...

*

Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ

И колебать уже не будутъ
Гранитъ подножія Петра!
Была ужасная пора...
Но пусть объ ней воспоминанье
Живетъ въ моемъ повѣствованьи,
И будетъ пусть оно для васъ,
Друзья, вечерній лишь разсказъ,
А не зловѣщее преданье.

29 Окт.

Пушкинъ передѣлалъ это окончаніе, и тутъ сказался въ немъ художественный его геній: поэзія не должна быть зловѣщею. Какъ ни занимала Пушкина мысль о столицѣ, ежегодно угрожаемой гибельнымъ наводненіемъ; какъ ни мучили его нестройности жизни въ долгъ, не по состоянію, но онъ ими не нарушалъ поэтической гармоніи своего произведенія.

Приводимъ описаніе самаго наводненія, какъ оно написано въ первоначальной тетради: читатели сами замѣтятъ отличія противъ общеизвѣстнаго текста.

Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И *мыломъ* разъяренныхъ водъ...
Но бурнымъ моремъ (силой вѣтровъ) отъ залива
Уже гонимая Нева,
Обратно шла, гнѣвна, бурлива
И затопляла острова.
Она бродила и кипѣла
И пуще, пуще свирѣпѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,
И вдругъ какъ звѣрь остервенясь,
Со всею силою своею
Пошла на приступъ. Передъ нею
Все побѣжало: воды вдругъ
Завоевали все вокругъ.
Съ Невой слились ея каналы,
И захлебнулися подвалы,
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ
По поясъ въ воду погруженъ.
И страхъ, и смѣхъ! Какъ воры, волны
Полѣзли въ окна. Съ ними челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой.

Помчали бѣшеныя волны
Мосты, снесенные грозой,
Обломки хижинъ, бревна кровли,
Запасы мелочной торговли,
Пожитки бѣдныхъ, рухлядь ихъ,
Колеса дрожекъ городскихъ,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по городу.

Зачеркнутое далѣе въ рукописи слово *гробъ* напоминаетъ намъ преданіе, слышанное нами отъ современниковъ, будто одинъ изъ плывшихъ по Петербургу гробовъ, гонимый сильною волною, прошибъ оконную раму въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца и внесенъ былъ въ комнату самого Государя, который, какъ извѣстно, въ то время страдалъ рожею на ногѣ и жилъ внизу. (На свадьбѣ великаго князя Михаила Павловича онъ даже въ церкви сидѣлъ въ креслахъ). Правда это или нѣтъ, не ручаемся; знаемъ только, что дворцовыя кухни были залиты, и населеніе дворца въ этотъ день оставалось безъ обѣда. Вѣрно также то, что сначала ужасъ, а потомъ тяжкое уныніе овладѣли Александромъ Павловичемъ. Въ эти самые дни, у него въ Зимнемъ дворцѣ умиралъ одинъ изъ ближайшихъ свидѣтелей и сподвижниковъ его воцаренія, Ѳ. П. Уваровъ: Государь безпрестанно навѣщалъ его, и тутъ его видалъ одинъ изъ родственниковъ Уварова, оставившій намъ въ своихъ Запискахъ разсказъ о томъ, какъ Государь не таилъ предчувствія близкой собственной кончины. Онъ говорилъ, что передъ его рожденіемъ (12 Декабря 1777) Нева точно также затопляла дворецъ. Надо вспомнить, что канунъ наводненія 1824 года былъ днемъ кончины императрицы Екатерины, по которой, конечно, и служили въ дворцовой церкви панихиду. Не знаемъ, былъ ли Государь на этой панихидѣ; но вотъ что находится въ рукописи Пушкина:

Тотъ самый годъ
Послѣднимъ годомъ былъ державства
Царя.
Соображалъ....
Что лѣта семьдесятъ седьмаго...
Вчера была ей годовщина...
Екатерина
Была жива, и Павлу сына
Въ тотъ годъ Всевышній даровалъ,
Порфиророднаго младенца....

Пушкинъ возвращался къ этому предмету, и въ другомъ мѣстѣ его рукописи читаемъ:

Тогда еще Екатерина
Была жива...
И гимнъ свой про тотъ день
Бряцалъ Державинъ....

Пушкину хотѣлось дать образчикъ и того, что̀ могло происходить тогда во внутренности Петербургскихъ домовъ:

Со сна идетъ къ окну сенаторъ
И видитъ—въ лодкѣ по Морской
Плыветъ военный губернаторъ.
Сенаторъ обмеръ: Боже мой!
Сюда, Ванюша! Встань немножко;
Гляди: что̀ видишь ты въ окошко?
—Я вижу-съ, въ лодкѣ генералъ
Плыветъ въ ворота мимо будки.
—Ей Богу?—Точно-съ.—Кромѣ шутки?
—Да такъ-съ. Сенаторъ отдохнулъ
И чаю проситъ. Слава Богу!
Ну, графъ *), надѣлалъ мнѣ тревогу:
Я думалъ, я съ ума свихнулъ.

*

Предоставляемъ читателю удовольствіе самому сличить что̀ есть новаго въ нижеслѣдующемъ:

И онъ какъ будто околдованъ,
Какъ будто силой злой прикованъ,
Недвижно, къ мѣсту одному,
И нѣтъ возможности ему
Перелетѣть! Гроза пируетъ,
Мостовъ ужъ нѣтъ, исчезъ народъ.
Нева на площади бунтуетъ!
Несчастный молча негодуетъ,
И прямо передъ нимъ изъ водъ
Возникнулъ мѣдною главою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ,
Невѣ безумной въ тишинѣ
Грозя недвижною рукою.

*

---

*) Графомъ-просто въ то время называли въ Петербургѣ военнаго губернатора графа Милорадовича. П. Б.

Но вотъ, насытясь возмущеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь разрушеньемъ.
...Такъ злодѣй
Съ свирѣпой шайкою своей,
Въ село ворвавшись, ломитъ, рѣжетъ,
И жжетъ и грабитъ.
Младенцы плачутъ, вопли, скрежетъ...
Евгеній смотритъ, видитъ лодку,
Неоцѣненную находку!
Сюда! онъ машетъ, онъ зоветъ...
Съ дворовъ
Свозили лодки, и Хвостовъ,
Піитъ любимый небесами,
Воспѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ.
...Недвижныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался.

*

Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны ярыя носились,
Бунтуя злобно, вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ гордою главой;
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Какъ грозенъ онъ стоитъ во мглѣ!
Какая сила на челѣ!
Какая дума въ немъ сокрыта!
А въ звѣрѣ семъ какой огонь!
Куда вскакалъ ты, мѣдный конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный Царь, о мужъ судьбы!
Не такъ ли ты уздой желѣзной,
На высотѣ, надъ самой бездной
Россію поднялъ на дыбы?...
Вскипѣла кровь. Онъ мрачно сталъ

Передъ великимъ истуканомъ,
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
„Добро, строитель чудотворный!“
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ.
„Ужо тебѣ!...“ и вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалося
Ему, что страшнаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось
Къ нему. И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-мѣрное (далеко-звонкое) скаканье
По потрясенной мостовой.
И видитъ—въ темнотѣ ночной,
Весь озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
Вдали несется всадникъ мѣдной
На тяжко скачущемъ конѣ.

Вспомнимъ извѣстный разсказъ о маiорѣ Батуринѣ, который передавалъ князю А. Н. Голицыну о своемъ снѣ, какъ его въ 1812 году преслѣдовалъ Мѣдный Всадникъ по Петербургскимъ площадямъ и улицамъ. Пушкинъ слышалъ этотъ разсказъ отъ графа Вьельгорскаго.

Стихи:

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того чьей волей роковой
Надъ моремъ гордо основался

зачеркнуты, и вмѣсто нихъ написано рукою Жуковскаго:

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдной головой
И съ распростертою рукой
Какъ будто градомъ любовался.

Далѣе зачеркнуты десять слѣдующихъ стиховъ:

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!

Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный (властелинъ) баловень судьбы!
Не такъ ли ты скакалъ надъ бездной,
(На высотѣ) И осадивъ уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

Въ дальнѣйшемъ поправки рукою Пушкина:

Кругомъ (подножія кумира) скалы съ тоскою дикой
Безумецъ бѣдный обошелъ
И (взоры дикіе навелъ) надпись яркую прочелъ
(На ликъ державца полуміра),
И сердце скорбію великой
Стѣснилось (грудь его) въ немъ.

Дальше вмѣсто:

Предъ горделивымъ истуканомъ

Жуковскій поправилъ:

Предъ дивнымъ Русскимъ великаномъ и зачеркнулъ слѣдующіе стихи:

И перстъ съ угрозою поднявъ,
Шепнулъ, волнуемъ мыслью черной:
Добро, строитель чудотворной,
Ужо тебѣ!"

Изъ другихъ разнорѣчій замѣтимъ: Вмѣсто *померкла старая Москва* Пушкинъ написалъ *главой склонилася Москва*. Вмѣсто *живетъ въ чуланѣ*: живетъ въ Коломнѣ. Вмѣсто *кумиръ съ простертою рукою* Пушкинъ написалъ *Сѣдокъ*, а рукою Жуковскаго поправлено *Гигантъ*.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 201) мы объяснили, почему нельзя винить Жуковскаго за измѣненія, которыя онъ дѣлалъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что проживи Пушкинъ далѣе, онъ еще и еще возвратился бы къ „Мѣдному Всаднику", и поэма его получила бы еще бо́льшее совершенство. Но будемъ благодарны судьбѣ и за то что́ имѣемъ. П. Б.

О СТИХОТВОРЕНІИ ПУШКИНА

„ПАМЯТНИКЪ“.

(Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный).

Въ подлинной рукописи стихотвореніе это не озаглавлено и имѣетъ эпиграфомъ первыя два слова изъ извѣстной оды Горація. Слова эти (какъ видно изъ приведеннаго выше (стр. 143) наброска) приходили на мысль Пушкину еще въ Одессѣ, когда онъ писалъ строфы Онѣгина, въ которыхъ говоритъ о своемъ поэтическомъ безсмертіи:

Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

Въ одной изъ раннихъ тетрадей его находится замѣтка, гдѣ онъ говоритъ, что, при всей несоизмѣримости способовъ, онъ имѣлъ въ послѣдніе годы Александровскаго царствованія болѣе вліянія, чѣмъ все министерство народнаго просвѣщенія. Въ свѣтлыя минуты свои Пушкинъ отличался необыкновенно-яснымъ сознаніемъ своихъ силъ и своего значенія. Нѣтъ однако сомнѣнія, что онъ никогда бы не рѣшился печатно говорить о памятникѣ самому себѣ, какъ это сдѣлалъ въ оглашенномъ при жизни духовномъ завѣщаніи своемъ другой великій нашъ писатель.

Стихотвореніе „Памятникъ“ имѣетъ значеніе поэтической автобіографіи, писанной про себя, въ послѣдніе мѣсяцы жизни, когда мысль о близкой кончинѣ безпрестанно занимала Пушкина и послѣ того, какъ онъ уже заказалъ себѣ могилу въ Святогорскомъ монастырѣ, гдѣ теперь лежитъ.

„Памятникъ“ напечатанъ въ первый разъ черезъ четыре года по смерти Пушкина, въ дополнительномъ изданіи его сочиненій 1841 года. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого вышла извѣстная „Переписка съ друзьями“, гдѣ Гоголь говоритъ Жуковскому по поводу этого стихотворенія: „Хотя въ *Наполеоновомъ столбѣ* виноватъ, конечно, ты; но положимъ, если бы даже стихъ

остался въ своемъ прежнемъ видѣ, онъ все таки послужилъ бы доказательствомъ, и даже, еще бóльшимъ, какъ Пушкинъ, чувствуя свое личное преимущество, какъ человѣка, предъ многими изъ вѣнценосцевъ, слышалъ въ тоже время всю малость званія своего предъ званіемъ вѣнценосца" и проч. (Соч. Гоголя, изд. 1880, IV, 602). Признаемся, что мы не видимъ тутъ „доказательства", о которомъ говоритъ Гоголь. Это мѣсто въ „Перепискѣ" Гоголя долго оставалось загадочнымъ. Мы напрасно обращались къ П. А. Плетневу и князю П. А. Вяземскому за разъясненіемъ, и только теперь подлинная рукопись Пушкина выясняетъ, въ чемъ дѣло.

Прибавимъ, что въ тетради стиховъ Пушкина, писанной рукою писца и по всѣмъ признакамъ назначенной для сдачи въ печать, послѣдній стихъ первой строфы измѣненъ еще такъ: „Великолѣпнаго столба". Но и это показалось слишкомъ прозрачнымъ намекомъ на Александровскую колонну передъ Зимнимъ дворцомъ. Пушкинъ, какъ видно теперь по его Запискамъ, не захотѣлъ быть на ея открытіи 30 Августа 1834; а Жуковскій написалъ и напечаталъ о томъ извѣстное превосходное письмо свое. Для того, чтобы стихотвореніе прошло въ печати, пригодился „Наполеоновъ столбъ".

Отношенія Пушкина къ Александру Павловичу и къ его памяти будутъ предметомъ особаго разслѣдованія; здѣсь замѣтимъ только, что извѣстные стихи, которые Пушкинъ, по обычаю своему, прикрылъ заглавіемъ: „Къ бюсту Завоевателя" и которыхъ, впрочемъ, самъ не напечаталъ, изображаютъ Александра Перваго. Пушкинъ безъ сомнѣнія видѣлъ его мраморный бюстъ (нынѣ украшающій собою одну изъ залъ Императорской Публичной Библіотеки), изваянный Торвальдсеномъ въ 1818 году, во время открытія перваго Варшавскаго сейма (когда въ Россіи уже пользовался полною силою Аракчеевъ): прекрасный лобъ съ морщиною, а на устахъ привѣтливая Екатерининская улыбка.

Таковъ и былъ сей властелинъ,
Къ противочувствіямъ привыченъ и пр.

Чтó касается до Жуковскаго, измѣнившаго смыслъ Пушкинскихъ стиховъ, то винить его невозможно, когда знаешь, что иначе стихотвореніе могло бы погибнуть; что бумаги Пушкина, вслѣдъ за его кончиною, немедленно были опечатаны чиновникомъ III-го отдѣленія [1]); что были властные люди, радостно потиравшіе себѣ руки въ надеждѣ отыскать въ рукописяхъ Пушкина и въ его перепискѣ новыхъ яко бы уликъ по дѣлу 14 Декабря; что участь, напримѣръ, князя Вяземскаго висѣла на недоразумѣніи; что Булгаринъ съ братьею былъ свой графу Бенкендорфу и Дубельту, подпись котораго и те-

---

[1]) Сургучъ въ домѣ нашелся только черный, такъ какъ не прошло еще года съ кончины матери Пушкина. (Слышано отъ П. А. Плетнева).

перь красуется на Пушкинскихъ тетрадяхъ, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ, откуда взятъ прилагаемый снимокъ.

Читатели обратятъ вниманіе на четвертую строфу стихотворенія „Памятникъ". Любопытно, что сначала Пушкину пришелъ въ голову Радищевъ, которымъ онъ передъ тѣмъ занимался, обработывая статью о немъ для своего „Современника". Пушкинъ зачеркнулъ это имя; но видно, что свое мнѣніе о Радищевѣ онъ долго мѣнялъ и не зналъ, какъ отнестись къ нему окончательно. Кстати сказать, что въ извѣстной статьѣ: „Александръ Радищевъ" у него въ рукописи зачеркнуты слѣдующія характерныя слова: „Отымите у него честность, въ остаткѣ будетъ Полевой".

И такъ вотъ въ какомъ видѣ оставилъ намъ Пушкинъ свое знаменитое стихотвореніе:

Подлинный текстъ Пушкинскаго „Памятника".

Exegi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столба.

*

Нѣтъ, весь я не умру. Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

*

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

*

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

*

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна.
Обиды не страшись, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

1836. Авг. 31. Кам. Остр.

Для сличенія приведемъ первоначальный Гораціевъ образецъ и Державинское стихотвореніе, которому (по замѣчанію еще Бѣлинскаго) подражалъ Пушкинъ.

Горацій.

(книга 3-я, ода 30).

Exegi monumentum aere perennius
Regalique situ pyramidum altius,
Quod non imber edax, non Aquilo impotens
Possit diruere, aut innumerabilis
Annorum series et fuga temporum.
Non omnis moriar multaque pars mei
Vitabit Libitinam: usque ego postera
Crescam laude recens, dum Capitolium
Scandet cum tacita virgine pontifex.
Dicar, qua violens obstrepit Aufidus
Et qua pauper aquae Daunus agrestium
Regnavit populorum, ex humili potens
Princeps Aeolium carmen ad Italos
Deduxisse modos. Sume superbiam
Quaesitam meritis et mihi Delphica
Lauro cinge volens, Melpomene, comam.

Державинъ.

(Гротовское изд. I, 785).

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металовъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстотечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.

*

Такъ весь я не умру; но часть меня бо̀льшая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

*

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

*

О Муза, возгордись заслугой справедливой
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай,
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о бронзомъ памятникѣ, открытомъ въ Москвѣ 6-го Іюня 1880 г. Можно бы составить цѣлую большую книгу изъ того, что̀ говорилось и печаталось по поводу этого событія. На радостяхъ, что открытіе, наконецъ, послѣдовало, забыли обратить вниманіе на то, что памятникъ обошелся слишкомъ дорого. По оглашеннымъ отчетамъ выходитъ, что напр. памятникъ князю Воронцову въ Одессѣ, представлявшій художнику больше затрудненій, украшенный тремя превосходными барельефными картинами и отлично исполненный, стоилъ слишкомъ вдвое дешевле Пушкинскаго. На собранныя деньги можно было, кромѣ постановки памятника, выкупить право изданія сочиненій Пушкина и издать поэта въ подобающемъ ему видѣ, а не такъ спѣшно, какъ онъ теперь въ послѣдній разъ изданъ.

Лицо, близко знавшее Пушкина, на вопросъ нашъ, какъ ему нравится памятникъ, отвѣчало: „Я недоволенъ имъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, такой шляпы Пушкинъ не имѣлъ, да и съ трудомъ могъ бы добыть ея, такъ какъ такихъ шляпъ тогда не носили; во вторыхъ главная прелесть Пушкина въ его безыскуственности, въ томъ, что онъ никогда не становился на ходули и отличался необыкновенною искренностью и простотою; а тутъ Пушкинъ представленъ въ несвойственномъ ему, нѣсколько вычурномъ, положеніи". — Насъ увѣряли, будто шляпа на памятникѣ передѣлывалась, и сначала была круглая, съ какою Пушкинъ представленъ на одномъ изъ снятыхъ при его жизни портретовъ.

Недоумѣваемъ мы также, отчего ограничились одною панихидою въ церкви и отчего не послѣдовало окропленія памятника святою водою, какъ это было съ памятниками Ломоносова, Державина и Карамзина: Пушкинъ умеръ вѣрующимъ христіаниномъ.

Самое празднованіе происходило какъ-то торопливо. Оставлена почему-то мысль собрать на площади избранныхъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Кстати: дочери извѣстной писательницы, графини Е. П. Ростопчиной (дарованіе которой цѣнилъ Пушкинъ, бывавшій въ ея домѣ обычнымъ гостемъ) просятъ насъ заявить, что не были положены къ подножію статуи вѣнки и ленты, присланные ими изъ Италіи и Парижа. *П. Б.*

Exegi monumentum

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный
Къ нему не зарастетъ народная тропа
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа

Нѣтъ весь я не умру — душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ и нынѣ дикой
Тунгузъ и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ

Веленью божію, о муза, будь послушна
Обиды не страшась, не требуя вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспоривай глупца —

1836
авг. 21.
Кам. остр.

Дозволено цензурою, Москва 1880 г. Декабря 8.

лит. В. Бахманъ.

Библиотека

